Эр 1
782
III г.

Макаков, В.А. 4.3
Власти и общественное
на Дальнем Востоке России

БИБЛІОТЕКА
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ"
РОССІИ

Эр I
782

В. А. МАКЛАКОВЪ

Власть и общественность на закатѣ старой Россіи

(Воспоминанія современника)

К 3

III.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ"
на 1936 г.

Книга 25

Подписка на 1936 годъ

на самый большой русскій **ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ**, издающійся въ Парижѣ.

„Иллюстрированная Россія“

ВЪ 1936 ГОДУ ПОДПИСЧИКИ „ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“ ПОЛУЧАТЪ:

52 НОМЕРА богато иллюстрированнаго журнала съ произведеніями русскихъ и иностранныхъ авторовъ, разсказами, очерками, воспоминаніями, собственнымъ репортажемъ, карикатурами и обильнымъ фотографическимъ матеріаломъ изъ жизни Сов. Россіи и всего міра

И 48 КНИГЪ литературныхъ приложеній **БИБЛІОТЕКИ** „Иллюстрированной Россіи“

48 книгъ приложеній „Иллюстрированной Россіи“ состоятъ изъ:

14 кн.	полн. собр. сочиненій	**А. П. ЧЕХОВА** (въ переплетахъ)
8 кн.	избранныя сочиненія	**М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**
8 кн.	„ОБРЫВЪ“ и „ОБЛОМОВЪ“	**И. А. ГОНЧАРОВА**
5 кн.	избранныя сочиненія	**Ал. К. ТОЛСТОГО**
5 кн.	избранныя сочиненія	**Н. С. ЛѢСКОВА**
2 кн.	стихотворенія	**А. Н. АПУХТИНА**
2 кн.	„10 симфоній“ и „Новые портреты“	**М. А. АЛДАНОВА**
3 кн.	Власть и Общественность на захватѣ Старой Россіи	**В. А. МАКЛАКОВА**
1 кн.	Послѣдніе разсказы	**М. ЗОЩЕНКО**

Всего 48 книгъ,

Напечатанныхъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, около 10.000 страницъ, представляютъ прекрасную библіотеку.

Условія подписки см. на 3-ьей стран. облож.

Всѣмъ подписчикамъ на 1936 г. безплатная премія—2 тома полн. собр. соч. А. С. Пушкина.

17914
17/IV 1927

Отдѣлъ четвертый.

Первая Революція.

Глава XVI.

МАНИФЕСТЪ 17 ОКТЯБРЯ.

17 октября было полной побѣдой либерализма, «увѣнчаніемъ зданія». Это не было тѣмъ выбрасываніемъ балласта, которымъ Самодержавіе хотѣло бы спасти свою сущность, не было ни обѣщаніемъ либеральныхъ реформъ, какъ 12 декабря, ни созданіемъ Булыгинской Думы. Самодержавіе отнынѣ себя *упразднило*. Коституція была возвѣщена и обѣщана; оставалось претворить это обѣщаніе въ жизнь. Но тогда начиналась расплата. Всѣ тѣ свойства Освободительнаго Движенія, которыя ему дали побѣду, оказывались вредными, когда было нужно эту побѣду использовать. Военныхъ вождей не надо допускать до веденія переговоровъ о мирѣ.

Это сказалось въ одномъ внѣшнемъ символическомъ признакѣ. 17 октября стали называть «первою Революціей». А между тѣмъ Революціи тогда не произошло. Конечно, можно безгранично злоупотреблять этимъ словомъ, называть имъ всякія идейныя новшества, перемѣну понятій и нравовъ, наконецъ, всякій уличный безпорядокъ. Но тогда это слово теряетъ опредѣленность и ничего не означаетъ.

Государ. публ. ... ая
Историческая
библиотека РСФСР
№34928 1924

403
Кор 47075

Революцію въ историческомъ смыслѣ мы имѣемъ только тогда, когда народныя массы сбрасываютъ прежнюю власть, когда возникаетъ новая власть съ прежней несвязанная. Мы имѣли въ Россіи двѣ такихъ Революціи, въ 1917 году. Но въ 1905 году ея не было. Была великая реформа, совершенная законною властью, была откроирована конституція, о которой издавна мечталъ либерализмъ. По своей глубинѣ и послѣдствіямъ реформа 1905 г. была не меньше реформъ 60-хъ годовъ; но какъ тогда, такъ и теперь Революціи не было.

Но понятіе «Революціи» было давно популярно въ Россіи; даже реформу 61 года не разъ хотѣли перелицевать въ Революцію и 19 февраля сравнивали со «взятіемъ Бастиліи». Характерно для интеллигентской идеологіи, что подобное сравненіе можно было дѣлать серьезно.

Въ 1905 году было болѣе основанія говорить о Революціи, ибо мы къ ней дѣйствительно шли и приблизились. Манифестъ 1905 года, конституція 1906 г. явились не иниціативой предусмотрительной государственной власти, которая сама поняла, что ей надобно дѣлать, а въ результатѣ общественнаго движенія, которое вело къ дѣйствительной Революціи. То движеніе, которое называлось «Освободительнымъ», которое вначалѣ добивалось только замѣны Самодержавія конституціонной Монархіей и осуществленія либеральной программы — переродилось въ движеніе «революціонное», которое своей объявленной программы осуществить не могло бы *безъ* революціоннаго переворота. Достаточно вспомнить, что самую конституцію, по мнѣнію «Освободительнаго Движенія», должно было составить Учредительное Собраніе по 4-хвосткѣ, чтобы понять, что это предполагало предварительное паденіе или полное обезсиленіе исторической власти въ Россіи, т.-е. наступленіе подлинной Революціи. И въ этомъ движеніи участвовали не только революціонеры по программамъ и темпераменту, а вошедшіе въ него, слившіеся съ нимъ въ одной тактикѣ — либераль-

ные люди, которые никакой Революціи не хотѣли, а шли вмѣстѣ съ революціонерами лишь потому, что иначе не надѣялись Самодержавіе свергнуть. Временный союзъ лойяльнаго либерализма съ настоящею Революціей и былъ отличительнымъ свойствомъ того движенія, которое называлось «освободительнымъ».

Если бы Самодержавіе продолжало упорствовать, оно довело бы до открытой гражданской войны; оно могло бы побѣдить, что очень возможно, и эра либерализма была бы еще надолго отсрочена. Оно могло бы пасть передъ Революціей, и мы въ 1905 году получили бы 1917 годъ. Но это все гаданіе заднимъ числомъ. Самодержавіе сумѣло во время уступить и этимъ избавить Россію и отъ гражданской войны и отъ Революціи.

Если бы «Освободительное Движеніе» добивалось одной конституціи — оно бы остановилось; оно своей цѣли достигло. Но власть опоздала; народныя массы уже выходили на улицу. Съ ними шла и Революція. У Революціи была совсѣмъ другая программа, и на первомъ планѣ, въ программѣ minimum — низверженіе не Самодержавія, а Монархіи, установленіе полнаго народовластія и «строительство соціализма» какъ конечная цѣль. Для этой части «Освободительнаго Движенія» 17 октября было такимъ же обманомъ, какъ для либерализма 12 декабря или 6 августа. Уступка сдѣланная въ разгарѣ борьбы не останавливаетъ, а поощряетъ побѣждающую сторону. Революціоннымъ партіямъ, которыя европейскій либерализмъ считали отсталымъ явленіемъ, казалось, что въ Россіи можно установить то, чего не было и въ Европѣ, т. е. новый соціальный порядокъ. Въ одномъ они и не ошибались. Нигдѣ демагогія не могла встрѣтить такъ мало сопротивленія, какъ именно въ нашей некультурной странѣ. 17-ый годъ доказалъ это съ достаточной яркостью. Поэтому въ 1905 г. конституціонной реформой нельзя было совершенно *предупредить Революцію;* ее можно было во время *побѣдить*, но съ ней уже приходилось *бороться.*

И немудрено, что послѣ Манифеста 17 октября внѣшнія черты Революціи только усилились. Люди, пережившіе обѣ революціи, могутъ ихъ сравнивать. Помню свое впечатлѣніе. Несмотря на крушеніе въ 1917 г. исторической власти, тогда, на мой личный взглядъ, первое время было больше порядка. И я себя спрашивалъ, сдѣлался ли народъ разумнѣй подъ вліяніемъ конституціоннаго опыта или на него вліяла война спасительнымъ страхомъ?

Когда 18-го октября утромъ прочли Манифестъ, толпы народа повалили на улицу. Дома раскрасились національными флагами. Но «ликованіе» продолжалось недолго. Революція не остановилась. Манифестанты рвали трехцвѣтные флаги, оставляя только красную полосу. Власть была безсильна и пряталась. На улицахъ была не только стихія; появились и ея руководители. Вечеромъ перваго дня я съ М. Л. Мандельштамомъ зашелъ на митингъ въ консерваторію. Въ вестибюлѣ уже шелъ денежный сборъ подъ плакатомъ «на вооруженное возстаніе». На собраніи читался докладъ о преимуществахъ маузера передъ браунингомъ. Здѣсь мы услыхали про убійство Баумана и про назначеніе торжественныхъ похоронъ. К-д. комитетъ постановилъ принять участіе въ похоронахъ; процессія тянулась на много верстъ. Двигался лѣсъ флаговъ съ надписями: «да здравствуетъ вооруженное возстаніе», «да зравствуетъ демократическая республика». Къ ночи процессія достигла кладбища, гдѣ подруга Баумана Медвѣдева при факельномъ свѣтѣ и съ револьверомъ въ рукѣ клялась отомстить. Цѣлый день улица была во власти «народа». Сила невидимой организаціи, которая собрала эту толпу и ею управляла, невольно противопоставлялась слабости власти. Когда въ 917 г. пріѣхала въ Петербургъ А. М. Коллонтай, она мало вѣрила въ успѣхъ Революціи. Но она мнѣ призналась, что, увидавъ изумительную организацію похоронъ «жертвъ революціи», она ей повѣрила. Ея наблюденія я заднимъ числомъ отношу и къ похоронамъ Баумана. Тогда тоже долж-

но было стать ясно, что у Ахеронта есть вожаки, которые умѣютъ имъ управлять, и что у вожаковъ есть матеріальная сила. Вожаки же революціи не мирились съ *монархической конституціей*, какъ въ свое время либерализмъ не мирился съ совѣщательной Булыгинской Думой.

Это могло быть не такъ страшно для власти, пока основа Россіи — деревня оставалась спокойной. Но этого не было. Въ деревнѣ революціонная пропаганда шла очень давно. Манифестъ 17 октября въ ней не удовлетворилъ никого: онъ не говорилъ о землѣ. Но зато онъ объявилъ свободы и подъ защитой этихъ новыхъ словъ усилилась демагогія; народъ сталъ осуществлять свою «волю». Въ первые мѣсяцы послѣ Манифеста я не былъ въ деревнѣ, но картину ея легко представляю себѣ по съѣзду Крестьянскаго Союза въ Москвѣ въ началѣ ноября 1905 года. Я попалъ на него по знакомству; о немъ печатались и отчеты (Право, 1905 г. № 44). Делегаты изъ разныхъ концовъ излагали, что̀ на мѣстахъ происходило. Въ центрѣ желаній стояла земля; «волей народа» было отбирать ее отъ помѣщиковъ. Хотя такая «реформа» уже нашла себѣ мѣсто въ партійныхъ программахъ, крестьяне не хотѣли дожидаться законовъ. А Крестьянскій Союзъ направлялъ стихійную волю крестьянъ. Въ облагоображенномъ отчетѣ о съѣздѣ, напечатанномъ въ «Правѣ», можно прочесть подобные перлы: «Крестьяне производили разгромъ и поджоги только тамъ, гдѣ не надѣялись на свои силы», говорилъ одинъ делегатъ. «Но въ мѣстахъ, гдѣ были образованы дружины, они *просто* (курс. мой) объявляли землю общественной и выбирали старосту для управленія ею». Какъ это «просто» происходило на практикѣ? Въ моихъ ушахъ звучатъ слова другого делегата: «гдѣ не было Крестьянскаго Союза», заявлялъ онъ съ гордостью, «не было *ни одного случая насилія:* били *только* помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, да и то только въ томъ случаѣ, если они сопротивлялись». На этомъ собраніи я увидалъ знаменитаго Щербака. Онъ прибылъ въ концѣ и былъ встрѣченъ какъ

тріумфаторъ. Ему дали слово не въ очередь. Онъ разсказалъ, что даетъ крестьянамъ совѣты не платить аренды, не работать у помѣщиковъ, не позволять другимъ работать у нихъ, не платить налоговъ и требовать свои деньги золотомъ изъ сберегательныхъ кассъ. Съѣздъ былъ въ восторгѣ. «За нимъ крестьяне пойдутъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ», въ восхищеніи говорилъ мнѣ предсѣдатель собранія, бывшій правовѣдъ и прокуроръ.

Къ городскому и крестьянскому движенію присоединялись національныя, опасность которыхъ общественность преуменьшала. Чего хотѣли національности — узнали въ 917 г. Но и онѣ тогда проявляли свою волю, не считаясь ни съ законами, ни съ волей *всего* государства. Въ Россіи наступалъ тотъ хаосъ, который въ чистомъ видѣ мы увидали въ 1917 г.

Такъ 1905-ый годъ названъ былъ «Революціей» не вовсе напрасно. Въ Россіи дѣйствительно создалась «революціонная ситуація» на почвѣ общаго недовольства и ослабленія власти. У Революціи были программа, вожди и матеріальная сила. Она рѣшила вести борьбу до конца. Манифестъ могъ оказаться простымъ преддверіемъ Революціи; могъ стать и началомъ эпохи реформъ. Россія была на распутьи. Отъ торжества Революціи отдѣлялъ только несломленный еще государственный аппаратъ.

Тѣмъ, кто считалъ, что Россія переросла форму конституціонной монархіи, Манифестъ давалъ новыя средства борьбы. Они ими и пользовались. Но въ чемъ былъ историческій долгъ тѣхъ, кто добивался конституціонной монархіи, чтобы въ рамкахъ ея преобразовать Россію въ европейскую демократію?

Имъ могло казаться невыгоднымъ сохраненіе власти въ рукахъ прежняго Государя. Онъ уступилъ не по убѣжденію; могъ даже безъ умысла саботировать реформы, которыя обѣщалъ противъ воли. Это предполагало новую борьбу съ силами стараго строя.

Это правильно. Но предстоящая либерализму конституціонная борьба съ ними была меньшимъ зломъ, чѣмъ Революція. Революція не остановилась бы на либеральной программѣ. Не представители либеральной общественности могли бы ее на ней удержать. Имъ, принесеннымъ къ власти «народной волей», было бы не по силамъ съ этой волей бороться. Демагогія бы ихъ одолѣла, какъ это показалъ 17-ый годъ. Было счастьемъ для нихъ, что прежняя власть уцѣлѣла и сама объявила новый порядокъ. Либеральному обществу было легче бороться съ прежней властью въ рамкахъ новаго строя, чѣмъ съ Революціей въ обстановкѣ революціоннаго хаоса. Въ *его интересахъ* было спасти государственную власть отъ крушенія. Но для этого общество должно было стать ей опорой; безъ активной поддержки общественности конституціи быть не могло. Безъ нея могла получиться только или Революція или Реставрація стараго строя.

А если сохраненіе исторической власти было полезно, надо было дѣлать уступки и ей. Она была еще реальной силой, не меньшей, чѣмъ наша общественность. Было ребячествомъ думать, что пока она существовала, какъ традиціонная власть, ей можно было бы покрывать все, что захотятъ представители «воли народа». Съ властью надо было заключать соглашеніе на почвѣ взаимныхъ уступокъ, принимая въ уваженіе ея силу, а можетъ быть и предразсудки. «Освободительное Движеніе» съ Самодержавіемъ соглашеній не допускало. Но Самодержавія больше не было. Конституціонная монархія была тѣмъ, чего хотѣлъ либерализмъ, и что ему самому было полезно, чтобы его не унесъ революціонный хаосъ. Если Бисмаркъ правъ, что основа конституціонной жизни есть компромиссъ, то компромиссъ съ конституціонной монархіей становился не измѣной, а единственной разумной политикой. И соглашеніе съ Монархіей въ тотъ моментъ было тѣмъ легче, что она сдѣлала то, что было для этого нужно. Она согласилась на конституцію, закрѣпивъ ее Манифестомъ. Наконецъ, во гла-

вѣ правительства она поставила Витте. Могъ ли быть болѣе знаменательный выборъ?

Нельзя было въ то время ждать и даже желать министерства «общественныхъ дѣятелей». Какъ могъ бы Государь вручить власть человѣку ему незнакомому, не имѣвшему опыта государственной дѣятельности, который съ нимъ раньше боролся? Подобный шагъ былъ возможенъ въ случаѣ капитуляціи, какъ это въ 1917 г. сдѣлалъ Николай II, отрекаясь отъ трона и назначая князя Львова премьеромъ. Въ 905 г. положеніе было другое; правительство не было свергнуто. Въ обществѣ не было общепризнанныхъ лидеровъ. Сама общественность не могла *желать* стать правительствомъ. Общественнымъ дѣятелямъ нужно было еще проходить школу управленія государствомъ; ее нельзя было начинать въ такое трудное время лицомъ къ лицу съ торжествующей Революціей. Въ лучшемъ случаѣ можно было желать привлеченія къ правительству общественныхъ дѣятелей, но главою правительства могъ быть только представитель бюрократіи. А въ такой комбинаціи назначеніе Витте было лучшимъ, которое можно было придумать.

По своимъ государственнымъ дарованіямъ онъ былъ крупнѣйшей фигурой этого времени. Никто изъ прославленныхъ общественныхъ дѣятелей не могъ выдержать сравненія съ нимъ. Его недавняя побѣда въ Портсмутѣ дала лишній примѣръ этихъ качествъ, создала ему европейскій престижъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ это давало ему преимущество.

Но этого мало; Россія нуждалась въ реформѣ, а Витте былъ реформаторомъ по натурѣ. Если онъ и былъ остороженъ, то смѣлость и новизна его не пугали. Коренные недостатки нашего строя онъ понималъ; былъ давнишнимъ сторонникомъ либеральныхъ реформъ и основной реформы—крестьянской; пытался ихъ проводить еще при Самодержавіи. При немъ конституція должна была быть средствомъ

преобразованія Россіи, а не способомъ борьбы съ революціей.

Въ глазахъ либеральной общественности у Витте былъ одинъ недостатокъ: онъ былъ сторонникомъ Самодержавія. Но Самодержавіе для него не было идоломъ. Онъ былъ за Самодержавіе, пока считалъ его *полезнымъ* Россіи. Онъ призналъ, наконецъ, Самодержавіе болѣе невозможнымъ и въ докладѣ 17 октября рекомендовалъ конституцію. Этимъ онъ связалъ свою судьбу съ Манифестомъ. Союзъ его съ либеральной общественностью становился для него обязательнымъ. Въ ней была единственная опора его. Государь его не любилъ и назначилъ его противъ воли. Витте и либеральное общество могли быть полезны другъ другу, безъ чего нѣтъ прочныхъ союзовъ.

Зато для борьбы съ Революціей Витте былъ лучше поставленъ, чѣмъ наши общественные дѣятели; онъ ей ничѣмъ не былъ обязанъ; не былъ съ ней связанъ ни прошлой работой, ни соглашеніемъ. Его нельзя было упрекать въ измѣнѣ, если онъ съ ней разойдется. Грозящую Революцію онъ могъ превратить въ эру либеральныхъ реформъ; при поддержкѣ либеральной общественности могъ справиться и съ нашей реакціей. Если не хотѣть Революціи, то для либеральнаго общества назначеніе Витте было лучшимъ исходомъ, чѣмъ кабинетъ общественныхъ дѣятелей.

Я буду позднѣе говорить о пріемѣ, который оказала наша общественность попыткѣ Витте сблизиться съ *ней*. Ея политическая неумѣлость проявилась тогда съ поразительной яркостью и, къ несчастью, не въ послѣдній разъ. Но, чтобы не дѣлать потомъ отступленій, остановлюсь на частномъ вопросѣ, на отношеніи общества къ борьбѣ съ Революціей. Если вспомнить, какая тонкая преграда отдѣляла тогда Россію отъ торжествующей Революціи, то позиція того либеральнаго общества, которое само претендовало стать властью и должно было быть опорой ея показала, чего можно было отъ него ожидать.

* * *

Борьба съ Революціей, конечно, не могла вестись въ

прежнихъ формахъ. Отъ либеральнаго общества нельзя было требовать, чтобы оно одобрило борьбу съ революціонными настроеніями мѣрами устарѣлыхъ законовъ и произволомъ властей. Хотя послѣ большевистской полиціи, слѣдователей и судебныхъ властей — дѣйствія нашихъ охранокъ, жандармовъ, тѣмъ болѣе военныхъ судовъ кажутся верхомъ безпристрастія и гуманности, они были все-таки позорнымъ пятномъ на старомъ режимѣ. Но Манифестъ 17 октября въ это внесъ измѣненія. Свобода слова, собраній, союзовъ, неприкосновенность личности, требованіе законности во всѣхъ мѣропріятіяхъ власти, открыли въ Россіи новыя условія для борьбы за идеи и утопіи Революціи. Революціонныя партіи получили способы отстаивать свои идеалы. Успѣхъ этихъ партій въ Европѣ показываетъ, что они не безсильны въ этой борьбѣ. И тотъ же опытъ Европы показывалъ, что либеральныя правительства противъ Революціи не беззащитны, даже не прибѣгая къ пріемамъ Самодержавія.

Въ 905 году вопросъ былъ сложнѣе. Революціонная аттака на существующій строй началась въ *старыхъ* условіяхъ жизни. Она по необходимости велась тогда путемъ беззаконій и даже насилій. Въ свое время пріятіе ихъ сближало либерализмъ съ Революціей. Бываютъ законы, которыхъ нельзя соблюдать. Таковы, напримѣръ, были законы, опредѣлявшіе положеніе старообрядцевъ и иновѣрцевъ; нельзя было осуждать тѣхъ, кто имъ не подчинялся. Таково же отчасти было правовое положеніе и политическихъ иновѣрцевъ. Въ такихъ условіяхъ беззаконіе и для нихъ было нормальнымъ исходомъ. Стоитъ ли настаивать на этомъ теперь, когда большевики стали «законодателями»? Манифестъ 17 октября осудилъ этотъ порядокъ; онъ долженъ былъ измѣнить пріемы борьбы съ врагами правительства, дать долю свободы даже революціоннымъ утопіямъ. Отъ этихъ «завоеваній» либерализмъ не могъ отказаться.

Но это требовало времени, а Революція не дожидалась. Обѣщанія Манифеста побудили ее удвоить усилія для пол-

ной побѣды. Насилія революціи увеличились. Подъ названіемъ «явочный» или «захватный» порядокъ разрѣшались и аграрный и соціальный вопросы; удалялись помѣщики изъ имѣній, отнималось управленіе фабрикой у хозяевъ. Для свержения государственной власти подготовлялось возстаніе; формировались и вооружались «дружины». Окрыленная успѣхомъ Революція готовилась къ открытой схваткѣ съ исторической властью.

Никакая либеральная власть этого допускать не могла. Манифестъ это зналъ. Объявляя новый порядокъ, онъ требовалъ одновременно рѣшительныхъ мѣръ противъ самоуправства. Надо сопоставить Манифестъ съ первымъ обращеніемъ къ народу Временнаго Правительства, чтобы ощутить разницу между законною и революціонною властью. Въ 17 году правительство восхваляло «успѣхи столичныхъ войскъ и населенія» надъ «темными силами стараго режима», хотя успѣхи были военнымъ «бунтомъ» и начались съ убійства офицеровъ. Ни однимъ словомъ правительство не рекомендовало странѣ воздерживаться отъ дальнѣйшихъ революціонныхъ успѣховъ, соблюдать порядокъ и подчиняться законамъ и власти. Не потому, чтобы правительство хотѣло «углубленія» революціи, но потому, что, какъ правительство Революціи, оно въ беззаконіяхъ видѣло суверенную «волю народа». Оно не посмѣло опубликовать Высочайшій Указъ о назначеніи князя Львова премьеромъ; не хотѣло даже внѣшне соблюсти преемственность власти. Въ 905 году, къ счастью, въ Россіи Революціи не было. Правительство Витте было правительствомъ законнаго Государя, который обѣщалъ реформы Россіи, но съ насиліями Революціи считалъ долгомъ бороться.

Какое же отношеніе могло быть у зрѣлой общественности къ *такой* позиціи власти?

Общественность порвала съ Витте *не на этомъ* вопросѣ; разговоръ до него не дошелъ. Но первая витрѣча Витте съ оффиціальнымъ либерализмомъ не осталась безъ вліянія

на Революцію. Если бы Витте получилъ принципіальное право разсчитывать на поддержку нашей общественности, надеждамъ Революціи былъ бы положенъ предѣлъ. Но когда либеральное общество отказало Витте въ поддержкѣ, поставило ему и съ своей стороны революціонные ультиматумы, оно этимъ Революцію окрылило.

Но хотя въ разговорахъ съ Витте не было рѣчи о борьбѣ съ Революціей, вопросъ сталъ самъ собой. Революція энергично атаковала; «захватное право» стало «бытовымъ явленіемъ» этихъ мѣсяцевъ. Не сдѣлавшись властью, представители общества избѣжали рокового для нихъ испытанія принимать самимъ мѣры борьбы съ Революціей. Но сохранили ли они хотя бы нейтралитетъ?

Нейтральными они не остались. Въ прессѣ, заявленіяхъ отвѣтственныхъ лицъ, постановленіяхъ, резолюціяхъ, обращенныхъ къ власти, либеральное общество высказывалось съ неоставляющей сомнѣнія ясностью. За насилія Революціи оно обвиняло правительство, которое медлило съ осуществленіемъ обѣщанныхъ Манифестомъ реформъ и осмѣливалось сопротивляться волѣ народа. «Явочный порядокъ» никѣмъ не отвергался въ принципѣ. Болѣе или менѣе всѣ ему слѣдовали. Въ прессѣ помѣщались серьезныя статьи по вопросу, имѣетъ ли вообще правительство право послѣ Манифеста издавать новые законы? Было мнѣніе, что всѣ законы, которые противорѣчатъ обѣщаніямъ Манифеста, не подлежатъ исполненію. Не революціонеры, а умѣренные, иногда консервативные органы прессы не соглашались признавать новыя «Правила о печати»; изъ принципа они не исполняли формальныхъ требованій о «собраніяхъ». Ограниченія свободъ признавались превышеніемъ власти. Какъ при такомъ пониманіи можно было осуждать «Революцію»? Стоитъ перелистовать любую газету этого времени; она напоминаетъ прессу войны. Какъ и тогда на все были двѣ мѣрки; на одной сторонѣ были «звѣрства», на другой «героизмъ». Моральную поддержку либеральное общество оказывало Революціи, а не тѣмъ, кто съ нею боролся.

Конечно, либерализму было трудно принципіально защищать беззаконіе. Но это было ненужно. Старый порядокъ долго держался на формулѣ: сначала успокоеніе, а реформы потомъ. Общественность заняла ту-же позицію: сначала осуществите свободы, отмѣните военныя положенія, удалите войска, ограничьте власть губернаторовъ, а затѣмъ, если Революція не прекратится, то можно думать о способахъ сопротивленія ей.

Многіе находили, что это разсужденіе лицемѣрно; на этотъ упрекъ отвѣтилъ 17-й годъ. Тогда, будучи властью, защищая *себя, свою* программу, *свою* Революцію, либерализмъ сдѣлалъ все, что въ 905 году совѣтовалъ правительству Витте. Онъ уговорилъ Михаила отречься, провелъ свовелъ свободы, уничтожилъ губернаторовъ и полицію, отмѣнилъ смертную казнь и даже дисциплину въ войскахъ, амнистировалъ уголовныхъ преступниковъ и привелъ насъ къ большевизму.

Правда, положеніе было труднѣе; аппаратъ государственной власти былъ ослабленъ войной и безуміями послѣдняго года. Но не одно *безсиліе* диктовало Временному Правительству эту политику. Въ этомъ случаѣ для него не было бы даже смягчающихъ обстоятельствъ; либерализмъ сначала въ *успѣхъ ея вѣрилъ.* Принимаемыя въ этомъ направленіи мѣры общество встрѣчало съ восторгомъ. Помню, какъ Н. Н. Львовъ стыдилъ меня въ эти дни за мое «маловѣріе». Московскій Кадетскій Городской Комитетъ мнѣ написалъ изъ Москвы, что тамъ смущены тѣмъ, что я стою въ сторонѣ отъ общихъ восторговъ, требовалъ моего пріѣзда и объясненія. Моя критика на публичномъ собраніи произвела тамъ сенсацію. Конечно, опытъ скоро раскрылъ всѣмъ глаза. Но когда поняли вредъ этой политики, время было упущено. Революція посты свои заняла. Либерализмъ умылъ руки, обвиняя другихъ, и предоставилъ другимъ задачу поправлять то, что имъ самимъ было испорчено. Но вначалѣ эту политику разрушенія онъ и велъ и одобрялъ.

Если общественные министры такъ защищали свое дѣло при одобреніи общества, то упрекъ въ *лицемѣріи* они съ себя сняли. Они были повинны въ неумѣлости, а не въ хитрости.

Въ такомъ поведеніи общества была своя логика. Борьбу съ революціей вела та власть, которую поддержать либерализмъ отказался. Логично ли было морально ее защищать въ ея борьбѣ съ революціей? Второй ложный шагъ явился естественнымъ послѣдствіемъ перваго. Если бы тогда кто рѣшился доказывать, что не Витте, а Ленинъ врагъ либеральныхъ идей, что съ правительствомъ Николая II много легче было найти общій языкъ, чѣмъ съ будущими народными комиссарами, такое сужденіе для однихъ показалось бы шаблонной реакціей, для другихъ «глупостью» или «измѣной». Преграда, которая въ 905 году спасла насъ отъ Революціи, въ глазахъ общества мѣшала его побѣдѣ. Министерство общественныхъ дѣятелей оно предпочитало правительству Витте.

Правда, тогда не понимали, чѣмъ будетъ настоящая революція, какъ въ 914 году не понимали, что такое война. Объ обѣихъ судили по прошлому, когда выгоды и той и другой могли оправдать принесенныя жертвы, когда «героизмъ» и «легенда» скрывали одичаніе и раззореніе. Годы войны и ея результаты сняли съ войны ея легендарную оболочку. Побѣда русской революціи показала тѣмъ, кто имѣетъ очи, чтобы видѣть, что такое и Революція. Но въ 1905 году такъ не смотрѣли. 27 ноября «Право», органъ правового порядка, такъ начиналъ редакціонную статью подъ заглавіемъ «Смута»: «тяжелой поступью, шумно и размашисто шествуетъ впередъ русская революція, неудержимо сметая на своемъ пути обветшалыя преграды самодержавнаго режима». Чѣмъ это раболѣпіе передъ Революціей лучше лубочныхъ картинъ, которыми поддерживали «патріотизмъ» или того славословія, съ которымъ пишутъ теперь про большевистскія «достиженія»?

Была другая причина, которая мѣшала выступать противъ Революціи. Она казалась непобѣдимой. Старый ре-

жимъ не научилъ наше общество расцѣнивать обманчивую силу народныхъ волненій и реальную мощь даже ослабленной государственной власти. Это обнаружилось въ 917 г. Общество получило тогда все, чего добивалось: новаго Монарха, присягнувшаго конституціи, правительство по выбору Думы, поддержку военныхъ вождей; и все-таки оно спасовало передъ бушующей улицей. Оно не рискнуло попробовать, какую силу можетъ дать союзъ власти и общества, традиціонной привычки народа къ династіи и тогдашней популярности Думы. Оно не посмѣло вступить въ борьбу съ демагогіей. Общественные дѣятели сразу признали себя «побѣжденными», какъ штатскіе люди, впервые попавшіе на поле сраженія, при первыхъ жертвахъ считаютъ, что сопротивляться болѣе нельзя. Паническія настроенія передъ революціей и въ 1905 году были распространены очень широко. Если общественные дѣятели получили бы власть, они и тогда уступками довели бы до подлинной революціи. Правда, положеніе было иное. Изъ революціоннаго хаоса Россія могла бы выйти скорѣе и съ меньшимъ ущербомъ. Но спасти Россію отъ Революціи общество не сумѣло бы.

Въ этомъ была сила революціонныхъ теченій. Они не встрѣчали сопротивленія. Въ широкихъ массахъ народа они подкупали перспективами раздѣла земли и имущества, мечтаніями о «поравненіи»; въ культурныхъ слояхъ въ нихъ видѣли только врага исторической власти. Самодержавіе пожинало плоды своей старой политики. Но оно рѣшило бороться. Оно не хотѣло, какъ въ 917 г., бросить Россію на произволъ массъ, имъ самимъ раздраженныхъ. Оно имѣло и силу и волю сопротивляться. Оно осталось на мѣстѣ и сумѣло отстоять ту плотину, которая отдѣляла государство отъ хаоса; въ тотъ моментъ это было долгомъ всякой государственной власти.

Но для этой цѣли были два различныхъ пути. Если бы правительство встрѣтило поддержку либеральнаго общества, оно могло бы вмѣстѣ съ нимъ защищать противъ Рево-

люціи *новый* порядокъ и бороться съ революціонной анархіей *новыми* пріемами управленія. Но поддержки правительство не встрѣтило. Общество требовало, чтобы правительство покорилось «волѣ народа», хотѣло на мѣсто Монарха поставить полновластное Учредительное Собраніе. Оно не защищало «порядка». Оно не понимало, что государство можетъ законы измѣнять, но не можетъ позволить ихъ нарушать. Оно показало, что еще не вышло изъ періода «дѣтскихъ болѣзней» и не можетъ быть опорой порядка. И государственная власть, если она хотѣла исполнить свой долгъ, была фатально обречена использовать для борьбы съ Революціей исключительно *свой* аппаратъ съ его идеологіей и пріемами.

Помню недоумѣніе, которое долго возбуждало поведеніе Витте. Онъ бездѣйствовалъ, давалъ революціи разрастаться. Правые увѣряли, что это входило въ его интересы, что онъ мечталъ самъ стать Президентомъ Россійской Республики. Эта махровая глупость встрѣчала довѣріе только въ спеціальныхъ кругахъ. Но многіе думали, что и онъ растерялся. Позднѣе я не разъ говорилъ съ Витте объ этомъ. Этихъ разговоровъ онъ не любилъ и раздражался. Иногда увѣрялъ, будто это дѣлалъ сознательно, хотѣлъ покончить съ революціей сразу, какъ когда-то Тьеръ покончилъ съ Коммуной. Онъ разсказывалъ, будто поручилъ покойному В. П. Литвинову-Фалинскому слѣдить за наступленіемъ подходящаго часа. Едва ли въ этомъ разгадка. Витте не любилъ признаваться въ ошибкахъ, а его поведеніе было связано съ одной его коренной ошибкой. Онъ обманулся въ нашей общественности. До 905-го года онъ не одобрялъ правительственнаго отношенія къ ней, старался использовать ея лучшія силы, но не считалъ ее готовой для конституціи. Только разочарованіе въ Самодержавіи, въ способности Николая II быть Самодержцемъ, примирило его съ конституціей. Несмотря на оговорки, которыя имъ тогда были сдѣланы, на то, что онъ допускалъ возможность не усту-

пать, что даже при уступкѣ совѣтовалъ, чтобы Государь въ дальнѣйшемъ оставался свободенъ, несмотря на это онъ все же оказался непосредственнымъ *виновникомъ* конституціи. Прежнее Самодержавіе онъ защищать отказался. Онъ этимъ связалъ себя съ либеральной общественностью; его опорой впредь могла быть только *она*. Безъ поддержки ея Витте могъ быть «спецомъ», но политической силы въ немъ уже не было. Такъ Витте поставилъ ставку на политическую зрѣлость русскаго общества. Этой ставки общество не оправдало. И за это лично онъ заплатилъ. Онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ и раньше; но точки опоры у него болѣе не было. Онъ могъ давать волю накопившейся злобѣ, подставлять ножку министрамъ, послѣ смерти мстить имъ въ мемуарахъ, но не больше. Можетъ быть *потому* онъ такъ ненавидѣлъ Столыпина, что Столыпинъ занялъ исторически ему принадлежащее мѣсто.

Первый мѣсяцъ своего управленія Витте еще надѣялся сговориться съ общественностью; видалъ всякихъ ея представителей. Они ему давали совѣты, но принимать участія въ правительствѣ не хотѣли. Они предоставляли ему проводить ихъ программу и умывали руки за послѣдствія этого. Но пока шли эти безполезные разговоры и Витте узналъ незнакомый ему міръ нашей общественности. Революція наступленіе продолжала. Она готовилась къ генеральному бою. Руководители Революціи образовали открытую революціонную власть. Возникъ первый Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Будущіе палачи русской свободы сидѣли въ немъ рядомъ съ идеалистами народовластія. Всѣ были согласны, что существующую власть надо свергнуть и что демократическая республика есть минимумъ того, что сейчасъ можно требовать. Приказъ Совѣта о прекращеніи забастовки объявлялъ, что «революціонный пролетаріатъ не сложитъ оружія, пока не будетъ установлена демократическая республика». Средствомъ для этого была не только забастовка, но и возстаніе. Въ программѣ Совѣта объ немъ былъ спе-

ціальный пунктъ, и сборъ на него, какъ я упоминалъ, происходилъ въ первый же день Манифеста. Для возстанія готовились и вооруженныя силы; благовиднымъ предлогомъ для этого явилась самозащита противъ погромовъ. Дружинники превратились въ подобіе «арміи» съ кадрами, оружіемъ и дисциплиной. За нѣсколько дней до возстанія одинъ изъ руководителей лѣваго лагеря мнѣ говорилъ: «Мы сильнѣе, чѣмъ вы полагаете. Власть будетъ скоро у насъ, а вы съ нами спорите».

Бездѣйствіе власти вербовало Революціи новыхъ сторонниковъ. Восходящая сила всегда находитъ поклонниковъ. Это еще болѣе удаляло отъ Витте либеральное общество; съ нимъ связывать своей судьбы оно не хотѣло. Противъ Революціи выступала только «реакція», которая за все винила Манифестъ и «измѣнника» Витте. Къ Государю являлись отъ нея депутаціи и сыпались жалобы. Реакція послѣдовала примѣру данному ей Революціей; она стала организовывать низы; создавала «черныя сотни». Эти послѣднія находили покровительство очень высоко. Черносотенные погромы, поджоги, убійства, которымъ мѣстныя власти не всегда торопились мѣшать, еще болѣе возбуждали общество противъ Витте. Отъ него требовали рѣшительныхъ мѣръ противъ бѣлаго террора. Либеральное общество не хотѣло понять, что, отказавъ Витте въ поддержкѣ, оно отняло у него ту позицію, на которой онъ могъ дать бой реакціи. Если бы общественность со своей либеральной программой явилась въ это же время опорой порядка въ странѣ, Витте, опираясь на нее, могъ ударять по реакціи. Но пока либеральное общество требовало Учредительнаго Собранія, амнистіи и полныхъ свободъ, не находя ни единаго слова осужденія для Революціи, — черныя сотни казались какъ бы единственной защитой трона и порядка въ странѣ. Общественность нападала на бездѣйствіе Витте противъ реакціи, реакція на его же бездѣйствіе противъ Революціи. Витте терялъ всякую почву. Либерализмъ давалъ ему со-

вѣтъ уходить. Онъ понималъ, какую услугу оказалъ бы реакціи Витте своимъ уходомъ, но это либерализма не пугало. Съ «реакціей» справится «Революція». Отходить въ сторону, снимать съ себя отвѣтственность за совершающееся для либеральныхъ общественныхъ дѣятелей было привычной позиціей. Наконецъ, Витте долженъ былъ сдѣлать выборъ; онъ не могъ все ждать отрезвленія общества. Въ самомъ правительствѣ были люди, которые ждать не хотѣли; въ немъ былъ П. Н. Дурново.

Я никогда не понималъ отношенія Витте къ Дурново; онъ о немъ отзывался по-разному, часто съ большой горечью и обидой. Въ періодъ ихъ общей опалы онъ меня съ нимъ познакомилъ въ Виши. Тогда отношенія ихъ казались хорошими. Съ Дурново говорить было возможно и интересно. Онъ былъ такимъ же реалистомъ, какъ Витте; еще менѣе его былъ плѣнникомъ предвзятой идеи. Какъ ни странно было видѣть его въ кабинетѣ, который долженъ былъ осуществить конституцію, онъ согласился пойти въ Министерство не затѣмъ, чтобы интригировать противъ Витте и взрывать кабинетъ изнутри. Дурново, какъ и Витте, понималъ, что Самодержавіе невозможно безъ Самодержца, съ конституціей помирился и готовъ былъ ей служить. При обсужденіи Основныхъ Законовъ онъ противъ Горемыкина и Стишинскаго защищалъ исключеніе титула «Неограниченный». Приглашая его Витте на себя бралъ отвѣтственность. О прошломъ Дурново остались плохія воспоминанія. Витте просилъ разрѣшенія уничтожить знаменитую резолюцію Александра III: убрать этого мерзавца въ сенатъ. Чтобы на это пойти, Витте долженъ былъ по крайней мѣрѣ обезпечить себѣ поддержку со стороны Дурново. Думаю, что Дурново его не обманулъ. Но ихъ положенія были разны. Витте связалъ себя съ Манифестомъ, долженъ былъ опираться на общество и ради этого шелъ на компромиссы. Дурново былъ свободнѣй. Увидавъ, чего требуетъ наша общественность, онъ проникся презрѣніемъ

къ ея непрактичности. Дожидаться ея отрезвленія онъ считалъ безполезнымъ. Онъ повторялъ позднѣе фразу, ходившую по Петербургу: «votre révolution est encore plus bête que votre gouvernement». Онъ не видѣлъ основанія ожидать. Власть была достаточно сильна, чтобы съ революціей справиться. Въ своемъ вѣдомствѣ онъ сталъ проводить эту линію и представленій Витте не слушалъ. Такъ онъ сдѣлался его противникомъ въ кабинетѣ. Когда послѣ ноябрьскаго Земскаго Съѣзда Витте понялъ, что общественность безнадежна, онъ передалъ Дурново полную власть подавить революцію, какъ по закону въ моментъ народныхъ волненій гражданская власть уступаетъ мѣсто военной. Это былъ тотъ конецъ, къ которому привела позиція либеральной общественности. Природа пустоты не терпитъ. Старый режимъ могъ или безъ боя сдать Россію на усмотрѣніе Революціи, какъ онъ это сдѣлалъ въ 917 г., или защищать ее самъ. Либеральная общественность имѣла случай показать преимущество конституціоннаго строя передъ голою силой и своимъ авторитетомъ остановить безпорядки. Но она предпочла привязать свою ладью къ кораблю Революціи и предоставила старому порядку самому выпутываться изъ безысходнаго положенія.

Правительство приняло вызовъ. Съ той поры событія пошли очень быстро. Когда послѣ попытокъ кустарной борьбы съ Революціей за это взялась центральная власть, ея первые же шаги произвели впечатлѣніе орудійныхъ выстрѣловъ на фонѣ безпорядочной ружейной стрѣльбы.

Первымъ пострадалъ Крестьянскій Союзъ. Черезъ два дня послѣ Земскаго Съѣзда, Комитетъ Союза былъ арестованъ. Дѣло о немъ передано прокурору. Отъ подобныхъ пріемовъ всѣ такъ отвыкли, что арестъ показался невѣроятнымъ. Судебный слѣдователь предписалъ всѣхъ освободить. Но власть не уступала. Тутъ же въ зданіи суда всѣ были вновь арестованы въ порядкѣ охраны. Газеты подняли крикъ. Арестованные напечатали воззваніе, прося продол-

жать; выражали убѣжденіе, что ихъ арестъ не помѣшаетъ осуществить постановленія Съѣзда и передать всю землю тѣмъ, кто ее обрабатываетъ. Подъ воззваніемъ стоялъ насмѣшливый адресъ «тюрьма». Арестованные ждали, что скоро будутъ освобождены. Вліятельныя лица за нихъ хлопотали. Но реальная жизнь была не такова, какой казалась въ атмосферѣ «Союза». На хлопоты и упреки не обратили вниманія. Скоро въ самихъ крестьянахъ явились сомнѣнія; аграрное движеніе стало пріостанавливаться. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ главарямъ Союза пришлось давать отвѣтъ на судѣ, они отъ него отрекались. Я не хочу допускать, чтобы они только испугались отвѣтственности и покупали спасеніе ложью. Но ихъ роль въ этомъ дѣлѣ, прежнія увлеченія и надежды стали звучать такъ фальшиво, что имъ было въ нихъ стыдно признаться. И однако эти маловѣрные люди вели за собою крестьянство!

Главою Революціи былъ Рабочій Совѣтъ. П. Н. Дурново рѣшилъ съ нимъ покончить. 25-го ноября былъ арестованъ предсѣдатель Носарь-Хрусталевъ. Совѣтъ опубликовалъ бюллетень: «Царскимъ правительствомъ былъ взятъ въ плѣнъ предсѣдатель совѣта. Совѣтъ временно избираетъ новаго предсѣдателя и продолжаетъ *готовиться къ вооруженному возстанію*». 2 декабря отъ имени Совѣта революціонныхъ партій с. д. и с. р. и Крестьянскаго Союза былъ опубликованъ «Манифестъ». Населенію рекомендовалось не платить налоговъ, требовать уплаты по всѣмъ обязательствамъ золотомъ и вынимать золотомъ же вклады изъ сберегательныхъ кассъ. Призывъ открыто мотивировался рѣшимостью свергнуть правительство, «лишивъ его финансовыхъ средствъ». Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ разослалъ это воззваніе по газетамъ. Большинство его напечатало. Собиралось напечатать даже «Новое Время» и только личное обращеніе Витте къ Суворину его удержало. Такова была атмосфера этого времени. Но Дурново она не пугала. 3-го декабря во время пленарнаго засѣданія 257 членовъ Совѣта были арестованы. Совѣтъ въ новомъ составѣ 6-го декабря

въ отвѣтъ на эту «провокацію», объявилъ всеобщую забастовку съ переходомъ въ возстаніе. На военномъ языкѣ это называлось генеральнымъ сраженіемъ.

Ни забастовка, ни возстаніе не удались. Обыватель уже усталъ и боялся. Возстаніе произошло только въ Москвѣ. Но съ 1825 года въ Россіи не было вооруженныхъ возстаній и впечатлѣніе отъ него было громадно. По газетнымъ отчетамъ оно казалось страшнѣе, чѣмъ было на дѣлѣ. Но все-таки улицы были перерѣзаны «баррикадами»; по нимъ стрѣляли изъ орудій и пулеметовъ. Сраженія не было; силы сторонъ были несоизмѣримы. Объ этомъ не думаютъ тѣ, кто сейчасъ надѣется на успѣхъ вооруженныхъ возстаній въ Россіи. Мнѣ разсказывалъ офицеръ, подавлявшій возстаніе, что въ его ротѣ никто не пострадалъ. Ружейный огонь насквозь пронизывалъ баррикады и когда къ нимъ подходили, за ними не было никого, кромѣ труповъ. Правительство безъ труда одержало побѣду. Вожаки спаслись за-границу, предоставивъ разбитыя войска ихъ собственной участи.

Такъ въ нѣсколько дней кончилась непобѣдимая русская Революція. Что государственная власть даже безъ аэроплановъ, танковъ и удушливыхъ газовъ оказалась сильнѣе дружинниковъ съ ихъ револьверами — неудивительно. Но это поразило воображеніе; разсѣялся призракъ революціонной страны. На революціонеровъ посыпались укоры благоразумныхъ людей за довѣріе, которое они къ себѣ возбуждали. Наступилю некрасивое отрезвленіе, удѣлъ побѣжденныхъ.

Пораженіе показало, что революціонное настроеніе не было ни глубоко, ни обще. Было *недовольство*, но до готовности собой пожертвовать было далеко. Подтверждалось изреченіе Бисмарка, что «сила революціи не въ крайнихъ идеяхъ ихъ вожаковъ, а въ небольшой долѣ умѣренныхъ требованій, своевременно неудовлетворенныхъ». Для удовлетворенія этихъ умѣренныхъ требованій 17-го октября было

достаточно. Если бы либеральное общество своевременно это признало, ноябрьскихъ и декабрьскихъ событій могло и не быть.

Я помню эти мѣсяцы. Сначала самые мирные обыватели, которые раньше всего «опасались», повѣрили въ успѣхъ Революціи, превратились въ «непримиримыхъ» и не шли ни на какія уступки. Для нихъ всего было мало. Сколько ихъ было въ одной адвокатурѣ! Но съ какой легкостью они потомъ успокоились и стремились искупать свое увлеченіе. Эти сначала расхрабрившіеся, а потомъ струсившіе обыватели были не только въ интеллигенціи. Они были и въ революціонной пролетарской средѣ (вспоминаю процессъ о Московскомъ возстаніи), и въ деревнѣ. Приведу одно воспоминаніе объ этомъ.

Послѣ возстанія я пріѣхалъ въ деревню. Ко мнѣ пришли побесѣдовать «наши» крестьяне. Они были малоземельны; но у меня послѣ надѣла пахотной земли почти не осталось. Кромѣ усадьбы были только лѣса, овраги и рѣки. Крестьяне на нихъ не претендовали; отношенія наши были хорошія. Они разспрашивали, что было въ Москвѣ. Я имъ разсказалъ. и мы разстались. За версту отъ меня было большое село крестьянъ «государственныхъ»; у нихъ было много лѣсовъ, въ которыхъ я снималъ право охоты. У этихъ крестьянъ, не бывшихъ никогда крѣпостными, были другіе привычки и нравы; я для нихъ былъ чужой человѣкъ; запросто ко мнѣ они не ходили. Но въ этотъ пріѣздъ все село неожиданно ко мнѣ объявилось на дворъ. На вопросъ, что имъ надо, объяснили, что пришли поговорить, буду ли я снимать дальше охоту. Я понималъ, что изъ-за этого они не пришли бы. «Въ чемъ дѣло?» Они мнѣ разсказали. Въ нашихъ мѣстахъ было много казенныхъ лѣсовъ; ихъ рубили правильной рубкой, которая была зимнимъ подспорьемъ крестьянъ. Но когда ихъ въ этомъ году пригласили рубить очередной участокъ, они запретили рубить. Я удивился. «Почему»? «Да земля скоро къ намъ отойдетъ;

а такъ какъ мы крестьяне казенные, то казенный лѣсъ будетъ нашимъ». «Какъ вамъ не стыдно? Вамъ своего лѣса дѣвать некуда. А у моихъ крестьянъ его нѣтъ; уже, если кому-нибудь казенные лѣса должны отойти, то скорѣй имъ, а не вамъ». Они отвѣтили, что въ этомъ я ошибаюсь. Мои крестьяне получатъ *мою* землю, а казенную должны получить *они*, какъ *казенные*. Въ эпоху земельныхъ комитетовъ 917 г. я могъ убѣдиться, что такое разсужденіе было народнымъ правосознаніемъ. Земельной собственности крестьяне не отрицали; они были лишь убѣждены, что земля ихъ бывшихъ помѣщиковъ должна къ нимъ перейти; а на чужую землю не претендовали. Ихъ аграрная философія была пережиткомъ крѣпостныхъ отношеній, наслѣдіемъ прошлаго, а вовсе не зачаткомъ соціализма. Мы поспорили. Наконецъ я спросилъ: «чего же вамъ отъ меня нужно»? «Боимся, какъ бы не вышло чего. Мы слыхали, что было въ Москвѣ». Я ихъ успокоилъ; разъ насилія не было, ничего имъ не будетъ. «Только скажите лѣсничему, что мѣшать рубкѣ не будете». «Да мы уже ходили, *просили прощенія*». «И что-же?» «Лѣсничій отослалъ насъ къ исправнику». «Что-же вы сдѣлали»? «Ходили къ нему, а онъ говоритъ: назовите зачинщиковъ». Мнѣ стало досадно. Но отвѣта крестьянъ я не предвидѣлъ. «Мы двоихъ связали и отвезли; но все же боимся».

Одного изъ тѣхъ, кого они отвезли, я лично зналъ. Это былъ молодой парень сосѣдней деревни, научившійся грамотѣ, служившій переписчикомъ въ земской управѣ и повинный въ с.р-скихъ симпатіяхъ; его выдали какъ козла отпущенія. И *эти* люди недавно галдѣли и запрещали лѣсничему рубку. И *такой* героизмъ принимался за революціонное настроеніе!

Расправа правительства съ Революціей оставила глубокіе слѣды въ психологіи общества. Тяжело вспоминать положеніе, въ которомъ очутился либерализмъ. Своимъ прошлымъ онъ былъ съ Революціей связанъ; не покинулъ ея

даже тогда, когда его собственныя желанія были удовлетворены Манифестомъ. Онъ за Революцію продолжалъ заступаться, когда она грозила ему самому. Но началась «генеральная битва» и онъ остался въ сторонѣ отъ сраженія. Съ Революціей на баррикады онъ не пошелъ. До такого жеста отчаянія его еще не довели. Но онъ не могъ равнодушно смотрѣть, какъ уничтожается его вчерашній союзникъ, а общій врагъ торжествуетъ. Онъ проклиналъ жестокость правительства и утѣшался заботой о раненыхъ, какъ въ настоящей войнѣ это дѣлаютъ тѣ, кто сами сражаться не могутъ. Но даже этого ему не позволили. Ф. Дубасовъ расклеилъ грозныя объявленія и врачебные пункты закрылись. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» открыли подписку на раненыхъ. Онѣ были пріостановлены и потребовалось заступничество вліятельныхъ лицъ, чтобы объяснить Дубасову разницу между Революціей и классическимъ либерализмомъ «Русскихъ Вѣдомостей». Но общественность, которая недавно высокомѣрно отклонила авансы правительства, становилась совершенно безсильной по мѣрѣ того, какъ оказывалась безсильной и Революція. Около 5-ти часовъ каждаго дня члены кадетскаго Ц. К. собирались въ квартирѣ В. И. Вернадскаго и убѣждались въ невозможности что-либо сдѣлать. Они вырабатывали резолюціи обращенія къ власти, доказывали въ тысячный разъ, что только предоставленіе полной свободы народному мнѣнію остановитъ революціонныя выступленія. Раньше этимъ можно было пугать и роль посредника могла имѣть мѣсто. Сейчасъ время для этого было упущено. Власть сознала безсиліе Революціи и нашу безпомощность; наши обращенія къ ней казались риторикой. Она насъ не слушалась и, несмотря на наши протесты и увѣщанія, съ Революціей расправлялась. Все это не прошло безъ слѣда. Либерализмъ на сторону власти не сталъ, не помогалъ ей раздавить революцію. Между либерализмомъ и революціей не возникло поэтому непроходимой преграды; они и впредь шли не разъ вмѣстѣ.

Но они обманулись другъ въ другѣ и за свою ошибку взаимно другъ друга винили. Союзъ между ними впредь сталъ бракомъ по расчету, для котораго не было извиненія въ идеализмѣ; они могли вмѣстѣ идти, но уже *не вѣря* другъ другу. Такъ это случилось въ 917 г.

Но зато эти мѣсяцы во много разъ увеличили ровъ между властью и обществомъ въ моментъ, который требовалъ ихъ примиренія. Общественность не хотѣла признать, что именно позиція ею занятая дала опору дерзаніямъ «революціонеровъ», а въ моментъ расправы развязала руки «реакціи»; что при другомъ ея поведеніи открытаго выступленія Революціи могло и не быть, а если бы оно произошло, борьба съ нимъ не перешла бы границъ законной самозащиты. Если бы она это могла допустить, она вела бы себя по иному. Но для этого опыта 905 г. ей было мало; даже и 917 г. раскрылъ глаза далеко не всѣмъ. За все, что тогда совершалось, общественность винила только правительство. Для обвиненій событія давали ей матеріалъ. Борьбу съ революціоннымъ насиліемъ взяли въ руки тѣ, кто относился со злобой къ самой конституціи. Они внесли въ борьбу ненужные эксцессы и чисто партійную мстительность. Дѣйствія власти напоминали въ миніатюрѣ большевиковъ. Тогда къ этому еще не привыкли. Репрессіи шли дальше необходимости; артиллерійскій огонь по Прѣснѣ, гдѣ былъ разрушенъ цѣлый кварталъ, предварялъ картину гражданской войны. Во время обстрѣла погибали невинные, передъ которыми сама власть была виновата. На войнѣ считаютъ позоромъ разстрѣливать плѣнныхъ; у насъ Семеновскій полкъ послѣ побѣды разстрѣливалъ въ Коломнѣ жителей по спискамъ Охраннаго Отдѣленія. И только ли это? Въ Парижѣ въ 1918 году я видѣлъ француза Энглэза, у котораго большевики разстрѣляли трехъ сыновей. Какъ французскіе подданные, они получили разрѣшеніе вернуться во Францію; пошли провести послѣдній вечеръ съ друзьями; туда пришли со случайнымъ обыскомъ и всѣхъ троихъ разстрѣляли. Ихъ отецъ

мнѣ это разсказывалъ; и я удивлялся, что послѣ этого онъ къ Россіи относился съ прежней любовью. Слушая его, я вспоминалъ случай съ Григорьевымъ. Этого отца я тоже видалъ и удивлялся его незлобивости. У него былъ единственный сынъ. Во время возстанія 1905 года онъ его изъ дому не выпускалъ. Но когда въ центрѣ города стрѣльба прекратилась, отецъ пошелъ пройтись вмѣстѣ съ сыномъ; изъ предосторожности на студенческую тужурку надѣли штатскую шубу. Ѣхалъ конный разъѣздъ. Ихъ обыскали. Оружія не было, но тужурка показалась подозрительной. Молодого Григорьева арестовали; отецъ проводилъ его до дверей Прѣсненской части. Онъ бросился хлопотать; никто не зналъ ничего. Наконецъ, отцу было позволено объѣхать мертвецкія; въ одной изъ нихъ онъ нашелъ трупъ разстрѣляннаго сына. Никто не узналъ никогда, кѣмъ и за что онъ былъ убитъ.

Въ Москвѣ, гдѣ было возстаніе, жестокости были особенно рѣзки. Но въ меньшемъ размѣрѣ онѣ были повсюду. Вездѣ власть мстила за недавнія униженія; добровольцы шли дальше ея и уличали власть за снисходительность. Всѣмъ усмирителямъ была обезпечена безнаказанность. Провинціи, которыя во время самой Революціи были менѣе агрессивны, чѣмъ столицы, рѣзче послѣднихъ реагировали на терроръ правительства. Сѣмена въ нихъ посѣянныя дали болѣе ранніе всходы. Примиреніе власти и либеральнаго общества, которое тогда было нужно, было надолго отсрочено.

Это было трагично. Но главный трагизмъ былъ все же не въ этомъ. Онъ въ томъ, что жестокое дѣло, которое съ возмущающей безпощадностью сдѣлала власть, спасло тогда Россію отъ бо̀льшаго зла — отъ Революціи. Революція, которой многіе съ восторгомъ ожидали, принесла бы съ собой то, что Россія переживаетъ теперь. Передъ судомъ исторіи усмирители 1905 года окажутся болѣе правы, чѣмъ тѣ, кто изъ самыхъ самоотверженныхъ побужденій началъ возстаніе, ему содѣйствовалъ и радовался, что власть попала въ

тупикъ. Я нарочно беру это положеніе въ заостренной, даже *вызывающей* формѣ. Пока мы не посмѣемъ это признать, мы еще не можемъ объективно судить наше прошлое.

Пропасть между властью и русской общественностью увеличилась тогда не только со стороны обозленнаго *общества*. И власть потеряла вѣру въ его государственный смыслъ. На почвѣ этого недовѣрія создался избирательный законъ 11 декабря, который поставилъ ставку на здравый смыслъ русскаго «мужика», забывъ, что сословный строй, подъ которымъ эти мужики до этихъ поръ жили, отдавалъ его во власть демагогіи. Это была коренная ошибка правительства Витте, которую 3 іюня 1907 года Столыпинъ вздумалъ исправить переворотомъ. Но разочарованіе власти въ общественности было конечно вызвано не однимъ ея поведеніемъ въ дни возстанія. «Усмирять» не дѣло общественности, какъ война не дѣло штатскихъ людей. Общественность имѣла задачу помочь установить тотъ государственный строй, котораго она сама же добивалась. Какъ отнеслась она къ *этой мирной* для нея подходящей задачѣ?

Глава XVII.

ПОПЫТКИ ВЛАСТИ СГОВОРИТЬСЯ СЪ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ.

Дорога, по которой послѣ 17-го октября пошла наша общественность, стала ясна въ первый же день. Я разсказывалъ, какъ на партійномъ засѣданіи 17 октября мы узнали про Манифестъ. Засѣданіе было прервано; рѣшили собраться въ Художественномъ Кружкѣ на импровизированный праздникъ. Въ виду забастовки телефонъ не работалъ. Всѣ по дорогѣ въ Кружокъ оповѣщали знакомыхъ. Я зашелъ къ товарищу по адвокатурѣ, позднѣе министру юстиціи Временнаго Правительства. Онъ считался тогда соціалъ-де-

мократомъ. Я сообщилъ ему новость про Манифестъ и звалъ съ собою въ Кружокъ. Онъ освѣдомился, объявлена ли четырехвостка? На отрицательный отвѣтъ спросилъ съ удивленіемъ: *что же* вы собираетесь праздновать? Въ Кружкѣ уже была масса народу. Торжествовали побѣду, восхваляли другъ друга. П. Н. Милюковъ рѣшилъ внести серьезную ноту въ веселье. Онъ началъ шутливымъ вопросомъ: разрѣшено ли будетъ «критиковать» Манифестъ? — и приступилъ къ его критикѣ. Въ ней былъ его полемическій талантъ и манера; онъ останавливался не только на томъ, что было написано, но и на умолчаніяхъ. Объяснялъ молчанія, обличалъ, уличалъ и кончилъ разносъ Манифеста словами: «ничто не измѣнилось; война продолжается».

Условія банкетныхъ рѣчей оправдываютъ излишества слова. Но эти слова не были, къ сожалѣнію, только банкетной риторикой; они выражали настроеніе руководителей нашего общества. И въ этомъ очень скоро пришлось убѣдиться.

Положеніе Витте послѣ 17 октября было не легкимъ не по головоломности самой задачи. Она была скорѣе проста; Витте не было надобности пускаться на эксперименты; съ Манифестомъ Россія вступала на испытанный путь. Была трудность тактическая. Конституціоннаго порядка быть не могло *безъ поддержки разумной общественности. Но гдѣ* было ее искать, *гдѣ* былъ настоящій голосъ народа? Въ современныхъ демократіяхъ это — парламентъ или по крайней мѣрѣ лидеры политическихъ партій. Въ Россіи не было еще ни партій, ни лидеровъ, ни парламента. Витте приходилось чутьемъ искать контакта съ разумной общественностью. На другой день послѣ Манифеста онъ по телеграфу обратился къ Шипову и просилъ его тотчасъ пріѣхать. Могъ ли онъ сдѣлать тогда лучшій выборъ?

Д. Н. Шиповъ былъ одной изъ самыхъ привлекательныхъ фигуръ этой эпохи. Его враги не отрицали его моральной безупречности и политической честности. Онъ былъ

всегда преданъ дѣлу, служилъ ему всюду, забывая самолюбіе и обиды; убѣжденій своихъ не мѣнялъ и ни передъ кѣмъ не скрывалъ. А по своему прошлому онъ былъ самымъ представительнымъ лицомъ земской среды. Въ *этомъ* было его главное преимущество. Ибо въ какой другой средѣ, какъ не земской, долженъ былъ Витте искать общественныхъ дѣятелей, которые могли бы помочь ему въ это трудное время? Долгіе годы земство, даже не всегда отдавая себѣ въ этомъ отчетъ, уже вело борьбу *за конституцію*. Во имя Самодержавія Витте прежде относился отрицательно къ земству. Но теперь, когда Самодержавіе себя упразднило, земству естественно должна была принадлежать первая роль. Земская работа воспитала кадры людей, которые практически извѣдали трудности управленія и судили о томъ, что сейчасъ было нужно Россіи на основаніи опыта. Витте, который самъ плохо зналъ нашу общественность и былъ чуждъ ей по своей прежней дѣятельности, не могъ выбрать лучшаго руководителя, чѣмъ Шиповъ.

У Шипова былъ одинъ «недостатокъ». Онъ принадлежалъ къ земскому меньшинству, т.-е. не былъ раньше сторонникомъ конституціи и предпочиталъ представительство съ совѣщательнымъ голосомъ. Но это разномысліе потеряло свою остроту съ тѣхъ поръ, какъ Самодержавіе само стало за конституцію. А зато даже годы «Освободительнаго Движенія», когда всѣхъ дѣлили на партіи только по *этому* признаку, не могли разорвать кровной связи Шипова съ земской средой. Для самого же Витте славянофильскія симпатіи Шипова были понятны и близки. Вѣдь онъ самъ рекомендовалъ конституцію только какъ неизбѣжность, понимая ея трудности и не горя энтузіазмомъ передъ Парламентомъ. Чтобы стоять за новый политическій строй, вовсе не необходимо было изъ него дѣлать фетишъ и не понимать его трудныхъ сторонъ.

Воспоминанія Шипова ярко рисуютъ первую встрѣчу Витте съ общественностью. Витте предложилъ Шипову мѣ-

сто Государственнаго Контролера въ своемъ кабинетѣ. Но главное онъ хотѣлъ съ нимъ поговорить и посовѣтоваться; Шиповъ въ своемъ совѣтѣ и помощи не отказалъ. Онъ указалъ, что власть сможетъ пріобрѣсти довѣріе общества только если ясно покажетъ, что ея прежняя политика *измѣнилась*. А для этого онъ находилъ необходимымъ ввести въ кабинетъ нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей, притомъ на отвѣтственные, а не второстепенные посты. Онъ назвалъ 5 портфелей; это были всѣ «командныя высоты» внутренняго управленія (внутреннія дѣла, юстиція, земледѣліе, торговля и промышленность и народное просвѣщеніе). Ихъ всѣхъ, по его мнѣнію, было полезно отдать «общественнымъ дѣятелямъ». Въ рукахъ бюрократіи остались бы тогда только финансы, военное, морское министерство и министерство иностранныхъ дѣлъ; то-есть какъ разъ тѣ портфели, гдѣ общественные дѣятели были бы наименѣе компетентны. Зашла рѣчь и о кандидатахъ въ министры. Шиповъ напомнилъ, что самъ принадлежитъ къ меньшинству земскаго съѣзда; чтобы внушить довѣріе широкому обществу, нужно было привлечь представителей *большинства*. Онъ назвалъ нѣсколько именъ, которыя всѣ исключали упрекъ въ «личномъ» пристрастіи. Онъ рекомендовалъ И. И. Петрункевича, своего политическаго антагониста по съѣздамъ, давняго конституціоналиста, спеціально непріятнаго Государю, но зато не только интеллигента, а настоящаго земца, практическаго дѣятеля, которому проблемы власти не были чужды. Назвалъ С. А. Муромцева, своеобразную фигуру, мало похожаго на русскаго человѣка, въ то время еще не вліятельнаго среди нашихъ «политиковъ», но который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ станетъ «первымъ» лицомъ и позднѣе превратится въ легенду. Муромцевъ былъ профессоръ и адвокатъ, но кромѣ того былъ тоже городской и земскій общественный дѣятель. Еще Шиповъ рекомендовалъ князя Г. Львова, будущаго предсѣдателя перваго правительства Революціи, практическаго работника, умѣвшаго и любившпа-

го «работать» во всякихъ условіяхъ. Вотъ условія для соглашенія съ властью, которыя ставилъ Шиповъ. Противъ нихъ Витте не возражалъ; онъ внимательно разспрашивалъ про личныя качества тѣхъ людей, которыхъ ему назвалъ Шиповъ; признавалъ необходимость нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей въ кабинетѣ и отъ себя назвалъ еще А. И. Гучкова и князя Е. Трубецкого. Онъ добавилъ, что не боится реформъ, не боится людей лѣваго направленія и считаетъ необходимымъ только одно: чтобы эти новые люди понимали, что въ настоящее трудное время необходимо поддерживать авторитетъ и силу государственной власти. Это была та программа, которая диктовалась минутой и на которой должны были сговориться и власть и общество. Были необходимы реформы и даже очень глубокія; но при проведеніи ихъ нужно было избѣжать революціи и для этого необходимо было поддерживать новую власть.

Какъ ни смотрѣть на тѣ условія, которыя предварительно ставилъ Шиповъ, считать ли ихъ слишкомъ смѣлыми или наоборотъ недостаточными, вѣрить или нѣтъ искренности согласія на нихъ Витте, одно несомнѣнно: разговоръ Витте съ Шиповымъ носилъ характеръ, который былъ тогда нуженъ. Внутренняя война была окончена; Самодержавіе уступило. Теперь возникалъ вопросъ, какъ помочь Россіи подняться послѣ войны. Шиповъ съ Витте разговаривали, какъ государственные люди, которые думаютъ о пользѣ Россіи, о соглашеніи, не стремясь оскорбить или унизить противника. Нужно было скорѣе общими силами излечивать раны войны, а о вчерашней борьбѣ другъ съ другомъ забыть. «Военные» въ такихъ разговорахъ были опасны. Ихъ время окончилось.

Но Шиповъ самъ сдѣлалъ ошибку. Онъ зналъ, что въ земской средѣ, къ несчастью, есть самолюбія, что еще недавно онъ самъ причислялся къ реакціонерамъ; земскіе лидеры могли обидѣться, что Витте пригласилъ къ себѣ не ихъ, а Шипова. Онъ посовѣтовалъ Витте отъ себя обра-

титься «по начальству», къ Бюро Земскихъ Съѣздовъ и просить его прислать къ нему делегатовъ для переговоровъ. Давая этотъ несчастный совѣтъ Шиповъ былъ увѣренъ, что Бюро не поддастся партійной нетерпимости и само пошлетъ къ Витте тѣхъ авторитетныхъ людей, которые имъ были названы. И онъ тотчасъ выѣхалъ обратно въ Москву, зная, что на 22 октября было назначено общее собраніе Бюро и расчитывая имѣть время поставить его въ курсъ того, что онъ услышалъ отъ Витте.

Нельзя считать только случайностью, что расчеты Шипова оказались ошибкой и что его совѣтъ графу Витте повернулся противъ него. Случайность всегда идетъ на пользу того, кому суждено *побѣдить*. Такъ и произошло. Телеграмма Витте къ Бюро подхлестнула его самоувѣренность. Бюро увидѣло въ ней слабость правительства и какъ бы капитуляцію передъ нимъ и начало дѣйствовать соотвѣтственно съ этимъ выводомъ.

21 октября утромъ, не теряя ни минуты, Шиповъ явился въ Бюро и узналъ, что уже опоздалъ; все было кончено. Своего общаго собранія Бюро не сочло нужнымъ ждать. Оно немедленно по полученіи депеши собралось en petit comité и делегатовъ къ Витте отправило. Если бы они ѣхали для информаціи, эту торопливость можно было бы понять. Но съ ними отправили ультиматумъ; и это было сдѣлано съ такой стремительностью, что собранія Бюро дожидаться не стало.

П. Милюковъ присутствовалъ въ этомъ petit comité. Это его присутствіе тамъ было и символомъ. Онъ самъ земцемъ не былъ; только на послѣднемъ съѣздѣ былъ кооптированъ, не какъ земецъ, а какъ «ученый и общественный дѣятель». Это показывало, что въ эпоху Освободительнаго Движенія земцы свою самостоятельность уже потеряли и что ими руководили «политики». И теперь, хотя военныя дѣйствія были окончены, военные желали сами диктовать условія мира, не предоставляя этого «диллетантамъ» изъ земства. Благодаря

присутствію Милюкова мы узнали, что произошло въ этомъ злополучномъ собраніи. Онъ разсказалъ это въ своей брошюрѣ «Три Попытки».

Всѣхъ подробностей обсужденія Милюковъ не сообщаетъ. Объ этомъ можно жалѣть, но интересно не это. Важно, что въ 21 году, уже въ эмиграціи, когда партійная дисциплина ему не мѣшала и онъ говорилъ для исторіи, онъ все-таки постановленія Бюро защищаетъ. Отрицательный о нихъ отзывъ Д. Н. Шипова вызываетъ презрительное замѣчаніе: «такъ и долженъ былъ смотрѣть, говоритъ онъ, недавній принципіальный сторонникъ неограниченной власти Монарха, ставшій «конституціоналистомъ по приказу его Величества» послѣ октябрьскаго манифеста». Эта защита понятна. Постановленія бюро соотвѣтствовали тому настроенію самого Милюкова, которое онъ выразилъ послѣ Манифеста словами: «ничего не перемѣнилось, война продолжается». Онъ не могъ поэтому ихъ не одобрять. И его воспоминанія раскрываютъ любопытную картину психологіи бюро *земскихъ* съѣздовъ.

Мы узнаемъ, напримѣръ, почему С. А. Муромцевъ не попалъ въ делегацію. «Онъ, объясняетъ намъ Милюковъ, не принадлежалъ къ ядру политической группы, руководившей тогда земскими съѣздами». Это характерный мотивъ. Витте обращается къ земству, въ лицѣ бюро *земскихъ съѣздовъ;* это была ставка на *земство,* ибо Земскій Съѣздъ считался его представителемъ. Въ отвѣтъ же графу Витте вмѣсто земства подсовываютъ «ядро политической группы», *военныхъ руководителей.* Вотъ почему С. А. Муромцевъ замѣненъ былъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ; *послѣдній* оказался porte-parole русскаго земства.

Невозможно отрицать качествъ Кокошкина, его большихъ знаній, талантливости, политической честности; онъ былъ однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ образцовъ интеллигенціи. Главный его недостатокъ, что онъ былъ гораздо больше интеллигентъ-теоретикъ, чѣмъ *земецъ.* Но именно

это-то и цѣнило руководящее ядро. «Молодой Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ», пишетъ П. Н. Милюковъ, «уже тогда выдавался ясностью политической мысли и твердостью политическаго поведенія. Будучи земцемъ, онъ въ то-же время былъ и интеллигентомъ и хорошимъ знатокомъ конституціоннаго права. Въ Московскомъ Кружкѣ друзей онъ почти одинъ проявлялъ задатки «настоящаго политика».

Такъ профессіональные *военные* исправили уступчивость штатскихъ, увлекшихся перспективою *мира*. Приглашеніе Шипова со стороны графа Витте было «уклономъ»; поэтому въ отвѣтъ Бюро и посылало Кокошкина. *Онъ* сталъ главой делегаціи; князь Львовъ и Ф. А. Головинъ были приставлены для декораціи. И еще въ 21 году П. Н. Милюковъ торжествуетъ: «Выборъ Кокошкина для бесѣды съ Витте означалъ, что Бюро не хочетъ *компромиссныхъ* рѣшеній».

Это было роковымъ шагомъ подсказаннымъ русскому земству. Онъ срывалъ всю намѣченную комбинацію. Дѣло было не только въ выборѣ лицъ, какъ этотъ выборъ ни былъ характеренъ. Дѣло было еще больше въ директивахъ, которыя согласилась отвести делегація. Можно было бы думать, что твердыя директивы вообще были ненужны; делегація ѣхала для совѣщанія, чтобы выслушать предположенія Витте, она могла ихъ принять ad referendum. Нужно было только узнать, возможно ли заключеніе мира или дѣйствительно «война продолжается»? Но Бюро распорядилось не такъ. Оно послало депутацію съ порученіемъ предъявить нѣсколько ультиматумовъ. Бюро показало, что дѣйствительно не хотѣло компромиссныхъ рѣшеній; оно требовало «капитуляціи». Такъ торжествовала *военная* партія, боясь, чтобы побѣды изъ ея рукъ не вырвали.

О томъ, что въ Петербургѣ дѣлала делегація, писали и Шиповъ и Милюковъ. Помню публичные разсказы о томъ

же Кокошкина. Во всѣхъ версіяхъ нѣтъ разногласія. Разница только въ оцѣнкѣ. И горько вспоминать это выступленіе делегаціи.

Делегація видѣлась сначала съ княземъ А. Д. Оболенскимъ. Только что назначенный оберъ-прокуроромъ Синода, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ либеральныхъ представителей бюрократіи, у которыхъ сохранились связи съ общественностью. Другъ и родня многихъ лучшихъ представителей либеральнаго лагеря, понимавшій ошибки стараго курса, онъ былъ однимъ изъ авторовъ Манифеста. Примиреніе власти и общества на почвѣ конституціоннаго строя ему казалось не труднымъ. Онъ встрѣтилъ делегацію съ надеждой и радостью. И онъ не могъ понять ничего, когда ему пришлось говорить о положеніи дѣла съ «настоящимъ политикомъ».

Делегація начала съ формальнаго ультиматума. Вся бесѣда съ Витте должна была стать достояніемъ гласности. Такое требованіе было и неприлично и непрактично. У Витте было много враговъ. У конституціи тоже. Требованіе оглашенія передъ врагами переговоровъ, которые могъ Витте вести, значило сдѣлать ихъ невозможными. Потому бесѣда делегаціи съ самимъ Витте превратилась въ простую формальность. Разговаривать делегаціи пришлось съ однимъ Оболенскимъ. Очевидно не въ такой атмосферѣ можно было договориться до соглашенія. Для такихъ «разговоровъ» просто не стоило ѣхать, особенно съ такой поспѣшностью.

Но разговоръ съ главою правительства можно было все-таки замѣнить разговоромъ съ посредникомъ Оболенскимъ. Для этого обязательной гласности, къ счастію, не требовалось. Но разговора и тутъ не вышло, ибо делегація привезла съ собой другой ультиматумъ уже по существу.

Бюро отказывалось поддерживать правительство Витте. Оно поручило ему передать, что «*единственный* выходъ изъ переживаемаго положенія» это созывъ Учредительнаго Собранія для выработки конституціи, причемъ Собраніе это

должно было быть избрано путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Делегація отвергла самый принципъ октроированной конституціи. Выбранное по четыреххвосткѣ Учредительное Собраніе становилось суверенным органомъ народовластія. Съ тѣмъ, что еще существовала въ Россіи монархія, которая пока была самодержавной, которая только для блага Россіи согласилась себя ограничить, делегація не хотѣла считаться. Она разсуждала, какъ будто монархіи уже не было. У делегаціи былъ тотъ самый языкъ, которымъ черезъ 12 лѣтъ Временный Комитетъ Государственной Думы говорилъ съ несчастнымъ Михаиломъ.

Понимала ли делегація, что она сдѣлала? Помню гордость, съ которой Кокошкинъ осипшимъ отъ повторенія голосомъ разсказывалъ въ Москвѣ о побѣдѣ земцевъ надъ Витте; о томъ, какъ Оболенскій былъ въ отчаяніи, какъ онъ умолялъ делегацію опомниться, не ставить своего ультиматума; какъ онъ давалъ ей понять, что общественные дѣятели могли получить всѣ портфели, которыхъ бы они пожелали, и какъ делегація осталась непреклонной въ своемъ неkомпромиссномъ рѣшеніи.

Но было нѣчто болѣе грустное, чѣмъ гордость Кокошкина. Это — одобреніе, которое его разсказъ встрѣчалъ въ нашей общественности. Она радовалась, что земская делегація огорошила Витте. На что разсчитывала *она* тогда? На то, что испуганный Витте уступитъ, а Государь будетъ отъ Учредительнаго Собранія ждать рѣшенія своей участи, какъ въ 1917 году Михаилъ? А если она надѣялась не на это, то что означалъ такой жестъ делегаціи?

Позднѣе мнѣ приходилось объ этомъ бесѣдовать съ Витте. «Если бы, говорилъ онъ, я могъ повѣрить тогда, что вся общественность была такова, какою была делегація, я не простилъ бы себѣ, что посовѣтовалъ Государю дать конституцію. Но Витте не вѣрилъ, что вся общественность такова. Онъ продолжалъ переговоры съ отдѣльными лицами, звалъ ихъ въ правительство, просилъ ихъ помощи или совѣтовъ.

Онъ старался вникнуть въ непонятную для него психологію нашей общественности. Въ переговорахъ этихъ онъ не обнаружилъ большого искусства; дѣлалъ много ложныхъ шаговъ; общественность съ радостью ихъ подхватывала, радуясь, что Витте въ тупикѣ; что ему не удалось сдѣлать то, къ чему онъ стремился, т. е. добиться сотрудничества власти и общества. Она могла радоваться, ибо сама старалась объ этомъ. При той позиціи, которую она заняла, передъ каждымъ общественнымъ дѣятелемъ стояла альтернатива: или отказать въ помощи Витте или свое вліяніе на общество потерять. И общественные дѣятели подрядъ отъ предложенія уклонялись. Въ этихъ заранѣе обреченныхъ на неудачу переговорахъ Витте знакомился съ руководителями нашего общества. Онъ потомъ про это разсказывалъ; переговоры не увеличили его довѣрія къ нимъ; ему казалось недостаткомъ гражданскаго мужества, что люди, по существу съ нимъ согласные, не хотятъ ему помогать, ссылаясь на общественное мнѣніе. Еще болѣе поражало его, что люди, которые послушно обществу подчинялись, передъ Витте сами *не* защищали позицій, которыя общество выставляло. «Кто же дѣлаетъ общественное мнѣніе? спрашивалъ онъ съ недоумѣніемъ; я не встрѣчалъ человѣка, который бы наединѣ считалъ правильнымъ то, что онъ самъ отъ меня во имя общества требовалъ».

Это общее впечатлѣніе невозможно провѣрить. Витте могъ быть несправедливъ. Потому разсказъ П. Н. Милюкова о его личныхъ переговорахъ съ Витте такъ интересенъ. И я на немъ остановлюсь.

Милюковъ печаталъ свои воспоминанія (Три попытки) въ 21 г. Въ нихъ онъ былъ строгъ къ бюрократіи; Столыпина назвалъ «царедворцемъ и честолюбцемъ, а не государственнымъ человѣкомъ» за то, что тотъ не подчинился русской общественности, которая будто бы *предвидѣла* катастрофу и *могла* ее устранить. Однако какую же позицію въ эту пере-

ломную пору занялъ онъ самъ, виднѣйшій представитель нашей общественности?

П. Милюковъ разсказываетъ про бесѣду, которую онъ имѣлъ съ Витте по его приглашенію. Любопытно введеніе. «Я приходилъ, пишетъ онъ, не въ качествѣ делегата кѣмъ-то уполномоченнаго, а въ качествѣ частнаго лица, совѣта котораго просилъ высшій представитель власти въ моментъ, когда рѣшалось направленіе, которое должно была принять русская исторія. И на поставленный мнѣ сразу вопросъ Витте, что дѣлать, я рѣшилъ отвѣтить по совѣсти и по личному убѣжденію, не связывая себя общепринятыми политическими формулами моихъ единомышленниковъ. Я хотѣлъ свести споръ съ академическихъ высотъ въ сферу реальной дѣйствительности».

Это правильно. Но вѣдь «направленіе исторіи» рѣшалось не только въ разговорѣ съ П. Н. Милюковымъ, но еще гораздо больше при посылкѣ земской делегаціи къ Витте. Почему же тогда можно было оставаться на «академическихъ высотахъ», не спускаясь въ сферу «реальной дѣйствительности»? Почему въ разговорѣ съ глазу на глазъ можно было отвѣтить «по совѣсти и убѣжденію», а оффиціально къ Витте нужно было послать только «общепринятыя формулы единомышленниковъ»? Вводныя слова Милюкова сами по себѣ представляютъ осужденіе пріемовъ нашей общественности.

Милюковъ не скрылъ, что будетъ говорить не отъ партіи, а отъ своего личнаго имени. «Если бы я выражалъ мнѣніе партіи, предварилъ онъ Витте, то я повторилъ бы то-же, что сказалъ вамъ Кокошкинъ. Но я понимаю, что для васъ это мнѣніе не можетъ имѣть такой силы, какъ для насъ, и что положеніе слишкомъ сложно, чтобы примѣнить теоретически правильные совѣты во всей чистотѣ». Что долженъ былъ думать Витте о такомъ заявленіи? Итакъ, Кокошкинъ говорилъ именемъ *партіи*. Но вѣдь къ партіи Витте не обращался. Онъ обратился къ *земской* средѣ; и не Съѣзды, да-

же не бюро Земскихъ Съѣздовъ, а какой-то небольшой Комитетъ отвѣтилъ отъ имени земства, самовластно подмѣнивъ русское земство — только что образовавшейся «партіей».

Но еще интереснѣе другое. Вдохновитель партіи, Милюковъ теперь признавалъ, что «положеніе слишкомъ сложно, чтобы примѣнить теоретически правильные совѣты во всей чистотѣ». Но когда Витте звалъ на помощь общественность, онъ ждалъ отъ нея вовсе не «теоретически правильныхъ совѣтовъ», которыхъ, по заявленію самихъ совѣтчиковъ, практически нельзя примѣнить. Его интересовали не «академическія высоты», не доктринальные споры. Ему нужны были практическіе сотрудники и практическій совѣтъ, *какъ* претворить новые принципы въ жизнь. А отъ имени земства ему предложили «теоретически правильную», но завѣдомо «неисполнимую» доктрину. И это было сдѣлано лишь потому, что партія, которая прикрылась именемъ земства, считала, что «война продолжается»; къ Витте пришли не совѣтники и не союзники, а враги-наблюдатели. Хотя по видимости рѣчь шла о мирѣ, но военная точка зрѣнія не покинула парламентеровъ.

Это не предвѣщало успѣха; общественность шла ва-банкъ; все или ничего. Милюковъ, одинъ изъ руководителей войны съ Самодержавіемъ, отъ военной психологіи не избавился. Онъ признавалъ, что какъ членъ партіи онъ долженъ былъ бы повторить то-же, что и Кокошкинъ, хотя самъ сознавалъ непрактичность этихъ совѣтовъ. Понять этой тонкости Витте не могъ; онъ не подозрѣвалъ, до какого уродства мы дошли со своимъ фетишемъ — партійной дисциплиной, въ жертву которой приносили личный разумъ и убѣжденія. Мы думали быть передовыми оттого, что перенимали недостатки стараго возраста, начинали съ того, чѣмъ нормально кончаютъ. У насъ еще не было настоящихъ партій, а партійная дисциплина уже свирѣпствовала.

Но дѣло не только въ этомъ. Въ разговорахъ съ Витте Милюковъ все же рѣшилъ говорить по убѣжденію, не пря-

часъ за общее мнѣніе, не паря на высотахъ «теоріи». Онъ хотѣлъ дать Витте, по его собственному выраженію, «дѣльный совѣтъ». Тѣмъ интереснѣй, что же онъ ему посовѣтовалъ? Что могъ для упроченія мира предложить человѣкъ, который войну умѣлъ провести?

Милюковъ далъ Витте совѣты, которые онъ публично повторить не рѣшился. Первый совѣтъ былъ не приглашать въ кабинетъ «общественныхъ дѣятелей», а составить правительство изъ бюрократовъ, но «приличныхъ» людей. Этотъ совѣтъ пришелся такъ по сердцу Витте, что «онъ вскочилъ, протянулъ мнѣ (Милюкову) свою длинную руку, которую я (Милюковъ) подалъ ему съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и потрясая ею воскликнулъ: «вотъ наконецъ я слышу первое здравое слово; я такъ и рѣшился сдѣлать».

Не совсѣмъ понятно, почему эта экспансивная радость такъ *удивила* Милюкова: Витте пытался привлечь въ свой кабинетъ общественныхъ дѣятелей, какъ это ему первый посовѣтовалъ Д. Н. Шиповъ, но при разговорахъ убѣждался, что это ему не удастся. И вдругъ П. Н. Милюковъ говоритъ, что этого вовсе не нужно! Мудрено ли, что Витте пришелъ въ восторгъ отъ совѣта, который совпадалъ съ рѣшеніемъ, имъ самимъ уже принятымъ? Совѣтъ Милюкова былъ конечно разумнымъ. Условія, которыя общественными дѣятелями были поставлены, были невозможны для Витте; не стоило тратить времени на разговоры. Милюковъ въ этомъ былъ правъ. Но его правота только обнаруживала, что общественность помогать Витте не хочетъ, что зрѣлище страны, которая, сумѣвъ разрушить Самодержавіе, не умѣетъ послѣ этого водворить у себя элементарный порядокъ, ее вовсе не трогало. Общественность не отбросила партійныхъ несогласій, чтобы закрѣпить ту позицію конституціонной монархіи, которая была ею не безъ труда завоевана. Общественность продолжала войну. Она вела себя, какъ во Франціи вели себя соціалисты, которые отказывались отъ участія во власти, требуя всю власть себѣ. Если считать,

что цѣлью «Освободительнаго Движенія» было созданіе конституціонной монархіи, то монархія и общество могли теперь помириться; эмблемой этого примиренія было бы сотрудничество въ одномъ кабинетѣ вчерашнихъ враговъ. На этомъ согласились Д. Н. Шиповъ и графъ Витте, но лѣвая общественность и лидеръ ея Милюковъ разсуждали, какъ не такъ давно разсуждалъ Леонъ Блюмъ. Они хотѣли не примиренія, а капитуляціи. Они соглашались взять власть только если она вся будетъ у нихъ. 1917 годъ показалъ, къ чему это могло привести. А въ 1905 г. умѣренный совѣтъ Милюкова показывалъ все же одно: что война еще продолжается и что помощи отъ врага ждать было нельзя.

Интересенъ и другой совѣтъ Милюкова; онъ явился сторонникомъ «октроированной конституціи». Правда, онъ продолжалъ утверждать, что Учредительное Собраніе правильный и даже «единственно» правильный путь для составленія конституціи, но тѣмъ не менѣе признавалъ, что въ данныхъ условіяхъ онъ не годится. «Опубликуйте завтра же конституцію, говорилъ онъ; это будетъ конституція октроированная и васъ будутъ бранить за такой образъ дѣйствій, но потомъ успокоятся и все войдетъ въ норму». Было заслугой Милюкова, что онъ не настаивалъ на созывѣ Учредительнаго Собранія при полновластномъ Монархѣ, что совѣтовалъ Витте «октроировать» конституцію, не смущаясь общественной бранью. Но это былъ совѣтъ платоническій. Не задолго до этого онъ вмѣстѣ съ бюро поручалъ делегаціи публично объявить, что созывъ Учредительнаго Собранія есть «единственный» выходъ изъ положенія; черезъ нѣсколько дней на земскомъ съѣздѣ отъ имени Бюро онъ самъ внесилъ смягченную формулу объ учредительныхъ функціяхъ I-ой Государственной Думы. Поэтому, если онъ и совѣтовалъ Витте октроировать конституцію и пренебречъ общественнымъ недовольствомъ, то помочь ему въ этомъ *своимъ* авторитетомъ не соглашался. Витте долженъ былъ рисковать общественнымъ неудовольствіемъ за свой собственный

счетъ; Милюковъ же былъ бы покрытъ партійной дисциплиной. Этого способа дѣйствій Витте не понималъ. Онъ вообще многаго не понималъ въ психологіи нашей общественности.

Было отрадно, что представитель интеллигенціи наконецъ созналъ возможность и даже предпочтительность «октроированной» конституціи. Это устраняло непроходимый барьеръ, который земская делегація воздвигла на пути къ соглашенію. Соглашеніе становилось возможнымъ. Но какъ представлялъ себѣ его Милюковъ? И тутъ обнаруживалось, что военная идеологія его не покинула.

Отъ содержанія конституціи многое бы зависѣло въ ходѣ событій въ Россіи. Если совмѣстное участіе прежнихъ воюющихъ сторонъ въ правительствѣ было бы символомъ примиренія, то участіе ихъ обѣихъ въ выработкѣ конституціи было бы залогомъ ея достоинствъ. Конституція должна была быть тѣмъ мирнымъ договоромъ, который надлежало теперь заключить. Она должна была быть разумнымъ и практическимъ раздѣленіемъ власти между Монархомъ и обществомъ. Объ основахъ этого раздѣленія и надо было имъ согласиться. Миръ, гдѣ съ побѣжденнымъ не сговариваются, а ему свою волю диктуютъ, выходитъ миромъ Версальскимъ. Но позиція Милюкова, который совѣтовалъ Витте конституцію «октроировать», а одіумъ этого хотѣлъ оставить на Витте, такое *сотрудничество* между ними устраняла. Милюковъ хотѣлъ, чтобы самодержавная власть отъ себя объявила ту конституцію, которую хотѣла общественность.

Любопытно, что Милюковъ, при этомъ не упомянулъ ни объ одной изъ двухъ сочиненныхъ самой общественностью конституцій — «освобожденской» и «земской». Имъ въ нашей средѣ дѣлали большую рекламу; въ разработкѣ ихъ принимали участіе всѣ наши авторитеты; но этихъ конституцій Милюковъ не предложилъ вниманію Витте. Онъ въ этомъ былъ правъ. Обѣ конституціи представляли такой печальный образчикъ нашей практической неумѣлости, что

говорить серьезно о возможности ихъ октроировать было нельзя. Онѣ были тѣми «академическими высотами», на которыхъ оставаться Милюковъ не хотѣлъ. Спеціалисты общественности проработали совершенно въ пустую. Милюковъ предпочелъ держаться реальной почвы. Онъ посовѣтовалъ Витте: «для ускоренія и упрощенія дѣла позовите сейчасъ кого-либо и велите перевести на русскій языкъ бельгійскую или болгарскую конституцію; завтра поднесите ее царю для подписи и послѣзавтра опубликуйте».

Можно представить себѣ, какъ Витте поглядѣлъ на этотъ совѣтъ. Онъ могъ принять его только за шутку. Рѣчь шла о новомъ государственномъ строѣ для громадной, разноплеменной, разносословной и разнокультурной страны, о строѣ, который долженъ былъ замѣнить сложившійся вѣками, привычный порядокъ Самодержавія; и оказывалось, что для этого было достаточно «перевода» конституціи одного изъ двухъ маленькихъ государствъ и притомъ безразлично того или другого. Конечно, между европейскими конституціями есть общія черты, но детали ихъ очень различны. А въ нихъ было все дѣло. Принципіально конституція была уже признана и весь интересъ переходилъ именно къ уточненію правъ, которыя при конституціи получатъ старые и впервые создаваемые институты. И вмѣсто этого рекомендуется *перевести* любую изъ двухъ неодинаковыхъ конституцій. Если бы это было такъ просто, то непонятно, къ чему затѣвалось Учредительное Собраніе и зачѣмъ надъ созданіемъ русскихъ конституцій наши теоретики и практики трудились такъ долго?

Но это не все. Милюковъ предлагалъ конституцію «октроировать». Она должна была быть послѣднимъ актомъ Самодержавія, которое въ интересахъ народа само свою власть ограничивало. Надо было слѣдовательно сумѣть убѣдить монарха въ томъ, что октроированный новый порядокъ будетъ полезнѣе Россіи, чѣмъ Самодержавіе, заставить его отречься отъ своихъ прежнихъ друзей и сторонниковъ,

которые въ Самодержавіи видѣли главную силу Россіи. Могъ ли думать Милюковъ, что для Государя будетъ убѣдительна ссылка его на Бельгію и на Болгарію? Можно ли было считать возможнымъ, чтобы вчерашній неограниченный Самодержецъ, стоявшій во главѣ государственнаго аппарата, еще не развалившагося, могъ по собственному почину октроировать напримѣръ бельгійскую парламентарную конституцію, гдѣ всю свою реальную власть онъ бы уступилъ представительству, сохраняя себѣ только роль декораціи? Можно было, сваливши монарха, провести такую конституцію на Учредительномъ Собраніи; но воображать, что монархъ, который вчера колебался, давать ли вообще конституцію, могъ дать ее въ *такой* формѣ, именно и значило «витать на академическихъ высотахъ внѣ реальной жизни». Если бы даже Государь слѣпо вѣрилъ Витте и согласился бы сдѣлать все, что Витте ему посовѣтовалъ, то Витте своей переводной конституціей не имѣлъ права дѣлать ни себя, ни Государя смѣшнымъ.

Описывая происходившее уже въ 21 году, т.-е. черезъ 15 лѣтъ, Милюковъ все-таки дѣйствія делегаціи защищаетъ. Для защиты онъ становится на новую позицію. Онъ допускаетъ (Три попытки, стр. 12), что на «предложеніе бюро съѣзда можно было бы смотрѣть, какъ на политическое доктринерство и обвинять делегацію за срывъ переговоровъ, если бы дѣло шло только о принятіи или отверженіи формулы делегаціи». «Но мы сейчасъ увидимъ, говоритъ онъ, что дѣло было не такъ. Разграничительная грань между властью и обществомъ проходила не на идеѣ Учредительнаго Собранія, а на самомъ понятіи *конституціи*». Если бы это было дѣйствительно такъ, то условія, поставленныя делегаціей отъ этого удачнѣе бы не были. Они только замаскировали бы отъ общества сущность вопроса и одіумъ за разрывъ возложили бы напрасно на неповинную делегацію. Въ этомъ случаѣ было, наоборотъ, полезно разоблачить передъ всѣми непримиримость Самодержавія, а не давать ему

выигрышнаго положенія въ этомъ конфликтѣ. Но на чемъ основывалъ Милюковъ это свое утвержденіе? Привожу его же слова.

Милюковъ сказалъ Витте: «произнесите слово конституція... Одушевленіе Витте прошло. Онъ отвѣтилъ мнѣ просто и ясно: я этого не могу, я не могу говорить о конституціи, потому что царь этого не хочетъ. Я также просто сказалъ ему: тогда намъ не о чемъ разговаривать и я не могу подать вамъ никакого дѣльнаго совѣта».

И изъ этого діалога Милюковъ выводитъ теперь, будто грань между двумя сторонами шла на самомъ *понятіи конституціи!* Но его разсказъ опровергаетъ его же собственный выводъ. *О понятіи* конституціи совсѣмъ не говорили; собесѣдники разошлись изъ-за «слова». Терминъ «конституція» чисто формальный; онъ означаетъ совокупность законовъ, которые опредѣляютъ государственное устройство страны. Конституція можетъ быть республиканская, монархическая, даже деспотическая-самодержавная. Одно *слово конституція* юридически ничего не означаетъ. Не юридическій, а обыденный разговорный языкъ противопоставлялъ у насъ два понятія — Монархію самодержавную, неограниченную, гдѣ Государь стоялъ выше закона, и Конституцію, гдѣ Монархъ дѣлилъ свою власть съ представительствомъ. Но разговорный языкъ интеллигенціи устремлялъ свои нападки не на юридическій терминъ — неограниченный, а на историческій титулъ — самодержавный. И подъ предлогомъ, что у насъ теперь объявлена «конституція», у нашего государя хотѣли отнять «титулъ» Самодержавный! На эту тему много писалось и говорилось. Помню докладъ пріѣзжавшаго въ Москву В. М. Гессена. Онъ оспаривалъ извѣстный взглядъ Ключевскаго, что титулъ «Самодержецъ», принятый Іоанномъ III и съ тѣхъ поръ сохраняемый, разумѣлъ лишь *внѣшнюю независимость*, освобожденіе отъ татарскаго ига. Этотъ старинный титулъ, по мнѣнію Гессена, долженъ быть *упраздненъ;* съ нимъ были связаны грѣхи и позоръ стараго режи-

ма. Такова была точка зрѣнія интеллигенціи. Но она ни для кого не была обязательна. И естественно, что Государь не видѣлъ никакихъ основаній въ угоду ей отрекаться отъ *историческаго* титула. 'Въ отношеніи титуловъ всѣ монархи консервативны; англійскій король до послѣднихъ временъ титуловалъ себя королемъ Франціи. И если для В. М. Гессена со словомъ «Самодержецъ» связанъ былъ позоръ нашего прошлаго, то для династіи съ нимъ была связана прошлая слава Россіи. Это былъ титулъ, освященный церковной молитвой, уничтоженіе котораго было бы народомъ замѣчено и по своему объяснено. Но этого мало. Самый тотъ смыслъ его, на который указалъ В. Ключевскій, т. е. смыслъ независимости, не потерялъ вовсе значенія; онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ понятію Монархіи «Божьею Милостью», какъ самостоятельнаго источника власти, въ отличіе отъ избранія и плебисцита. Въ 905 г. наша династія была *такова* и этого никто не оспаривалъ. Монарха нужно было юридически и фактически *ограничить*, не покушаясь на титулъ, который сохранилъ свой историческій смыслъ. И Милюковъ былъ не правъ, когда проводилъ грань на «*понятіи* конституціи»; грань проводили не на *понятіи*, а только *на словѣ*.

И при этомъ можно было понять интеллигентское желаніе вычеркнуть ненавистный имъ титулъ. Вѣдь все «Освободительное Движеніе» развертывалось на «извѣстной русской поговоркѣ: долой Самодержавіе». Было бы конечно разумнѣй не держаться за слово и сосредоточить вниманіе на *реальномъ* разграниченіи правъ короны и представительства. Но все-таки ненависть къ *слову* Самодержавіе можно было еще понять. Но какой смыслъ было кромѣ того настаивать передъ Витте на *произнесеніи имъ слова* «конституція»? Интеллигентное общество должно было понимать, что само по себѣ это слово не говоритъ ничего. А для народа оно было совсѣмъ ненужно и непонятно. Сами интеллигенты сочинили свои двѣ «конституціи» и тѣмъ не менѣе называли ихъ не «консти-

туціей», а «основнымъ государственнымъ закономъ». Партія, которая сначала именовала себя конституціонно-демократической, черезъ три мѣсяца перемѣнила это названіе на партію «народной свободы»; иначе никто ея названія не понималъ. Зачѣмъ же было ставить Витте такой ультиматумъ, требовать произнесенія никому ненужнаго и непонятнаго, а для Государя ненавистнаго слова? И нельзя удивляться, что послѣ такого требованія сдушевленіе Витте прошло и онъ сказалъ Милюкову, что Государь этого не захочетъ. И этого естественнаго отвѣта все-же оказалось достаточно, чтобы разорвать переговоры и заявить, что при такихъ условіяхъ никакого дѣльнаго совѣта подать Милюковъ не сможетъ.

Такъ собственный разсказъ Милюкова опровергаетъ его заключеніе, будто власть съ обществомъ разошлась на понятіи конституціи. Что послѣ 17 октября «конституціи» власть не отрицала, видно уже изъ того, что позже, когда революція была совершенно разбита, и когда власть свою силу почувствовала, она все-таки вычеркнула изъ Основныхъ Законовъ терминъ «неограниченный» и въ апрѣлѣ 906 г. октроировала *настоящую конституцію*. Правда, это была не бельгійская и не болгарская и вообще не парламентская конституція, но она была все-таки совсѣмъ не плохой конституціей и принесла съ собой изумительный подъемъ всей нашей государственной жизни. Ужасъ разговора Милюкова и Витте въ томъ, что они разошлись не изъ-за понятія, а только изъ-за слова, которое при этомъ гораздо больше значило для Государя, чѣмъ для общественности.

Но исторія не строится на недоразумѣніяхъ и случайностяхъ. Если случайности бываютъ, то вліяніе ихъ непродолжительно; жизнь скоро возвращаетъ все на настоящую дорогу. Разрывъ правительства съ обществомъ былъ не случаенъ. Причина его была конечно не въ томъ, что Милюковъ съ Витте другъ друга не поняли, а въ разницѣ позицій, которыя они занимали. Самодержавная власть усумнилась

въ себѣ и потому согласилась на конституцію во имя примиренія съ обществомъ. Но переговоры со стороны общества повели тѣ военные руководители, которые мира вообще еще не хотѣли и стремились сначала врага добить до конца, а потомъ диктовать ему свою волю. Они не умѣли понять во время, что интересы Россіи требуютъ не разгрома монархіи, а соглашенія съ ней. Они не понимали того, что Милюковъ понялъ позднѣе, что Монархія нужна самому либеральному обществу, что только соглашеніемъ съ прежней властью можно избѣжать Революціи со всѣмъ тѣмъ, что она принесетъ. И вмѣсто того, чтобы говорить о предѣлахъ возможныхъ уступокъ, чтобы совмѣстно создать тотъ типъ конституціи, который болѣе всего подошелъ бы къ Россіи, передовая общественность предпочла говорить языкомъ побѣдителя, который старается не только обезсилить, но и унизить врага. Государственный смыслъ побѣдителей долженъ былъ имъ подсказать, что побѣды не надо преувеличивать и ея не надо форсировать. Но этого государственнаго смысла у насъ тогда не оказалось.

Витте велъ переговоры со многими лицами; я о нихъ слыхалъ и отъ него самого и отъ кое-кого изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ разговаривалъ. Я на этихъ разговорахъ не останавливаюсь, такъ какъ за точность ихъ не могъ бы ручаться. Потому-то я взялъ, какъ примѣръ, только тотъ разговоръ, о которомъ разсказалъ здѣсь самъ Милюковъ и разсказалъ въ порядкѣ осужденія *Витте*, а не въ порядкѣ упрека себѣ самому. Но этотъ разговоръ заслуживаетъ вниманія и съ другой стороны. Милюковъ былъ однимъ изъ вождей «Освободительнаго Движенія» и тогда его вліяніе распространялось за предѣлы его будущей партіи. Всякая страна имѣетъ то, что заслуживаетъ; и правительство, и революцію, и вожаковъ. По нимъ можно судить о степени ея собственной зрѣлости. Тотъ слой общественности, отъ котораго зависѣло тогда водвореніе порядка въ странѣ, доказалъ практически, какъ онъ былъ мало способенъ къ конституціонному

устройству Россіи. Въ этомъ ничего трагическаго еще не было. Въ Россіи были другіе общественные элементы кромѣ радикальной интеллигенціи. Если эта послѣдняя не сумѣла найти настоящей дороги для успокоенія и примиренія, то у нея могла быть и была иная, болѣе къ ней подходящая миссія. Ей достаточно было остаться самой собой и за несвойственное для нея дѣло не браться. Если она этого не хотѣла понять тогда и повидимому не поняла до сихъ поръ, то Витте долженъ былъ бы въ этомъ тогда же разобраться. Но къ несчастью онъ мало зналъ нашу общественность. Онъ продолжалъ надѣяться, что на публичномъ собраніи благоразуміе и здравый смыслъ побѣдятъ. И онъ сталъ ждать Земскаго Съѣзда.

Глава XVIII.

ЗЕМСКІЙ СЪѢЗДЪ НОЯБРЯ 1905 г.

Конституціонный строй невозможенъ, пока въ странѣ нѣтъ общественнаго слоя, способнаго понимать задачи государственной власти. Для конституціи мало *отдѣльныхъ* людей, которые на это годятся; отдѣльные люди могутъ служить и абсолютизму; ими онъ держится, а иногда и преуспѣваетъ. Для конституціи нуженъ общественный *слой*, который былъ бы способенъ самъ выдвигать изъ себя «представителей» политически зрѣлыхъ. Возвѣщеніе 17 октября конституціи предполагало, что подобная среда въ Россіи имѣлась.

Наша «интеллигентская общественность» была убѣждена, что *весь* народъ на это уже способенъ и требовала 4-хвостки. Это убѣжденіе доказывало не политическую зрѣлость народа, а только наивность и иллюзіи этой общественности. Но когда конституцію признали и стали отстаивать не теоретики, а серьезные государственные люди, какъ

Витте, а позднѣе Столыпинъ, то это лишь потому, что они видѣли въ Россіи разумный общественный слой, съ которымъ Самодержавная Монархія можетъ безъ опасности для государства раздѣлить свою власть.

Въ ихъ глазахъ такимъ слоемъ было *русское земство.* Это издавна было мнѣніемъ передовой бюрократіи, начиная съ Лорисъ Меликова и кончая Святополкъ-Мирскимъ. Оно совершенно естественно. У земства былъ хотя бы ограниченный опытъ практическаго управленія государственнымъ дѣломъ; земство представляло почти все населеніе. Конечно, части населенія были представлены въ немъ не пропорціонально ихъ удѣльному вѣсу; были обижены крестьяне, промышленный капиталъ, еще болѣе интеллигенція, не говоря уже о томъ, что большая часть Россіи земства еще не знала. Но все это можно было исправлять постепенно.

Жизнь уже давно исправила многія несправедливости Земскаго Положенія. Какой реваншъ брала себѣ интеллигенція въ роли третьяго элемента! Не имѣя на выборахъ голоса, этотъ третій элементъ только потому, что практически работалъ и дѣло дѣйствительно зналъ, сталъ вдохновлять всю земскую дѣятельность. А земская работа въ свою очередь воспитывала этотъ третій элементъ въ болѣе трезвомъ пониманіи того, что нужно и главное можно. Потому избирательный законъ въ Государственную Думу могъ быть построенъ на земской основѣ со всѣми тѣми измѣненіями, на которыя указывалъ опытъ.

Витте послѣдовалъ очень старой традиціи, когда опору для конституціи сталъ искать въ *земствѣ.* Это не было противорѣчіемъ его знаменитой земской запискѣ; онъ только логически завершилъ ея мысль. Пока онъ надѣялся сохранить Самодержавіе, онъ не хотѣлъ развитія земства. Когда же Самодержавіе себя упразднило, будущая конституція естественно должна была вырости изъ *земства.* Витте допустилъ только одну основную ошибку. Онъ принялъ за Земство Земскіе Съѣзды.

Это было ошибкой простительной. Бюрократія была такъ далеко отъ нашей общественности, что въ ней не различала оттѣнковъ, какъ общественность не умѣла видѣть ихъ въ средѣ бюрократіи. А главное, сама общественность разобралась въ этомъ только гораздо позднѣе.

Я въ прошлыхъ главахъ указывалъ происхожденіе и исторію Земскихъ Съѣздовъ.

Сейчасъ меня интересуетъ другой вопросъ; въ какой мѣрѣ съѣзды выражали политическое настроеніе земства?

Съ теченіемъ времени ихъ соотношеніе измѣнилось. Первый Съѣздъ 1904 г. близко подходилъ къ общему настроенію земства, по крайней мѣрѣ передовой его части. Онъ схватывалъ фронтъ отъ Шипова до Петрункевича; объединившись на необходимости «представительства», онъ объединился и на отрицаніи Революціи, т. е. Учредительнаго Собранія. На этомъ съѣздѣ раскола не произошло потому, что всѣ дорожили земскимъ единствомъ, что на немъ была принята *земская* линія. Потому этотъ съѣздъ принціпіальныхъ возраженій со стороны другихъ земскихъ группъ не встрѣтилъ. Даже тѣ земцы, которые за Съѣздомъ не пошли, какъ напримѣръ группа Самарина, которую Шиповъ тщетно звалъ за собой, противъ Съѣзда борьбы не повела. Она осталась лишь въ сторонѣ. Но это продолжалось недолго.

Послѣ второго февральскаго Съѣзда земскіе руководители получили формальное право считать Съѣзды дѣйствительнымъ представителемъ *всего русскаго* земства, а между тѣмъ именно тогда начинался расколъ. Интеллигентская общественность сначала на банкетной, а потомъ на «союзной» кампаніи стала выкидывать болѣе лѣвые лозунги, 4-хвостку и Учредительное Собраніе; подъ вліяніемъ ихъ усилилось полѣвѣніе съѣздовъ. Въ результатѣ тѣ, кто въ ноябрѣ 1904 г. были только меньшинствомъ Земскаго Съѣзда, на 3-мъ Съѣздѣ въ апрѣлѣ отъ него совсѣмъ откололись. А въ іюлѣ 1905 г. «земцы конституціоналисты» фор-

мально слились съ Союзомъ Союзовъ. А полѣвѣніе Съѣздовъ заставляло самыя земства «правѣть». Такъ они шли въ разныя стороны и расходились все больше.

Въ полной мѣрѣ это обнаружилось гораздо позднѣе. Переворотъ 3 іюня 1907 г. былъ ставкой Столыпина на рядовое русское земство. Настолько къ этому времени измѣнилась его физіономія! Во время войны Земскій Союзъ, наслѣдникъ Земскихъ Съѣздовъ, самъ уже боялся земскихъ собраній. Попытки правительства сноситься съ губернскими земствами безъ посредства Союза разсматривались какъ покушеніе взбунтовать земства противъ его представительства. У меня былъ личный опытъ этой боязни. Въ 1916 г. прогрессивный блокъ Думы рѣшилъ легализовать Городской и Земскій Союзъ. Было конечно ненормально, что учрежденія тратившія сотни милліоновъ государственныхъ денегъ не были никѣмъ легализованы и составляли государство въ государствѣ. Мнѣ былъ порученъ докладъ о легализаціи Земскаго Союза. Помню, какъ кн. Львовъ и Д. М. Щепкинъ настаивали передо мною, чтобы былъ легализованъ не только порядокъ, но и выбранный на частномъ собраніи *Главный Комитетъ* Земскаго Съѣзда. Тщетно я указывалъ имъ, что это было бы юридическимъ уродствомъ, что организацію нужно поставить на какихъ-то «принципіальныхъ общихъ началахъ», что нельзя «навязывать» *данный* составъ Комитета. Они признавались, что допустить новые выборы значило бы разрушить все дѣло. Революція избавила насъ отъ публичнаго обсужденія этой странной претензіи.

Въ 1905 году расхожденіе такъ рѣзко быть не могло, но принимать Съѣздъ за Земство было все-таки опасной ошибкой. Этому были самыя непреложныя доказательства. Такъ въ своей книгѣ о прекрасномъ русскомъ человѣкѣ, попавшемъ къ несчастью на неподходящее для него амплуа, о кн. Г. Львовѣ, Т. И. Полнеръ передаетъ, что послѣ 17 октября Тульское земство послало адресъ Государю съ благодарностью за Манифестъ и одновременно депутацію къ

Витте съ обѣщаніемъ ему земской поддержки. На земскомъ собраніи это постановленіе было принято *единогласно*. Вотъ значитъ каково было настроеніе земскихъ собраній. А между тѣмъ на Земскомъ Съѣздѣ въ Москвѣ Тульское земство было представлено княземъ Львовымъ, т. е. членомъ той самой делегаціи, которая ѣздила ставить Витте свой ультиматумъ. Какъ въ этихъ условіяхъ могъ кн. Львовъ представлять собою Тульское земство? Оно его никогда не выбирало; но онъ оказался представителемъ его по желанію своихъ *единомышленниковъ*. Витте не зналъ этихъ подробностей. А такіе курьезы, какъ Львовскій, были не единичны; когда они обнаруживались, они никого не смущали; либеральное направленіе признавало за собой монополію представлять нашу общественность.

Съѣздъ собрался 7 ноября, въ годовщину перваго Съѣзда состоявшагося — странно было это представить — только за годъ до этого. Былъ ли выборъ этой даты случайностью или организаторы не могли побороть въ себѣ соблазна подстроить это совпаденіе для эффекта, — не имѣетъ значенія. Это былъ послѣдній съѣздъ русскаго либеральнаго земства, похороны его политической роли. Онъ и блеснулъ «прощальной красой». Съѣздъ былъ выше средняго русскаго земства, былъ его отборной элитой. Россія не знавала болѣе блестящаго собранія; оно сдѣлалось откровеніемъ и для нея самой и для Европы. Въ съѣздѣ русское общество само собой любовалось. Казалось, что Россія созрѣла для конституціи, если у нея могъ оказаться *подобный* парламентъ. Съѣздъ былъ сюрпризомъ и для Европы, которая тогда «открывала» Россію, какъ продолжаетъ открывать ее и по днесь. Ф. Ф. Кокошкинъ разсказывалъ мнѣ, какъ земцы поразили корреспондентовъ Европы, какія похвалы они имъ разсыпали. Это понятно; внѣшняго блеска было больше, чѣмъ нужно. Я по-прежнему сидѣлъ за столикомъ, гдѣ велся отчетъ засѣданія, и могъ наблюдать все очень близко. Для тѣхъ, кто сущность государственной жизни ви-

дѣлъ въ парламентѣ, въ рѣчахъ, въ искусствѣ парламентской техники. Земскій Съѣздъ оказался на высотѣ положенія. Онъ былъ парламентомъ перваго сорта. Русская общественность какъ бы выдержала публично экзаменъ. С. А. Муромцевъ, предсѣдатель Божьей милостью, въ предсѣдательствованіи нашелъ свое подлинное призваніе, и былъ общимъ голосомъ послѣ перваго опыта намѣченъ предсѣдателемъ будущей Государственной Думы. Ф. Родичевъ съ его даромъ зажигать даже холодныя сердца пафосомъ благородныхъ идей; Ф. Врублевскій, рѣчи котораго независимо отъ содержанія слушались, какъ великолѣпная музыка въ изумительномъ исполненіи. Ф. Кокошкинъ, который не могъ произносить половины буквъ алфавита, съ крикливымъ акцентомъ, съ смѣшными усами à la Вильгельмъ II и который немедленно захватывалъ всѣхъ мастерствомъ аргументаціи, дѣлая ясными самые сложные вопросы. Да и они ли одни? Все это сливалось въ картину такого таланта и блеска, что съ такимъ парламентомъ Россія казалось могла спать спокойно.

Но ни прессѣ, ни публикѣ, ни самому Земскому Съѣзду не хватало пониманія настоящей задачи момента. Она была не въ устройствѣ показного парламента. Задача была труднѣе и глубже. Культурная общественность была только поверхностнымъ слоемъ. Русскій народъ могъ быть великолѣпнымъ матерьяломъ въ умѣлыхъ рукахъ; предоставленный самому себѣ и своему вдохновенію, онъ могъ показать себя дикаремъ. Программа передовой общественности, т. е. превращеніе Россіи въ правовую страну была для государства спасительной. Но народъ ея еще не понималъ; его надо было для этого воспитывать и даже перевоспитывать. Самодержавіе довело страну до общаго недовольства и взрыва. Тѣмъ болѣе въ этотъ моментъ нельзя было оставить народъ безъ руководства и преклоняться передъ его стихійною волею. Задача момента была тогда именно въ томъ, чтобы при переходѣ Россіи на новыя рельсы не допустить побѣды антигосударственныхъ силъ, которыя революціонная дема-

гогія хотѣла использовать для торжества Революціи. Не общественность создала эти силы, но она должна была помочь съ ними справиться. Безъ ея помощи побѣда надъ ними была бы побѣдой «чистой реакціи». Но чтобы ихъ одолѣть, было нужно не продолжать борьбу съ властью до полной побѣды, а скорѣе заключить соглашеніе съ ней. Этого общественность не понимала. При страшныхъ событіяхъ 1905 года она обнаружила ту дѣтскую радость, которую показываетъ ребенокъ при видѣ начавшагося въ домѣ пожара. Только непониманіемъ трудностей, которыя обществу предстояли, можно было объяснить безудержную радость общественности въ 1905 и 1917 годахъ, похожую на радость тѣхъ, кто въ 1914 г. привѣтствовалъ европейскую катастрофу. Это легкомысліе сдѣлало, что работа и забота земскаго съѣзда пошли мимо главной задачи: приведенія Россіи въ порядокъ. Земцы подъ прежнимъ политическимъ руководствомъ «продолжали войну» съ ослабѣвшей исторической властью и радостно рубили сукъ, на которомъ сидѣли.

«Руководящая политическая группа» уже поставила съѣздъ передъ совершившимся фактомъ, благодаря отвѣту Земской делегаціи на приглашеніе Витте. Не всѣ однако были довольны этимъ отвѣтомъ. Отголоски неудовольствія сказались и въ докладѣ Кокошкина. Въ сотый разъ повторяя разсказъ о поѣздкѣ, онъ на этотъ разъ счелъ нужнымъ опровергнуть «слухъ», будто земцамъ тогда «предлагали портфели». Въ опроверженіи была доля неискренности. Позиція земцевъ конечно сдѣлала невозможнымъ предложеніе имъ портфелей. Но самъ Кокошкинъ всѣмъ разсказывалъ съ гордостью, что полученіе портфелей тогда зависѣло только отъ нихъ; но на съѣздѣ онъ уже не хотѣлъ подчеркивать нетерпимости делегаціи и всю вину за разрывъ старался возложить на правительство. При настроеніи Земскаго Съѣзда ему нечего было стараться; нельзя было ждать, чтобъ съѣздъ рѣшился свое бюро дезавуировать.

Благодаря делегаціи моментъ для участія въ министер-

ствѣ былъ земствомъ пропущенъ. Ко времени съѣзда уже образовалось другое правительство. Ставился новый вопросъ: какъ къ *нему* отнесется русское земство?

Для общественныхъ дѣятелей положеніе стало труднѣе, чѣмъ было раньше. Прошло три недѣли. Безпорядки въ странѣ увеличились. Пробѣжала отвѣтная волна безтактностей и произвола администраторовъ. Перспективы конституціоннаго строя зависѣли болѣе всего отъ того, сумѣетъ ли понять наиболѣе зрѣлая часть русскаго общества, что должно защищать не только конституціонный порядокъ противъ реставраціонныхъ желаній, но и законныя права обывателей противъ революціонныхъ насилій? Что когда власть *такъ* поступаетъ, она имѣетъ право разсчитывать на моральную поддержку русскаго общества.

Съѣздъ показалъ, что въ этомъ смыслѣ на его большинство разсчитывать было нельзя. Предложеніе о поддержкѣ правительства было внесено отъ «меньшинства» съѣда (Стаховичъ, Волконскій). Защищалъ его на съѣздѣ М. А. Стаховичъ, привлекательная и обаятельная фигура этого времени, грѣшившій какъ почти всѣ легкомысленнымъ оптимизмомъ, но не отсутствіемъ государственнаго пониманія. Стаховичъ доказывалъ, что революціонныя волненія непремѣнно приведутъ Россію къ анархіи, если имъ не противопоставить «конституціонный порядокъ»; для этого необходимо какъ можно скорѣе созвать Думу. М. Стаховичъ, какъ и Шиповъ, былъ самъ славянофилъ, но съ конституціей помирился и въ ней искалъ спасенія противъ разложенія государства. Но, говорилъ онъ, пока конституція еще не обнародована, и Дума не созвана, необходимо всѣми мѣрами защищать порядокъ отъ революціонныхъ атакъ. Въ этой элементарной задачѣ земцы должны государственную власть поддержать. Такое заявленіе со стороны цѣлаго Земскаго Съѣзда дало бы Витте нужную ему опору въ глазахъ Государя и показала бы оторопѣвшимъ верхамъ и перепуганнымъ обывателямъ, что въ Россіи *есть* основа для конституу-

ціоннаго строя. Только такой позиціей можно было защищать конституціонную власть отъ обходовъ справа, которые старались убѣдить Государя, что порядокъ держится на одномъ *Самодержавіи*. И только оказавъ Витте *эту поддержку*, можно бы было поставить ему политическія *условія* и искать почву для соглашенія. Только *такъ* можно было тогда служить конституціи.

Но Съѣздъ, упоенный побѣдой, не помышлялъ объ укрѣпленіи власти. Предложеніе меньшинства онъ отвергъ. Онъ принялъ другую резолюцію, въ которой изложилъ *свое* пониманіе задачи момента. Онъ заявилъ, что «правительство можетъ разсчитывать на поддержку земскихъ дѣятелей только постольку, поскольку оно *будетъ проводить конституціонныя начала Манифеста правильно и послѣдовательно*».

Здѣсь впервые появляется позднѣйшій знакомецъ. Либеральные дѣятели, ставши властью въ 1917 г., излили много негодованія на знаменитую формулу «революціонной демократіи» — «постольку-поскольку». Они были правы. Обѣщаніе поддерживать власть только поскольку она «революцію углубляетъ», не было вовсе «поддержкой». Но тѣ, кто этимъ въ 1917 г. возмущались, забыли, что *эту* формулу изобрѣли они сами. Они соглашались поддерживать власть только поскольку она будетъ «проводить конституцію». Дѣло правительства не только въ томъ, чтобы «углублять Революцію» или «проводить конституцію». Власть, поскольку она — дѣйствительно *власть*, обязана ограждать тѣ права гражданъ, которыя она считаетъ *законными*. Этого отъ нея *прежде всего* имѣетъ право требовать обыватель стремящійся къ порядку и миру. Съѣздъ могъ объявить войну правительству Витте. Но говорить объ условной *поддержкѣ* «поскольку-постольку», значило не понимать положенія и долга власти. Это значило оставаться публицистами, которые могутъ писать только о томъ, о чемъ имъ хочется, сводить весь интересъ къ выбранному ими вопросу, предоставляя

обо всѣхъ остальныхъ заботиться власти. Долгая безотвѣтственность оппозиціи подсказала ей эту злополучную формулу.

Но какіе пріемы Съѣздъ совѣтовалъ власти? Здѣсь сказывалось политическое младенчество Съѣзда. Резолюція объявляла, что «для укрѣпленія авторитета власти *единственнымъ средствомъ* является *немедленное* изданіе акта о примѣненіи къ созыву народнаго представительства всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ и формальная передача первому народному представительству учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи Россійской Имперіи».

Вотъ формула, которую послѣ долгихъ преній и споровъ высидѣло бюро Земскаго Съѣзда . Съѣздъ на этотъ разъ впервые рѣшился отрицать право Монарха «октроировать конституцію». Онъ не удовлетворилъ этимъ сторонниковъ «неограниченнаго народоправства», вѣрившихъ, что Учредительное Собраніе «есть единственный теоретически правильный путь созданія конституціи», что оно «аксіома передовой русской общественности». Либерализмъ, стоявшій за конституціонную Монархію, а не Республику, уже несъ послѣдствія своей близости къ Революціи. Въ монархической странѣ, гдѣ конституція была обѣщана Манифестомъ Самодержавнаго Государя, упоминаніе объ «*утвержденіи*» ея Государемъ было сочтено чуть не измѣной. Поднялась буря негодованія на оппортунизмъ, нерѣшительность, капитуляцію съѣзда. Отголоски этой старой бури и посейчасъ не прошли; ихъ можно найти въ интересной книгѣ М. В. Вишняка объ Учредительномъ Собраніи (стр. 56).

Этой новой формулой Съѣздъ не могъ удержать своихъ лѣвыхъ союзниковъ отъ дальнѣйшаго наступленія. Но этого мало; даже безъ агрессивности Ахеронта и его вожаковъ, земскій рецептъ самъ становился источникомъ потрясеній въ странѣ. «Октроированной» конституціи Съѣздъ не допускалъ. Значитъ первое представи-

тельное собраніе должно было быть созвано *до* конституціи, до опредѣленія правъ *этого самаго собранія*. Опредѣленіе ихъ должно было быть впослѣдствіи сдѣлано *имъ самимъ* «съ утвержденія Государя». Но тогда возникали два связанныхъ между собой вопроса. Во-первыхъ, на чемъ же могли быть въ этомъ случаѣ основаны полномочія этого перваго собранія? На это 27 апрѣля 1906 г. отвѣтилъ С. А. Муромцевъ въ своемъ привѣтствіи Думѣ, притомъ послѣ того, какъ конституція была октроирована. Онъ въ своей рѣчи настаивалъ не на соблюденіи конституціи, а на «полномъ осуществленіи правъ, вытекающихъ изъ самой *природы* народнаго представительства». При наличіи октроированной конституціи фраза Муромцева, эффектная и покрытая аплодисментами, *могла не быть опасна. Осуществленія всѣхъ правъ, вытекающихъ изъ самой природы народнаго представительства*, можно было добиваться въ рамкахъ «октроированной конституціи». Но что бы было, если бы собраніе было созвано «безъ конституціи», какъ это предлагалъ Земскій Съѣздъ? Народное представительство въ этихъ условіяхъ имѣло бы право считать себя единственнымъ выраженіемъ народнаго суверенитета, «волей народа». Оно тогда дѣйствительно стояло бы выше закона, черпало бы свои полномочія не изъ закона, а изъ «природы вещей». А если это такъ, то во-вторыхъ, что значили слова объ «утвержденіи конституціи Государемъ»? Какъ быть, въ случаѣ несогласія представительнаго Собранія и Монарха? Если монархъ, по мнѣнію Съѣзда, не имѣлъ права *октроировать* конституцію, на чемъ могло быть основано его право не соглашаться съ уже выраженной «волей народа»? Какой выходъ былъ бы изъ конфликта двухъ принциповъ? Только состязаніе фактическихъ силъ. Или бы Монархъ оказался сильнѣе и представительство было бы уничтожено; или бы сила была у представительства и произошло бы то, что въ аналогичномъ случаѣ было во Франціи въ 1789 году. Формула Съѣзда вела прямой дорогой къ конфликту; она его

только отстрочивала, оставляя Государю шансъ его избѣжать полной уступкой желаніямъ представительства. Эта формула только по внѣшности казалась болѣе лоіяльной, чѣмъ формула делегаціи; по существу она была отрицаніемъ права Государя самому установить конституціонный порядокъ, которому онъ отдавалъ свою прежнюю неограниченную власть. Вотъ что значила формула, которую по иронiи судьбы предлагалъ отъ бюро Милюковъ, который недавно совѣтовалъ Витте *октроировать* конституцію, не смущаясь тѣмъ, что его будутъ за это бранить.

Таковы перспективы, которыя Съѣздъ готовилъ на будущее. Зато *въ настоящемъ* послѣдствіемъ его совѣта могло быть только одно: авторитетъ монархической власти, на которомъ пока еще держалась Россія, былъ бы подорванъ совсѣмъ. Правительство, которое бы хотѣло дѣйствовать ея именемъ, имѣло бы видъ самозванца, который говоритъ именемъ лица *несуществующаго*. Революціонеры этимъ были бы приглашены торопиться занимать всѣ позиціи, не дожидаясь пока кадеты «предадутъ» Революцію. 17 октября принесло бы въ этомъ случаѣ именно Революцію, а не конституціонную монархію.

Такъ на съѣздѣ разрѣшился давнишній скрытый конфликтъ между земской и интеллигентской идеологіей. Земцы, привыкшіе работать въ рамкахъ закона, установленныхъ исторической властью, хотѣли установленія конституціоннаго строя, но добивались этого въ порядкѣ реформы, а не въ порядкѣ низверженія власти и подчиненія Учредительному Собранію. Они оставались такими даже на іюльскомъ Съѣздѣ, уже послѣ раскола. Ихъ проектъ конституціи, хотя и построенный на парламентаризмѣ, на 4-хвосткѣ, на полномъ народовластіи, въ отличіе отъ «освобожденскаго проекта» объ Учредительномъ Собраніи *не* упоминалъ. А въ средѣ «интеллигенціи» Учредительное Собраніе становилось какой-то мистической идеей и росла непонятная увѣренность, будто весь народъ его добивается. Съ этой вѣрой,

надъ которой жизнь такъ насмѣялась, интеллигентъ пошелъ въ Учредительное Собраніе въ 1917 году. Этого опыта оказалось однако для него недостаточно и онъ продолжалъ вѣрить въ него и въ Сибири и даже позже въ Парижѣ.

На ноябрьскомъ Съѣздѣ произошелъ по формѣ компромиссъ между двумя идеологіями, а по существу капитуляція земства передъ интеллигенціей. На *словахъ* земцы какъ будто чего-то добились; вмѣсто Учредительнаго Собранія были «учредительныя функціи Думы» и допускалось даже *утвержденіе Государя*. А по существу, не декретируя Революціи, земцы своей позиціей дѣлали ее неизбѣжной. Это типичный примѣръ тактики «руководящей политической группы». Она побѣдила земскую идеологію и показала, что Съѣздъ не можетъ быть серьезной опорой для власти.

А эта опора была нужна въ интересахъ самой конституціи. Вѣдь долгомъ власти было не только процессомъ конституціоннаго воспитанія насаждать въ народѣ чувство законности, которое стало бы оплотомъ противъ революціоннаго натиска. Пожаръ уже бушевалъ по странѣ. Его было нужно прежде всего потушить. Это банальное сравненіе, но неопровержимое по существу. Что же посовѣтовалъ Съѣздъ, чтобы защитить мирнаго обывателя передъ ошалѣвшей стихіей? Онъ нашелъ, что «въ цѣляхъ успокоенія страны должны быть немедленно, не дожидаясь народнаго представительства, приняты слѣдующія неотложныя мѣры: осуществленіе полностью всѣхъ обѣщанныхъ Манифестомъ свободъ, отмѣна всѣхъ исключительныхъ положеній, амнистія, отмѣна смертной казни, установленіе отвѣтственности *должностныхъ* лицъ въ общемъ порядкѣ, производство при участіи общественныхъ элементовъ спеціальнаго разслѣдованія о погромахъ съ привлеченіемъ къ отвѣтственности администраціи и полиціи».

Вотъ рецептъ Земскаго Съѣзда. Но онъ не былъ отвѣтомъ на вопросъ. Когда шли аграрные погромы, когда «явочнымъ порядкомъ» на фабрикахъ вводился 8-часовый

рабочій день, когда для борьбы съ произволомъ администраціи боевыя дружины «снимали» городовыхъ, — бороться съ этимъ нельзя было только амнистіей и свободами. Но необходимо было, чтобъ дѣйствія власти противъ Революціи были бы принимаемы не какъ «реакція», не какъ борьба съ «волей народа», не какъ преступленія, которыя надо разслѣдовать при помощи общественныхъ элементовъ, а какъ прямая обязанность власти. Надо было, чтобы испуганный обыватель не бросился обратно къ Самодержавію, чтобы онъ увидѣлъ, что «конституція» не анархія и не Революція, не торжество самоуправства, а господство закона и права. Моральная поддержка земскаго съѣзда была необходима, чтобы сбитые съ толку люди увидѣли, что порядокъ защищается во имя *новаго* строя, и что когда власть его охраняетъ, то разумная общественность съ *нею*. Это былъ бы лучшій способъ не только содѣйствовать успокоенію общества, но и вербовать для «конституціи» новыхъ сторонниковъ.

Но для этого было необходимо, чтобы общественность перестала чувствовать себя въ *прежней войнѣ* съ властью, думала бы объ *общихъ съ нею* задачахъ, а не только о ея «добиваніи». Я оставляю въ сторонѣ трагическій вопросъ, могло ли бы такое отношеніе общественности привести къ спасительнымъ результатамъ. Черезъ 12 лѣтъ я усумнился въ этомъ въ статьѣ о шоффферѣ, которая тогда на себя обратила вниманіе. Но въ 1905 году положеніе было не то. Власть сдѣлала уступку, пошла на конституцію; только настроеніе общества было не тѣмъ, чѣмъ оно было въ эпоху «прогрессивнаго блока». *Оно* сорвало ту комбинацію, которая могла бы поставить Россію на прочныя рельсы — примиренія исторической власти съ либеральной общественностью. Общественность можетъ утѣшать себя увѣреніемъ, что и иное ея поведеніе *все равно* ни къ чему бы привести не могло. Это возможно, хотя реакція Витте-Дурново показала, какъ неглубоки были революціонныя настроенія и что справиться съ ними было возможно. Но какъ бы то ни было,

своимъ отношеніемъ съѣздъ упустилъ случай примиренія власти и либеральнаго общества, и поставилъ дилемму: «Революція» или «реакція».

Соглашенія съ властью тогда не хотѣли. Власть была прежнимъ врагомъ, противъ котораго все было позволено, какъ въ «настоящей» войнѣ. Если бы наивные люди вообразили, напр., что требуя отвѣтственности администраторовъ за допущеніе погромовъ, Съѣздъ имѣлъ въ виду *всякіе* погромы, подобныя иллюзіи были скоро разсѣяны. Тогда громили всѣхъ, не только интеллигенцію или евреевъ, но и помѣщиковъ. Но земскій Съѣздъ заступался совсѣмъ *не за* всѣхъ, Е. В. де Роберти предложилъ не распространять амнистіи на преступленія связанныя съ насиліями надъ дѣтьми и женщинами. А Колюбакинъ въ этомъ усмотрѣлъ «чисто классовый характеръ» проявляющагося на съѣздѣ теченія. Этого возраженія оказалось достаточно. Е. де Роберти поторопился его успокоить: «я вовсе не думалъ, сказалъ онъ, о дворянскихъ усадьбахъ; нашимъ усадьбамъ угрожаетъ ничтожная опасность; если сгорѣло 5-20 усадебъ, то это никакого значенія не имѣетъ. Я имѣю въ виду массу усадебъ и домовъ еврейскихъ, сожженныхъ и разграбленныхъ черною сотнею». Вотъ военная линія, которую выдерживалъ съѣздъ.

На съѣздѣ впервые поднялся вопросъ объ «осужденіи террора», которому пришлось позднѣе играть роль и въ I-ой, и во 2-ой и даже въ въ 3-ей Государственной Думѣ. Рѣчь шла объ отмѣнѣ смертной казни. Съѣздъ единогласно за это вотировалъ. Но А. И. Гучковъ предложилъ заявить единовременно, что «съѣздъ осуждаетъ насилія и убійства, какъ средство политической борьбы». Съѣздъ отклонилъ предложеніе. С. А. Муромцевъ, какъ предсѣдатель, чтобы спасти положеніе, хотѣлъ выставить формальный отводъ. Онъ объявилъ, что предложеніе Гучкова «выходитъ за предѣлы компетенціи Съѣзда»! Съѣздъ разсматриваетъ вопросъ о правительствѣ, а Гучковъ говоритъ о томъ, что отъ правительства

не исходитъ. Это странное возраженіе никого обмануть не могло. Дѣло было не въ этомъ. Съѣздъ просто занялъ позицію воюющей стороны; на *власть* обрушился, а о насиліяхъ *Революціи* промолчалъ. Съ точки зрѣнія моральной разница между террористомъ и палачемъ конечно громадна. Но на Съѣздѣ ставился вопросъ не о морали, а о террорѣ, какъ «средствѣ борьбы». Съѣздъ *отказался* его осудить. Онъ попрежнему считалъ себя союзникомъ всякаго врага власти, кто бы онъ ни былъ.

Военная психологія сказывалась во всѣхъ мелочахъ. Въ началѣ съѣзда произошелъ слѣдующій эпизодъ. Кіевскій городской голова, черезъ московскаго градоначальника телеграфировалъ съѣзду, что гласные кіевской Думы, которые на съѣздѣ присутствуютъ, не имѣютъ на то полномочій отъ Думы, и что она дѣятельности съѣзда не сочувствуетъ. Такое отреченіе отъ своихъ представителей было въ то время не единичнымъ. Но ни Съѣздъ, ни сами кіевскіе депутаты не сконфузились. Докладывавшій телеграмму П. Д. Долгорукій выразилъ удивленіе, что городской голова обратился къ съѣзду черезъ градоначальника. Казалось бы, что же изъ этого? У Съѣзда своего помѣщенія не было, собирался онъ на частныхъ квартирахъ, которыхъ кіевскій голова имѣлъ право не знать. Онъ естественно прибѣгъ къ посредничеству мѣстныхъ властей. Но какъ реагировалъ Съѣздъ на главное, на обнаруженную передъ нимъ фальсификацію представительства? Съѣздъ возмутился, но не противъ самозванцевъ, а противъ кіевскаго городского головы. Поднялись негодующіе возгласы. Помню генеральскую интонацію сидѣвшаго въ первомъ ряду Кузьмина-Караваева «кто смѣетъ посылать такія телеграммы?» Отчетъ отмѣчаетъ *) предложенія, которыя дѣлались съѣзду по адресу городского головы: «выразить негодованіе», «отнестись съ презрѣніемъ» и т. д. Чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить эту реакцію съѣзда, поучительно сопоставить съ ней другой эпизодъ. На съѣздъ явилась депутація отъ комитета соціалъ-демокра-

*) Цитирую вездѣ отчетъ «Права».

тической партіи для передачи съѣзду постановленій партіи. Въ немъ говорилось, что «единственный выходъ изъ положенія», есть «низверженіе правительства путемъ вооруженнаго возстанія и созыва Учредительнаго Собранія для установленія демократической республики; что попытки съѣзда вступить въ переговоры съ правительствомъ признаются комитетомъ за постыдный шагъ, за сдѣлку буржуазіи съ правительствомъ за счетъ правъ народа». Эта выходка противъ съѣзда со стороны комитета, къ съѣзду отношенія не имѣвшаго, была съѣзду доложена и не вызвала ни негодованія, ни окрика, ни возмущенія. Съѣздъ возмутился противъ кіевлянъ, потому что кіевская Дума была правѣе его; онъ не замѣтилъ обиды, когда ее нанесли ему лѣвые. Такова была политическая линія съѣзда.

Конечно не все русское земство было таково. Съѣздъ превышалъ его талантами, блескомъ и выдержанностью «политической линіи»; но у земства былъ тотъ здравый смыслъ, который не позволилъ ему вѣрить, что капитуляція передъ анархіей и погромами есть «единственный» способъ успокоить страну. *Но земство* не имѣло организаціи; его «представлялъ» только съѣздъ. Попытки земскихъ собраній поднять свой голосъ, протестовать противъ самозваннаго представительства, — мы это видѣли на примѣрѣ тульскаго земства и кіевской Думы, — встрѣчали негодованіе руководителей политической группы, въ рукахъ которыхъ были и съѣздъ и либеральная пресса. Въ результатѣ конечно усилился отходъ земской среды отъ тѣхъ политическихъ руководителей, которые ея именемъ говорили. Эта среда по закону «отталкиванія» пошла *больше* вправо, чѣмъ нужно, стала позднѣе сливаться съ чистой реакціей. На ноябрьскомъ съѣздѣ этого еще не было видно. На немъ образовалась только «оппозиція», земское меньшинство, иногда встрѣчаемое хохотомъ и оскорбленіями, но которое спасало репутацію съѣзда. Идеологія меньшинства не была чужда и отдѣльнымъ представителямъ «руководящей политиче-

ской группы». Такъ А. А. Свѣчинъ, будущій кадетъ, имѣлъ мужество отрицать Учредительное Собраніе, *пока у насъ еще есть законная власть*. Онъ же говорилъ: «къ манифесту 17 октября есть два отношенія: одни хотятъ идти дальше, другіе находятъ, что уже зашли слишкомъ далеко». Онъ предлагалъ съѣзду не дѣлать ни того, ни другого, *а стать на позицію самого Манифеста*. Эта было какъ бы программой будущаго «октябризма»; а Свѣчинъ не только былъ, но до конца *оставался* кадетомъ. Когда при помощи государственнаго переворота 3 іюня октябристы стали большинствомъ въ Государственной Думѣ, они показали своею *оборотную* сторону. Но тогда на съѣздѣ именно октябристское меньшинство защищало начала либерализма. Ноябрьскій съѣздъ, какъ первая Дума, былъ моральнымъ *его* торжествомъ. За нимъ стояли тогда и государственный смыслъ и гражданское мужество. Оно вело идейную борьбу за правое дѣло и нападки, которые сыпались на него со стороны большинства, его не роняли. Въ рѣчахъ меньшинства было тогда правильное пониманіе настоящаго положенія. Большинство этого имъ не прощало, приходило въ то негодованіе, въ которое приводитъ непріятная правда. Лидеромъ этого меньшинства на съѣздѣ былъ А. И. Гучковъ. Это было лучшее время его дѣятельности; онъ тогда спасалъ авторитетъ земской среды. Еще послѣ предыдущаго сентябрьскаго съѣзда ко мнѣ пріѣхалъ М. М. Ковалевскій, давно не жившій въ Россіи, но внимательно за нею слѣдившій. Ковалевскій былъ однимъ изъ людей, которымъ я въ каждый свой пріѣздъ въ Парижъ(а я въ то время аккуратно ѣздилъ три раза въ годъ) систематически разсказывалъ все, что у насъ дѣлалось и о чемъ по газетамъ они знать не могли. Въ сентябрѣ Ковалевскій высказывалъ опасенія передъ *негосударственнымъ* настроеніемъ земскаго съѣзда. Самъ человѣкъ либеральный, европейскаго воспитанія, поклонникъ демократіи и самоуправленія, Ковалевскій не приходилъ въ восторгъ передъ непримиримостью нашихъ политиковъ. «Я

видѣлъ на съѣздѣ, говорилъ онъ мнѣ, только одного государственнаго человѣка, это Гучковъ». Въ ноябрѣ онъ смотрѣлъ еще болѣе мрачно. Я его успокаивалъ: «все можно исправить; первые шаги могутъ быть неудачны». Онъ качалъ головой: «жизнь не даетъ переэкзаменовокъ; съ вами и съ вашими единомышленниками теперь покончено и надолго. Къ вамъ больше обращаться не станутъ. Сейчасъ поневолѣ будутъ искать опоры въ болѣе правыхъ кругахъ, въ людяхъ типа В. Бобринскаго, вы же останетесь оппозиціей. Это тоже нужно, но въ условіяхъ момента вы могли и должны были сдѣлать *гораздо больше* и не сумѣли».

Эти предсказанія оправдались. На руководителей земскихъ съѣздовъ и вообще на земскую среду Витте больше ставки не ставилъ. Земскій съѣздъ показалъ, что отъ общественности ему ждать больше нечего и онъ повернулъ рѣзко направо. Съѣздъ ему выбора не оставилъ. Витте долженъ былъ или идти съ Революціей или опереться не на либеральное общество, которое его поддерживать не хотѣло, а на «реакцію». Онъ такъ и сдѣлалъ. Онъ передалъ фактическую власть П. Н. Дурново. Но какъ бы прощаясь съ красивой мечтой, Витте послалъ И. И. Петрункевичу неожиданную для всѣхъ телеграмму. Она начиналась съ того, что постановленія съѣзда были бы иныя, если бы съѣздъ зналъ, что произошло въ Севастополѣ (тамъ былъ военный бунтъ). Тогда, по его словамъ, съѣздъ понялъ бы необходимость поддержать власть въ борьбѣ съ революціей. Телеграмма кончалась словами: «обращаюсь къ вамъ потому, что вѣрю въ вашъ патріотизмъ». Витте едва ли былъ правъ. Севастопольскій бунтъ ничего бы не перемѣнилъ. Съѣздъ по-прежнему сталъ бы увѣрять, что единственный выходъ покончить съ этой анархіей — это съ ней не бороться. Севастопольскій бунтъ его только бы укрѣпилъ на этой позиціи. Но телеграмма Витте произвела впечатлѣніе. Помню разговоры о ней на частныхъ совѣщаніяхъ; на одномъ изъ нихъ я случайно присутствовалъ. Одни увидѣли въ теле-

граммѣ новое доказательство слабости власти, которую было необходимо противъ нея тотчасъ же использовать. Другіе устыдились своей предвзятости и хотѣли возобновить переговоры съ правительствомъ. Большинство членовъ бюро стало склоняться къ мысли, что неполитично такую телеграмму оставить безъ отвѣта. Они инстинктивно почувствовали, что съѣздъ зашелъ слишкомъ далеко и предлагали послать депутацію къ Витте, чтобы на словахъ исправить то, что было слишкомъ рѣзко въ принятыхъ резолюціяхъ. Милюковъ возражалъ. О телеграммѣ всѣ знали. По газетной нескромности она была напечатана. Но о ней не говорили на съѣздѣ. Она была частной перепиской Витте съ Петрункевичемъ. Милюковъ тактикѣ молчанія не послѣдовалъ. Предложеніе бюро о посылкѣ депутаціи къ Витте онъ публично объяснилъ «слухами о сношеніяхъ графа Витте съ нѣкоторыми членами съѣзда. Если бы, говорилъ онъ, Витте хотѣлъ снестись со съѣздомъ, то онъ бы прямо обратился къ нему». Петрункевичъ долженъ былъ объяснить происхожденіе телеграммы, чтобы снять съ себя подозрѣніе въ частныхъ сношеніяхъ съ Витте. Онъ признался, что получилъ телеграмму, «хотя въ частныхъ сношеніяхъ съ Витте не былъ... Я уже обратился къ графу Витте», докладывалъ онъ, «съ просьбой разрѣшить вопросъ. частная ли это телеграмма ко мнѣ, или обращеніе къ съѣзду»? Вотъ чѣмъ съѣздъ занимался тогда, когда опредѣлялась судьба конституціонной Россіи.

Въ одномъ былъ правъ Милюковъ. Новая депутація была, конечно, излишняя. Снявши голову по волосамъ плакать нечего. Никакія словесныя ухищренія не могли измѣнить несомнѣннаго факта, что Земскій съѣздъ не хотѣлъ быть опорой новой власти, а продолжалъ быть для нея прежнимъ врагомъ. Если бы депутація прибѣгла къ смягченію своихъ резолюцій, она бы уваженія ни къ себѣ, ни къ съѣзду не увеличила. Скрывать правду было нельзя; Витте въ Земскомъ съѣздѣ не нашелъ той либеральной среды,

которая могла бы поддержать его противъ Революціи и противъ реакціи. Въ схваткѣ между исторической властью и Революціей, съѣздъ, въ которомъ ошибочно видѣли тогда общее настроеніе земства, предпочелъ стоять въ сторонѣ. Безъ радости и энтузіазма, съ горечью противъ самодовольной и слѣпой либеральной общественности Витте уступилъ Дурново. Разочарованіе въ либерализмѣ отразилось на дальнѣйшемъ его поведеніи. Слѣды этого разочарованія будутъ неизгладимы въ декабрьскихъ, февральскихъ и апрѣльскихъ совѣщаніяхъ по выработкѣ конституціоннаго строя и избирательнаго закона 11 декабря.

Но депутація къ Витте все же поѣхала; она состояла изъ Петрункевича, Муромцева и снова Кокошкина. Отъ нихъ было приложено письмо къ резолюціямъ съѣзда. Письмо было искусно составлено. Авторы заявляли, что съѣздъ не ищетъ ничего для себя, но не можетъ уступить ничего изъ выставленныхъ имъ условій поддержки; иначе онъ потерялъ бы авторитетъ среди общества. Упомянувъ о томъ, что реакціонныя партіи стали посылать депутаціи и къ Государю и къ Витте, съѣздъ предостерегалъ отъ довѣрія къ нимъ, отъ вовлеченія ими Монарха въ партійную борьбу. Монархъ, какъ національный представитель страны, можетъ имѣть дѣло только со всѣмъ народомъ, голосъ котораго выявляется въ представительствѣ, по четырехвосткѣ. Какъ литературный памятникъ, письмо было прекрасно. Но ни эта литература, ни ссылка на широкое общество, на четырехвостку, какъ истинную выразительницу воли народа, Витте не убѣждали. Съ депутаціей онъ не разговаривалъ; онъ вручилъ ей холодный отвѣтъ. Касаясь условій, поставленныхъ съѣздомъ, онъ внушительно отвѣчалъ, что «правительство озабочено только тѣмъ, чтобы общественность отдавала себѣ отчетъ въ тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводитъ ея нежеланія содѣйствовать власти въ осуществленіи началъ Манифеста и охраны порядка».

Такъ окончился Земскій съѣздъ и вмѣстѣ съ тѣмъ политическая роль русскаго земства. Съѣздъ нанесъ земству

ударъ, отъ котораго оно уже не оправилось. Блестящій, краснорѣчивый, прославленный прессою съѣздъ былъ настоящей политической катастрофой. Онъ показалъ весь свой талантъ, поскольку рѣчь заходила объ обличеніи власти или нашей старой политики. Но онъ не имѣлъ понятія о томъ, что ему надлежало дѣлать, чтобы своей побѣдой надъ Самодержавіемъ воспользоваться въ интересахъ Россіи, а не во славу одной Революціи. Никакое краснорѣчіе этого скрыть не могло. Съѣздъ войну продолжалъ и подсказывалъ правительству Витте рецепты, которые могли только войну разжигать. Увлекаясь самъ своимъ блескомъ, съѣздъ забылъ, что за нимъ стоитъ совершенно иное русское сѣрое земство, а подъ нимъ еще терпѣливый, но недовольный и никому не довѣряющій русскій народъ.

Политическое крушеніе земства особенныхъ сожалѣній не вызвало. Для элементовъ болѣе лѣвыхъ, демократической интеллигенціи, земство вообще было «цензовымъ элементомъ». Оно было воинской частью, которая была уже использована для побѣды и которую теперъ можно было убрать, чтобы она не мѣшала. Они не понимали тогда, что поняли только въ 1917 году, т. е. слишкомъ поздно, что и Монархъ и земскій авторитетъ были Россіи одинаково нужны, чтобы въ моментъ переустройства Россіи предохранить ее отъ обвала. Ф. Ф. Кокошкинъ, торжествуя, разсказывалъ, что земство и не должно играть «политической» роли. Его роль окончена. На сцену должны выступить «партіи». Отъ нихъ зависѣло будущее.

Глава XIX

ОБРАЗОВАНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ВЪ РОССІИ.

«Представительный строй» немыслимъ безъ существованія партій. Безъ *нихъ* выборы — игра каприза и случая. Въ привѣтственной рѣчи на завтракѣ данномъ русскимъ парла-

ментаріямъ въ 908 году Асквитъ сказалъ: «партіи не лучшій и не худшій способъ управлять страной: это единственный (the only one). Онъ былъ правъ; только тамъ, гдѣ стали отрицать свободный представительный строй, какъ въ Совѣтской Россіи, Италія, Германія, появилась модная теорія объ единой, но за то привилегированной партіи.

Это создало для насъ «ложный кругъ». Конституція была, *а политическихъ партій* не существовало. Началось форсированное ихъ сочинительство. Каждую недѣлю появлялись новыя партіи, которыя публику «зазывали». Въ одну зиму было выпущено нѣсколько сборниковъ партійныхъ программъ. Кто ихъ помнитъ теперь? Какъ это ни парадоксально, конституція пришла слишкомъ рано; страна и даже само интеллигентское общество готовы къ ней не были.

Фабричное производство партій показывало, какая была въ нихъ потребность. Но партіи не сочиняются, а создаются въ процессѣ работы. Вездѣ, гдѣ у насъ была общественная работа, возникали и партіи; въ земствахъ, городахъ, университетахъ. Не было лишь *политическихъ партій*, такъ какъ до 1905 года не допускалось «политической» дѣятельности. До 1905 г. существовала подпольная революціонная дѣятельность, и потому въ подпольѣ были революціонныя партіи, направленныя на низверженіе существовавшаго строя.

Нельзя отрицать ихъ права на существованіе и дѣятельность; но не эти партіи были нужны, чтобы конституціонная монархія могла правильно функціонировать.

Въ моментъ объявленія конституціи была одна партія, которая давно добивалась «конституціонной монархіи»; это «кадетская». Ей пришлось сыграть въ русской жизни роль исключительную. На нее пала задача, которую именно она должна была бы исполнить. Отъ ея поведенія зависѣлъ успѣхъ конституціи.

Вспоминая объ этой партіи, я чувствую деликатность своего положенія. Въ указаніяхъ на слабыя стороны своей собственной партіи принято видѣть неблагодарность и даже

предательство. Во время партійной борьбы это понятно. Свою партію нельзя осуждать; въ этомъ состоитъ партійная дисциплина и обязательная «условная ложь».

Но партіи болѣе нѣтъ. Милюковъ имѣетъ право именовать меня «бывшимъ кадетомъ» только потому, что онъ и самъ «бывшій» кадетъ. Если онъ еще недавно подписалъ привѣтствіе «Современнымъ Запискамъ» отъ имени партіи «народной свободы» (а не ея «демократической группы»), то это типографская опечатка; иначе это было бы претенціознымъ: L'Etat c'est moi. Существованіе партіи кончилось, когда въ Парижѣ она *раскололась*. Она теперь только исторія. И я могу говорить о ней съ доступнымъ мнѣ безпристрастіемъ, но и съ полной свободой.

Я на это имѣю тѣмъ большее право, что и раньше часто съ ней расходился. «Для членовъ партіи не было секретомъ, свидѣтельствуетъ тотъ-же Милюковъ въ №41 «Современныхъ Записокъ», что «В. А. Маклаковъ всегда былъ въ партіи при особомъ мнѣніи». (стр. 349) Почему же отъ меня сейчасъ можно требовать, чтобы я объ этомъ молчалъ?

И ошибется тотъ, кто думаетъ, что у меня желаніе сводить съ партіей запоздалые *личные* счеты. Я отъ партіи не отрекался и отъ нея не уходилъ. Она сама, (хотя по словамъ Милюкова, (Совр. Записки, № 57) я къ партіи принадлежалъ только формально, причемъ «эта формальная принадлежность никогда *насъ* въ заблужденіе не вводила»), до конца и безъ всякихъ съ моей стороны домогательствъ выбирала меня членомъ своего Центральнаго Комитета. Я ни въ чемъ ею не былъ обиженъ, и для сведенія *личныхъ* счетовъ у меня просто отсутствуетъ почва.

Частыя разномыслія съ нашими руководителями объяснялись только разницей нашихъ идеологій. Потому ихъ и можетъ быть интересно припомнить въ свѣтѣ позднѣйшаго опыта. Они помогаютъ понять, какія причины давали направленіе политической жизни Россіи.

Если не личные счеты побуждаютъ меня говорить о партій-

ныхъ ошибкахъ, то и не *пристрастіе* заставляетъ выдвигать кадетскую партію на центральное мѣсто. Это историческій *фактъ*. Партія оказалась самой живучей партіей этой эпохи. Ея не уничтожила ни реакція, ни революція. Въ совѣтской Россіи объ ней *одной* до сихъ поръ не забыли. Ея именемъ теперь клеймятъ «контръ-революцію». Но это только показываетъ, что въ теченіе своей жизни она являлась центромъ притяженія для общественныхъ силъ совершенно различныхъ; она не была *искусственной* выдумкой. Причина этого въ томъ, что оффиціально появившись на свѣтъ одновременно съ Манифестомъ, она задолго до него жила утробною жизнью. Сформировалась она на политической *работѣ*, а не на теоретическихъ разсужденіяхъ. Къ моменту ея образованія въ ней уже были кадры людей, связанныхъ совмѣстной дѣятельностью, пріобрѣвшихъ если не въ обывательской толщѣ, то среди интеллигентской элиты извѣстность. Въ этомъ была *сила* партіи.

Но эта сила обратилась противъ нея. Той работой, которая ее объединила и которая положила на партію свой отпечатокъ, было участіе въ «Освободительномъ Движеніи». Партія, которой выпало на долю призваніе установить основы для конституціонной монархіи, получила свое воспитаніе въ безпощадной войнѣ съ исторической монархіей. Отрицательныя черты, которыя невольно накладывало на своихъ участниковъ это движеніе, партія всѣ впитала въ себя. И то, что до 17 октября 1905 года было ея силой, сдѣлалось главной помѣхой для исполненія ея *настоящаго* назначенія.

Эти черты отразились не только на отдѣльныхъ людяхъ; отдѣльному человѣку съ ними справиться легче, особенно если онъ ихъ во время замѣчаетъ и болѣзни не принимаетъ за признакъ здоровья. «Освободительное Движеніе» положило свой отпечатокъ на *всю* партію, какъ таковую, на партійную идеологію, создало партійную атмосферу, которая гораздо устойчивѣе и неподвижнѣе, чѣмъ настроенія *отдѣльныхъ* людей.

Я не могу прослѣдить, когда явилась мысль о созданіи партіи. Но первые шаги къ осуществленію этого были сдѣланы въ іюлѣ 1905 года. Это былъ характерный моментъ. Группа «земцевъ конституціоналистовъ» собралась съ представителями «интеллигенціи» на совмѣстное совѣщаніе. Благодаря Указу 18 февраля интеллигенція выросла въ очень внушительную силу, образовала «Союзъ Союзовъ» и уже претендовала на руководительство общимъ движеніемъ. Предполагалось, что группа земцевъ-конституціоналистовъ войдетъ, какъ часть, въ Союзъ Союзовъ, а потомъ вмѣстѣ съ ними образуетъ и конституціонно-демократическую партію. Это должно было положить конецъ прежней *земской* гегемоніи. Въ цитированной мною статьѣ «Освобожденія» Милюковъ пренебрежительно говорилъ о земскихъ «ошибкахъ и безтактностяхъ», которыя бросили тѣнь даже на «земцевъ-конституціоналистовъ», т. е. «на ту передовую земскую группу, которая начала все политическое движеніе въ земской средѣ». Но если для этой группы публично дѣлалось *исключеніе*, то на самомъ совѣщаніи съ ней не стѣснялись. Между земцами-конституціоналистами и представителями новорожденнаго Союза Союзовъ пререканія и разномыслія достигли такой степени рѣзкости, что Милюковъ отъ имени Союза Союзовъ заявилъ, что послѣ того, что ему пришлось на совѣщаніи выслушать, у него является сомнѣніе не въ томъ, входить или не входить земцамъ въ Союзъ, а не откажется ли самъ Союзъ отъ чести состоять съ земцами въ товарищескихъ отношеніяхъ? И земцы капитулировали. Они вошли въ Союзъ Союзовъ и рѣшили совмѣстно съ нимъ образовать конституціонно-демократическую партію. Такъ эта партія начиналась.

Что могло побудить земцевъ-конституціоналистовъ вступать въ чуждый имъ Союзъ Союзовъ и сливаться съ нимъ въ единую партію? Тѣ-же условія войны съ Самодержавіемъ, которыя въ ту эпоху внушили необходимость «общаго фронта». Въ политикѣ часто соединяются для общей цѣли,

несмотря на всѣ разногласія. Люди объединенные *противъ* кого-то могутъ оказаться неспособными сдѣлать *вмѣстѣ* что-либо *положительное*. Такъ бываетъ и въ парламентскихъ вотумахъ, когда большинство распадается тотчасъ послѣ побѣды, и на выборахъ, гдѣ враги идутъ вмѣстѣ противъ общей опасности. Поскольку партія создавалась въ атмосферѣ войны противъ Самодержавія, поскольку къ этой цѣли она приспосабливала и программу и тактику, постольку объединеніе ея могло быть возможно, но прочнымъ быть не могло.

Идеологи партіи эту особенность ея понимали. Въ томъ же іюлѣ 905 г. появилась въ «Освобожденіи» статья П. Н. Струве подъ громкимъ названіемъ «Рождается нація». Въ ней онъ такими словами привѣтствовалъ мысль о созданіи партіи.

«Рождается нація. Нація... въ смыслѣ народа сознавшаго себя источникомъ права и на этомъ сознаніи утверждающемъ новое политическое бытіе страны. Народъ, сознавшій свои державныя права — только такой народъ и можетъ притязать на имя націи... Но чтобы ускорить и облегчить эти великіе роды, необходимы согласныя усилія всѣхъ тѣхъ, для кого рожденіе партіи дороже и выше всѣхъ классовыхъ интересовъ, существеннѣе всѣхъ соціальныхъ и иныхъ дѣленій. Необходима организованная политическая партія, которая въ этомъ будетъ видѣть въ настоящее время весь смыслъ своего существованія и все содержаніе своей работы... Россіи нужна конституціонно-демократическая партія, нужна какъ орудіе созданія державнаго народа, какъ акушеръ націи».

Въ статьѣ много пафоса, даже риторики; но въ ней характерная и серьезная мысль. При созданіи конституціонно-демократической партіи думали не о созданіи одной изъ необходимыхъ для нормальнаго государственнаго самоуправленія политическихъ партій. Слово «партія» — того же

корня, что «часть» — показываетъ, что въ государствѣ не можетъ быть *одной* партіи; партія есть опредѣленная часть націи, служащая опредѣленнымъ идеямъ или интересамъ въ странѣ. Назначеніемъ партій при конституціонномъ строѣ является формулированіе разнообразныхъ взглядовъ и отысканіе возможныхъ между ними соглашеній. Въ іюлѣ 1905 г. объ этомъ не думали и к.-д. партія не для того создавалась. Новая Россія, какъ *субъектъ самоуправленія* противополагалась Самодержавной Россіи какъ *объекту управленія*. Единственная программа конституціонно-демократической партіи этой эпохи была: «народовластіе» на смѣну «Самодержавія». Народовластіе предполагаетъ разныя, противоположныя партіи; но это считалось дѣломъ будущаго. У к. демократической партіи было другое призваніе; по сравненію Струве — она должна была быть «акушеромъ націи», который поможетъ выявиться этой будущей *націи* въ своеобразномъ сочетаніи ея стремленій и интересовъ. Она создавалась для чисто временной цѣли, для того, чтобы затѣянную войну съ самодержавіемъ довести до побѣды; цѣлью партіи было не примиреніе, а отсрочка «всѣхъ классовыхъ споровъ», всѣхъ «соціальныхъ и иныхъ дѣленій», пока не будетъ сваленъ общій врагъ—Самодержавіе. Это была та-же идеологія и тотъ же языкъ, которыми иногда всѣ партіи націи объединяются противъ *внѣшнихъ* враговъ.

Въ этомъ настроеніи подготовлялось образованіе партіи, разрабатывалась ея программа, тактическіе пріемы, и другіе акцессуары; въ немъ же она собралась и на свой Учредительный Съѣздъ 10 октября 1905 года. День Съѣзда былъ установленъ задолго до забастовки; никто ни ея конца, ни ее самое не предвидѣлъ. Конституціи еще могло бы долго не быть; партія *организовалась для борьбы съ Самодержавіемъ во имя народовластія.*

Мнѣ очень памятенъ этотъ съѣздъ, т. к. онъ втянулъ меня въ политическую дѣятельность. Въ «Освободительномъ Движеніи» я до тѣхъ поръ участія не принималъ, если не

считать формальнаго пребыванія въ адвокатскомъ Союзѣ. Кадетскій Учредительный Съѣздъ былъ первымъ собраніемъ, на которомъ я сидѣлъ уже въ качествѣ полноправнаго члена. О предварительной работѣ и намѣченныхъ рѣшеніяхъ я зналъ очень мало и мое отношеніе къ съѣзду было отношеніемъ «обывателя». Въ этомъ можетъ быть была его поучительность.

Разница точекъ зрѣнія на назначеніе партіи скоро вышла наружу. По поводу вопроса о перлюстраціи писемъ я высказалъ мнѣніе, что кадеты какъ партія, которая завтра можетъ стать властью и будетъ отвѣчать за порядокъ въ странѣ, должны въ своей программѣ помнить объ этомъ и отстаивать не только права населенія, но и права всякой государственной власти. Эти слова вызвали цѣлую бурю. Меня прервали негодующими возгласами, какъ будто я сказалъ непристойность. Въ антрактѣ меня дружески и серьезно разнесъ С. Н. Прокоповичъ. «Мы не должны ставить себя въ положеніе правительства — разъяснилъ онъ мнѣ; не должны сообразоваться съ тѣмъ, что можетъ быть нужно *ему*. Это значило бы, по Щедрински, разсуждать «примѣнительно къ подлости». Мы должны *всѣ* проблемы рѣшать, не какъ представители *власти*, а какъ *защитники народныхъ правъ*».

На этомъ не стоило бы останавливаться, если бы не обнаружилось, какъ до сихъ поръ живучи эти настроенія. Въ 46 книжкѣ Современныхъ Записокъ я этотъ инцидентъ разсказалъ. И вотъ черезъ 30 лѣтъ меня за это снова разноситъ и уже не дружески, не С. Н. Прокоповичъ, а П. Н. Милюковъ. Онъ говоритъ: (Совр. Записки № 57, стр. 303).. Маклаковъ на учредительномъ съѣздѣ партіи к. д. въ Москвѣ заговорилъ о правѣ к. д., какъ будущей власти, на... перлюстрацію писемъ. Естественно, что внесеніе этого «права» въ серію другихъ «политическихъ свободъ», которыхъ добивалось «освободительное движеніе, произвело впечатлѣніе неблагопристойности»... Теперь тогдашняя «непристойность»

становится общей точкой зрѣнія Маклакова». Такое изложеніе моего же разсказа объ Учредительномъ Съѣздѣ есть образчикъ нехорошей полемики. Прежде всего это неправда. Я не предлагалъ внести «перлюстрацію» въ серію политическихъ *свободъ* и вообще *не я* предлагалъ говорить въ программѣ о перлюстраціи. Право государственной власти на перлюстрацію было безъ меня включено въ п. 7 проекта кадетской программы и принято Учредительнымъ Съѣздомъ. Если Милюковъ теперь серьезно считаетъ это «непристойностью», то въ ней повиненъ не я, а вся кадетская партія и онъ съ нею вмѣстѣ. И другая неправда. Обрушились на меня не за предложеніе, котораго я вовсе не дѣлалъ, а за слова, которыя я сказалъ «по этому поводу»; за то, что я указалъ, что кадетская партія *можетъ* стать *властью* и потому въ своей программѣ она должна помнить о задачахъ *государственной власти*. Это допущеніе, что кадеты могутъ быть государственной властью, что программа ихъ должна этой возможности не противорѣчить, и было встрѣчено *негодованіемъ*.

Недовольство собранія тогда было характерно. Оно показывало пропасть между настроеніемъ искушенныхъ политиковъ и «новичка-обывателя». Для меня было безспорно, что мы сочиняемъ программу, которая должна быть программой власти, а не только одной «оппозиціи». Для собранія же по теперешнему опредѣленію Милюкова — программа была только «серія политическихъ свободъ, которыхъ освободительное движеніе добивалось». Какъ сказалъ тогда Прокоповичъ мы, партія, должны говорить не какъ власть, а только какъ *защитники народныхъ правъ*. Это и было въ процессѣ Освободительнаго Движенія *временнымъ военнымъ* призваніемъ конституціонно-демократической партіи.

Иронія судьбы опровергла разсчеты политиковъ. Партіи для низверженія Самодержавія, партіи-акушера болѣе не было нужно. Она еще не образовалась, когда Самодержавіе себя упразднило. Но за то именно тогда сдѣлалась нужна *другая* партія, другого настроенія, которая могла стать осно-

вой жизни конституціонной Россіи, и могла дать новую власть. Кадетская партія, которая отъ этой роли только что съ негодованіемъ *отреклась*, исторически была именно къ *этому призвана.* Не прошло 10 дней со времени инцидента, о которомъ я говорилъ, какъ лидерамъ к. д. партіи уже пришлось давать правительству Витте совѣтъ, что ему дѣлать. А черезъ 6 мѣсяцевъ Милюковъ повелъ тайные переговоры съ Д. Ф. Треповымъ объ образованіи кадетскаго Министерства. Такъ мстятъ за себя теперешнія слова о тогдашней моей «непристойности».

Въ этомъ сказалось несоотвѣтствіе между условіями образованія партіи и ея дѣйствительнымъ назначеніемъ. Она появилась въ нужный моментъ и въ этомъ было ея *преимущество;* но это же и было несчастіемъ, т. к. благодаря этому она появилась не въ томъ видѣ, и не съ той идеологіей, которая была Россіи нужна. Для своей *настоящей* роли эта партія не годилась. Ея прошлое ее уже *испортило.*

Глава XX.

ОСНОВНОЙ ПОРОКЪ К.-Д. ПАРТІИ.

Если бы общественная жизнь управлялась одною логикой, то кадетская партія задуманная для войны съ Самодержавіемъ, послѣ его капитуляціи должна была бы сама себя распустить. Въ ней не было больше надобности и ей было нормально распасться на свои составныя части. Каждая изъ частей, смотря по взглядамъ, интересамъ и темпераменту могла стать ядромъ новой партіи, заключить подходящіе блоки съ другими и внести въ политическую жизнь необходимую ясность. Но *прошлое* партіи ее крѣпко держало. Мысль о распаденіи казалась абсурдомъ. Если вмѣстѣ побѣдили, нужно было вмѣстѣ побѣду использовать.

Такое настроеніе—явленіе очень обычное. Ничто такъ не сближаетъ какъ работа, увѣнчанная общей побѣдой. Во

Франціи непримиримыя партіи, соединившись на время выборовъ противъ «реакціи», продолжали упорствовать въ сохраненіи своего соглашенія уже для управленія государствомъ. Этотъ абсурдъ дважды случился въ 1924 и въ 1932 году. Нужны были катастрофическія предостереженія 26 и 34 годовъ, чтобы убѣдить, что логикой все-таки нельзя жертвовать ради одной психологіи. Въ Россіи такое желаніе совмѣстить несовмѣстимое было гораздо естественнѣе. Рѣчь шла не о прекращеніи временнаго союза самостоятельныхъ партій, а объ уничтоженіи только что создавшейся, единственной партіи. Можно понять, что это казалось величайшимъ несчастьемъ, что считали нужнымъ перепробовать все, чтобы избѣжать *такого* исхода.

Партіи не монолиты. Во всѣхъ есть оттѣнки мнѣній, фланги и центры. Разномыслія въ партіи только естественны. Они неопасны, когда несмотря на нихъ члены партіи идутъ къ *общей* цѣли. Но цѣли, которыя жизнь поставила передъ кадетской партіей послѣ 17 октября, были совсѣмъ не тѣ, которыя *она сама себѣ при образованіи ставила.*

Партія создавалась, чтобы бороться *противъ Самодержавія;* борьба велась общимъ фронтомъ въ соглашеніи съ *Революціонными партіями.* Если фронтъ к. д. партіи былъ короче, чѣмъ у «Освободительнаго движенія», ибо *открыто* революціонныя партіи въ к. д. партію *не* входили, и были только *союзники,* то зато въ своей собственной средѣ к. д. партія *революціонной идеологіи* не исключала. Въ началѣ Учредительнаго Съѣзда Милюковъ сказалъ рѣчь, которая была напечатана какъ приложеніе къ партійной программѣ, какъ «аутентическое» ея толкованіе. Онъ называлъ противниковъ слѣва «союзниками»; заявлялъ, что партія «стоитъ на томъ же, какъ и они, *лѣвомъ крылѣ* русскаго политическаго *движенія*». Мы, говорилъ онъ, не присоединяемся къ ихъ требованіямъ «демократической республики» и «обобществленіи средствъ производства». Одни изъ насъ потому, что считаютъ ихъ вообще непріемлемыми, другіе потому, что

считаютъ ихъ стоящими внѣ предѣловъ практической политики. До тѣхъ поръ, пока возможно будетъ идти къ общей цѣли вмѣстѣ, несмотря на это различіе мотивовъ, *обѣ группы партіи* будутъ выступать какъ одно цѣлое; но всякія попытки подчеркнуть только что указанныя стремленія и ввести ихъ въ программу будутъ имѣть послѣдствіемъ немедленный расколъ. Мы не сомнѣваемся, заканчивалъ онъ, что въ нашей средѣ найдется достаточно политической дальновидности и благоразумія, чтобы избѣгнуть этого раскола въ настоящую минуту».

Вотъ, что говорилъ лидеръ партіи въ моментъ ея образованія; въ ней значитъ уже тогда были *двѣ группы*, два пониманія, обнаруженіе которыхъ *вызвало бы немедленный расколъ;* нужно было этого раскола избѣгнуть. До паденія Самодержавія это было *понятно:* размежеваніе было отложено и партія могла выступать какъ *единое цѣлое.* Военная психологія это оправдывала. Но эти же слова Милюкова означали, что рѣчь идетъ только о *настоящей минутѣ войны.* Когда Самодержавія больше не будетъ — расколъ станетъ необходимъ и полезенъ для политической ясности. Поддерживать *тогда* фиктивное единство партіи значило бы вводить всѣхъ въ заблужденіе.

А между тѣмъ послѣ 17 октября усилія лидеровъ партіи были направлены именно къ тому, чтобы единство партіи удержать, чтобы скрыть и затушевать то, что въ ней было несовмѣстимаго. Я не берусь сказать — было ли это вызвано только психологіей, чувствомъ партійнаго самосохраненія, которое не считалось съ тѣмъ, что изъ этого выйдетъ; либо было дальновиднымъ разсчетомъ, своеобразной «тактикой»? Но это было не только ошибкой, но вредомъ и для Россіи и для партіи.

Желаніе сохранить единство сдѣлалось для руководителей партіи главной *заботой;* такія заботы безнаказанно не проходятъ ни для кого, ни для партій, ни для правительствъ. Какими словами ни называть это стремленіе, оно показыва-

еть, что интересы какой-то группы поставлены *выше* интересовъ *страны*. Это дискредитируетъ *партіи* и ведетъ *правительства* къ гибели.

Съ другой стороны это же стремленіе парализуетъ партію и обезсиливаетъ заключающіяся въ ней *противоположныя группы*. Идеологіи, которыя обезцвѣчиваютъ себя вступленіемъ въ *общую* партію, имѣютъ одинаково законное право на существованіе и на активное проявленіе.

Въ к. д. партіи были люди, которые стремились быть на самомъ лѣвомъ флангѣ реформаторства, какъ объ этомъ съ гордостью говорилъ Милюковъ; хотѣли немедленно полнаго народоправства и считали его выразителемъ Учредительное Собраніе по 4-хвосткѣ; не боялись Революціи, считая, что она принесетъ въ Россію «свободу и право». Такіе люди могли бы создать особую партію, которая бы стала ждать и дождалась бы для себя подходящаго часа. 17 октября было бы для нихъ только *исходнымъ* моментомъ *новой* борьбы.

Но не только позднѣе, но въ самый моментъ образованія партіи въ ней была группа другого настроенія. Типичнымъ представителемъ ея была земская группа. Эти люди примкнули къ либеральной земской программѣ 1902 и 1904 года; никто изъ нихъ не претендовалъ быть на крайнемъ *лѣвомъ* флангѣ движенія. Они могли принимать и 4-хвостку, и финансовыя и соціальныя новшества, но не какъ исходную точку, а какъ конечную цѣль, къ которой надо идти постепенно avec la lenteur clémente des forces naturelles — по счастливому выраженію Caillaux. Они хотѣли конституціонной *Монархіи*, но вовсе не полновластнаго Учредительнаго Собранія, которое необходимо только тамъ, гдѣ *законной власти нѣтъ*. Эти люди не были ни защитниками Самодержавія, ни опорой соціальной реакціи. Въ моментъ войны они даже могли объединиться въ одинъ *общій фронтъ* противъ Самодержавія и не спорить съ революціонными утопистами. Но имъ было вредно терять свою физіоно-

мію. Ихъ участіе въ «Освободительномъ Движеніи» приносило ему громадную пользу; оно казалось ручательствомъ за лойяльность движенія, привлекало къ нему сотрудниковъ, облегчало власти задачу дѣлать уступки. Ихъ существованіе стало еще нужнѣй послѣ побѣды. Именно этой группѣ было естественно составить особую партію, которая съ помощью власти могла строить государственную жизнь на новыхъ началахъ. Послѣ 17 октября въ подобной партіи была потребность момента. Ея ждали. Но участіе этихъ людей въ кадетской партіи ихъ обезсилило. Они себя въ ней потеряли. Въ ноябрѣ 1904 года Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ возражалъ противъ Учредительнаго Собранія, пока монархія существуетъ; даже въ іюлѣ 1915 года на памятномъ для меня легкомысленномъ собраніи у А. И. Коновалова онъ еще защищалъ Монархію, какъ большую и *полезную силу*. Но какъ членъ Ц. К. кадетской партіи, онъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что самъ говорилъ, 20 октября 1905 г., поставилъ Витте рѣшительный ультиматумъ объ Учредительномъ Собраніи. Такіе люди, и ихъ было много, и среди нихъ были громкія имена, потеряли себя въ партійномъ котлѣ. Теченіе политической мысли, которое *они* представляли, было и законно и нужно Россіи, а они его выразить не посмѣли. Единство партіи этого не позволяло.

Въ самомъ Ц. К. эта несовмѣстимость отдѣльныхъ направленій ощущалась очень отчетливо. Помню монологи Н. Н. Львова, который въ этомъ сходился со своимъ земляком̀ъ по Саратовской губерніи М. Л. Мандельштамомъ. Оба были членами Центральнаго Комитета. Н. Н. Львовъ, земскій дѣятель, конституціоналистъ и старый сотрудникъ «Освобожденія», въ кадетской партіи хотѣлъ видѣть основу правового порядка. Онъ понималъ необходимость уступать духу времени; съ борьбой въ душѣ пошелъ въ этомъ направленіи очень далеко. Принялъ даже четырехвостку, какъ средство успокоенія при условіи введенія въ нее коррективовъ въ видѣ Верхней Палаты и т. п. Но послѣ 17 октября

онъ ждалъ успокоенія, примиренія, и даже *борьбы съ новою Революціей.* Рядомъ съ нимъ въ Центральномъ Комитетѣ сидѣлъ и М. Л. Мандельштамъ. Онъ издалъ въ Совѣтской Россіи интересную и въ общемъ правдивую книгу. Если исключить отдѣльныя фразы, гдѣ онъ по долгу передъ властью расшаркивался, Мандельштамъ въ этой книгѣ является тѣмъ, чѣмъ всегда дѣйствительно былъ. Онъ и въ кадетскомъ Ц. К. былъ энтузіастомъ Революціи, какъ стихійной безудержной силы; возмущался мыслью, чтобы съ ней можно и должно было бороться и надѣяться ей управлять. Въ ея немедленной побѣдѣ онъ могъ усумниться, считая власть достаточно сильной, чтобы ей противостоять; но въ *правотѣ* Революціи — нѣтъ. Гласъ народа — гласъ Божій. Онъ не могъ допустить, чтобы кадетская партія при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ могла явиться опорою порядка противъ Революціи. И тѣмъ не менѣе Львовъ и Мандельштамъ были оба членами Ц. К. одной и той-же партіи, пока оба сами изъ него не ушли.

Отдѣльные люди дѣйствительно уходили, понимая, что въ кадетской партіи есть какой-то порокъ; но уходили одни, а лидеры дѣлали все, чтобы не дать отдѣльнымъ уходамъ превратиться въ *расколъ.*

Прямымъ послѣдствіемъ желанія единство свое сохранять было лавированіе между обѣими группами, стремленіе избѣгать ясныхъ позицій. За свое единство партія платила дорогою цѣной. Люди, которые въ государственной жизни принципіально отвергали политическій компромиссъ, жили только *имъ* во внутреннихъ отношеніяхъ партіи. Все искусство лидеровъ уходило на пріисканіе примирительныхъ формулъ, при которыхъ дальнѣйшее внѣшнее единство партіи становилось возможнымъ. Къ *этому* свелось ихъ руководство. И оно вело къ безсилію партіи.

Противоположныя тенденціи парализовали другъ друга. Не всегда можно было понять, чего партія дѣйствительно хочетъ. Позиціи ея были часто слишкомъ тонки и искус-

ственны для пониманія. Благодаря этому, она создавала незаслуженное впечатлѣніе неискренности; пріобрѣла репутацію, что на нее нельзя положиться ни справа, ни слѣва.

Этому впечатлѣнію способствовала сама организація партіи. У насъ не было политическихъ вожаковъ, которые ведутъ за собою, а не слѣдуютъ за большинствомъ; у насъ было слишкомъ мало довѣрія къ личности, чтобы отдать ей свою волю. Руководили партіями громоздкіе, многочисленные коллективы, центральные Комитеты. Въ нихъ, для сохраненія единства и солидарности выбирали представителей всѣхъ направленій, какъ это дѣлаютъ въ коалиціонныхъ кабинетахъ Европы. Партійное дѣло напоминало всѣ недостатки парламентаризма. Руководительство партіей сопровождалось томительными предварительными спорами и нащупываніемъ *среднихъ рѣшеній*. Тѣмъ, кто претендовалъ быть вожаками, надо было искать «большинства» въ Комитетахъ или во фракціи. Чѣмъ разнороднѣе были эти комитеты, тѣмъ они болѣе ослабляли и обезцвѣчивали отвѣтственныхъ лидеровъ. Лидеры теряли свободу и физіономію. Внутри-партійной работѣ стали не чужды пріемы даже той крайней парламентской техники, которые «проводятъ» рѣшеніе, когда убѣжденіемъ, когда угрозой, когда просто измором. Это было особенно замѣтно въ засѣданіяхъ парламентской фракціи, гдѣ правомъ рѣшающаго голоса пользовались не только дѣйствительные члены парламента, а также члены бывшихъ составовъ, члены Ц. К. и т. п. Всѣ они участвовали въ принятіи рѣшеній, исполнять которыя приходилось *другимъ*. Они были свободнѣй, чѣмъ депутаты, заваленные текущей работой. Они могли ходить на собранія аккуратнѣй и сидѣть на нихъ дольше. Въ результатѣ лидерамъ удавалось провести то, что имъ казалось желательнымъ, но въ смягченномъ видѣ и съ большимъ опозданіемъ. Государственная работа тонула въ процедурѣ партійной стряпни.

Послѣдствія этого можетъ быть всего ярче сказались на ея общепризнанномъ лидерѣ, на Милюковѣ. Стараніе

спасти партію отъ раскола, уловить всегда срединную линію, замаскировывало его личные взгляды. Ихъ могли знать только очень близкіе къ нему люди. Его знанія и таланты уходили на то, чтобы убѣдить людей между собой несогласныхъ, что они хотятъ одного и того-же и что генеральная линія партіи не измѣняется. Въ этихъ условіяхъ *руководить* партіей было нельзя.

Система управленія партіей мѣшала тому, что въ политической жизни самое главное, т.-е. умѣнію событія *предусматривать*. Чѣмъ больше масса, тѣмъ больше инерція. Со своими компромиссными рѣшеніями партія вѣчно опаздывала. Она говорила то, что было нужно, но тогда, когда этимъ уже помочь было нельзя. Исторія партіи это показываетъ на каждомъ шагу. Она впередъ смотрѣть не умѣла, держалась прошлымъ и только имъ вдохновлялась.

И характерно. Партія хранила единство, пока оно ее обезсиливало, пока оно не было нужно, пока расколъ партіи могъ быть для Россіи полезенъ. А въ изгнаніи, заграницей, когда онъ сталъ абсолютно ненужень и вреденъ, когда былъ новый raison d'être для единства, партійные лидеры наконецъ догадались ее расколоть; какъ будто только для того, чтобы заставить всѣхъ удивляться, что подобная неоднородная партія могла до тѣхъ поръ существовать и даже славиться своей дисциплиной. Въ этомъ послѣднемъ актѣ своей жизни партія осталась вѣрна старой привычкѣ и опять опоздала.

* * *

Органическое безсиліе к. д. партіи обнаружилось особенно ярко въ первые мѣсяцы, когда вся отвѣтственность лежала на ея хитроумныхъ руководителяхъ; позднѣе она поддавалась уже вліянію избирательной массы.

Пока руководители изощрялись въ изобрѣтеніи примирительныхъ формулъ, жизнь грубо поставила вопросъ, на который былъ нуженъ *опредѣленный* отвѣтъ. Къ чему ведетъ партія послѣ 17 Октября? Раньше все было ясно; шла война противъ Самодержавія и *тутъ* былъ *главный фронтъ*. Противъ Самодержавія были всѣ, начиная съ революціонныхъ партій, которыя добивались паденія исторической власти, и кончая тѣми, кто хотѣлъ только конституціонной монархіи и правового порядка. Теперь положеніе перемѣнилось. Самодержавіе уступило и конституцію обѣщало; если Революція продолжала войну, то уже не противъ *Самодержавія*, а противъ конституціонной Монархіи или существовавшаго соціальнаго строя. Переходные мѣсяцы послѣ 17 октября были временемъ, когда происходила смертельная схватка между исторической властью и Революціей. Мы называли эту эпоху первой Революціей неосновательно; но ея не было только потому, что побѣдило *правительство*. Что бы было въ Россіи въ случаѣ, если бы тогда Революція правительство свергла, мы можемъ только гадать. Но несомнѣнно, что послѣ 17 октября главный фронтъ шелъ уже *здѣсь*. На чьей же сторонѣ была конституціонно-демократическая партія?

Отъ нея можно было не требовать, чтобы она приняла участіе въ «военныхъ дѣйствіяхъ» на той или на другой сторонѣ. Но не могло быть неясно, кому она желаетъ побѣды; отъ этого зависѣло ея поведеніе, отношеніе къ борющимся политическимъ силамъ, ея союзы и соглашенія. Это показало бы настоящую физіономію партіи.

И оказалось, что по этому основному вопросу партія отвѣта дать не могла не расколовшись немедленно.

Въ ней были люди, которые понимали, что Революція больше не союзникъ, а врагъ, что Монархію, которая отъ Самодержавія отреклась, надо *защищать отъ паденія*. Еще недавно земская депутація, состоявшая изъ главарей кадетской партіи, устами С. Н. Трубецкого, осудила крамолу «которая при нормальныхъ условіяхъ не была бы опасна», ви-

дѣла опасность въ томъ общемъ разладѣ, «при которомъ *власть осуждена на безсиліе*». Такихъ людей въ партіи было больше, чѣмъ могло бы казаться. Иначе Милюковъ бы не могъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вести переговоры объ образованіи кадетскаго Министерства по назначенію Государя и слѣдовательно обязаннаго *его противъ Революціи защищать*.

Но если бы руководители партій заняли такую позицію, они бы партію раскололи. Въ ней были другіе, для которыхъ революціонеры союзниками быть продолжали, которые «октроированной» конституціи не допускали, а въ Учредительномъ Собраніи видѣли *необходимую* исходную точку конституціоннаго строя. Пока этого достигнуто не было, для нихъ всякое соглашеніе съ властью было непріемлемо. Для нихъ врагомъ была не *Революція*, а та историческая *власть*, которая ей сопротивлялась. Поддерживать власть противъ Революціи они считали бы «измѣной интересамъ народа».

Партія, которая такъ противорѣчиво смотрѣла на основную проблему момента, не могла въ такое время *дѣйствовать* вмѣстѣ, была должна расколоться. Это бы было лучше для всѣхъ и прежде всего для Россіи. Это должно было бы произойти если бы руководители партіи больше думали о томъ, что въ конечномъ счетѣ было полезно *Россіи*, а не о томъ, какъ не *развалить* свою партію на другой день послѣ ея образованія.

Но эта послѣдняя забота всегда бывала сильнѣе; она опредѣляла дѣйствія партіи. Такъ было и раньше. Казалось невозможно соединить сторонниковъ Учредительнаго Собранія и монархистовъ. Но на Земскомъ Съѣздѣ кадеты предложили формулу; «передача Думѣ учредительныхъ функцій для выработки конституціи съ утвержденія Государя». Эта формула была нежизненна и опасна. Она не могла быть искренно принята ни Государемъ, ни Революціей. Но ее приняли съ облегченіемъ. Она ничего разрѣшить не могла, но предотвратила партійный расколъ.

Заботы о сохраненіи партійнаго единства дали себя знать

отсутствіемъ *ясныхъ* рѣшеній. Партія, которая гордилась тѣмъ, что была самою лѣвою европейскою партіей, отрицавшая за существующимъ Государемъ даже право октроировать конституцію—не могла претендовать на то, чтобы ей при *этомъ* Государѣ самой сдѣлаться властью. Ей еще долго нужно было быть только парламентской оппозиціей: но тогда не только въ интересахъ Россіи, но въ ея собственныхъ интересахъ было желательно, чтобы образовалась другая менѣе непримиримая конституціонная партія, которая могла бы дать конституціонной власти опору и избавить Россію отъ Революціи или Реставраціи. Вѣдь только при этомъ условіи кадетская партія могла парламентскимъ путемъ добиваться своихъ идеаловъ. Во время Учредительнаго Кадетскаго Съѣзда это понималъ Милюковъ; онъ говорилъ: «если мы отойдемъ слишкомъ налѣво, направо отъ насъ образуется «пустое мѣсто», которое займетъ другая конституціонная партія». Но эти возраженія противъ крайностей Милюковъ приводилъ по поводу женскаго равноправія, а не по поводу основъ кадетской программы. Партія оказалась настолько дѣйствительно лѣвой, что ей сговориться съ правительствомъ было нельзя. И какъ Милюковъ вѣрно предвидѣлъ, власть за опорой обратилась тогда не къ ней, не къ кадетамъ, а къ другимъ, именно къ земцамъ.

Почему же кадетская партія тогда сдѣлала *все*, что могла, чтобы помѣшать успѣху своихъ естественныхъ замѣстителей? Если кадеты не хотѣли унизиться до сговора съ Витте, то почему эту необходимую для Россіи роль они не предоставили земцамъ? А хотя одіумъ неловкой политики палъ на земцевъ, все было сдѣлано инициативой и даже руками кадетъ. Объ этомъ не безъ торжества разсказалъ Милюковъ въ 3-хъ Попыткахъ; делегація къ Витте, которая поскакала не дождавшись Шипова, состояла сплошь изъ кадетъ. Это была ихъ первая побѣда надъ Витте. И чѣмъ объяснить это какъ не тѣмъ, что кадеты, ухитрившись сохраниться какъ единая партія, признали за собой монополію говорить име-

немъ общества и по освобожденскимъ традиціямъ считали себя единственной партіей — націей; а той настоящей роли, отъ которой они отказались, они *другимъ* уступить не хотѣли?

Нельзя думать, что кадеты, какъ доктринеры, поступили такъ лишь потому, что не хотѣли придавать земству значенія политической «партіи» и воспользовались первымъ случаемъ, чтобы съ его «политической» ролью покончить. Что это кадетской тактики не объясняетъ, видно изъ отношенія кадетъ къ образованію октябристской *политической* партіи.

Я живо помню этотъ моментъ. Октябристы образовались изъ меньшинства послѣдняго Земскаго Съѣзда. По обывательски я былъ счастливъ образованію этой необходимой для политическаго равновѣсія партіи. Нашего полка прибывало. Люди популярные и заслуженные — Шиповъ, Стаховичъ, Хомяковъ, раньше отдѣленные отъ насъ своей преданностью Самодержавію, теперь конституцію приняли. Мы могли опять идти вмѣстѣ. То, что они не хотѣли ни Учредительнаго Собранія, ни четырехвостки, было неважно. Въ интересахъ дѣла это было лучше. Они легче насъ могли добиться необходимаго согласія съ властью. Новая партія была намъ только полезна; не сливаясь съ ней, мы могли заключить съ ней союзъ, дружеское соглашеніе противъ Революціи и противъ реакціи. Но члены нашего Ц. К. смотрѣли иначе. Тамъ рѣшили, что октябристы наши *главные враги*, что наши удары должны непремѣнно направляться *на нихъ*, что мы должны прежде всего «разоблачать ихъ реакціонную сущность». Для успѣха этой тактики октябристамъ ставили въ упрекъ не только то, что они говорили въ программѣ, но и то, о чемъ они считали нужнымъ молчать; не то, что они *дѣлали* въ прошломъ, но и то, что непремѣнно будто бы *будутъ дѣлать* и въ будущемъ. Кадетскимъ ораторамъ задавали задачу выводить ихъ на свѣжую воду. Это была точь въ точь тактика и позиція, кото-

рой относительно самихъ кадетъ держались и тогда и позднѣе революціонныя партіи. И такую враждебную позицію намъ рекомендовали въ то время, когда октябристы еще были *чисто конституціонной* партіей, когда они создались для осуществленія Манифеста и никакихъ предложеній *направо* врагамъ конституціи еще не дѣлали; словомъ тогда, когда главная задача момента, утвердить конституцію противъ ея враговъ справа и слѣва должна была *сблизить насъ именно съ ними.*

Чего добивались этою тактикой? Мы мѣшали другимъ дѣлать то *необходимое* дѣло, котораго сами дѣлать не могли или во всякомъ случаѣ не хотѣли. Такъ, будучи несомнѣнно *конституціонною* партіей, мы водворенію конституціоннаго строя мѣшали.

И въ тѣ дни, когда отъ нашей позиціи много зависѣло, когда Революція хотя гораздо болѣе слабая, чѣмъ она многимъ казалась, яростно аттаковала растерянную, себя ослабившую и наполовину капитулировавшую историческую власть, въ это время главная конституціонная партія въ этой схваткѣ сохраняла двусмысленный нейтралитетъ. Двусмысленный, ибо онъ могъ быть нейтралитетомъ только по имени и какъ всякій нейтралитетъ полезенъ только одной изъ сторонъ. И естественно раздраженіе тѣхъ, кто имѣлъ право ждать отъ кадетъ не нейтралитета, а *помощи.*

Ждала ли отъ насъ «помощи» Революція? Едва ли ждала и во всякомъ случаѣ никакого права на то не имѣла. Хотя *тогда* мы еще не знали, что въ 1917 году своими глазами увидѣли, т.-е. настоящаго поведенія революціонеровъ во время побѣды, но во всякомъ случаѣ Революція откровенно считала кадетъ своимъ главнымъ врагомъ, который ей непремѣнно измѣнитъ и вела борьбу съ его программой и тактикой. Революціонеры были въ политикѣ реалистами и и отъ кадетъ ждать не могли, чтобы они отдавали себя на закланіе.

А историческая власть, которая сама сдала позицію

Самодержавія, повѣривъ тому, что только *оно* мѣшаетъ общественности поддерживать власть, тѣ круги и лица, которые Революціи боялись и ея не хотѣли, въ кадетской тактикѣ стали видѣть или недомысліе, или хитрый обманъ. Обвиненіе несправедливое, но совершенно естественное. И въ извѣстныхъ кругахъ началось настроеніе, которое получило названіе «кадетоѣдства».

Я говорю, что это обвиненіе было естественно. Чего бы ни хотѣли кадеты въ боевые мѣсяцы — ноябрь и декабрь 1905 года, они сдѣлали все, чтобы затруднить исторической власти ея побѣду надъ Революціей. Они не только сами отказались ей хотя бы морально помочь, они систематически мѣшали это сдѣлать *другимъ*. Они давали правительству такіе совѣты, которые можно было бы счесть провокаціей, если бы они сами ихъ полностью не примѣнили, когда черезъ 12 лѣтъ стали властью. Они не хотѣли понять, что въ 1905 г. Самодержавная Власть, хотя и обѣщавшая себя ограничить, была все же и законная и сильная власть, которая не была обязана пассовать передъ криками улицы. О полномочіяхъ, силѣ и правѣ тогдашней Монархической Власти у кадетъ обнаруживались самыя странныя представленія. По ихъ поведенію можно было подумать, что Монархіи болѣе нѣтъ, что мы въ настоящемъ состояніи «Революціи». Кадеты оспаривали даже право Монарха «октроировать» конституцію; написать ее должно было *Учредительное Собраніе*. Правовыя несообразности этого домогательства имъ не бросались въ глаза. Что произошло 17 октября? Самодержавный Монархъ связалъ себя *обѣщаніемъ дать конституцію;* исполненіе этого обѣщанія онъ вмѣнилъ своему правительству въ долгъ. («На обязанность правительства возлагаемъ мы выполненіе непреклонной нашей воли). Кадетская партія могла бы настаивать, чтобы это обѣщаніе было *скорѣе* осуществлено, помогать точному его исполненію. Но было безсмысленно отрицать за Самодержавною Властью *право свое обѣщаніе выполнить*. А между тѣмъ позиція партіи све-

лась именно *къ этому*. Она въ сущности вторила утвержденіямъ правыхъ, *по мнѣнію которыхъ* Самодержавный Монархъ не имѣетъ права октроировать «конституцію», ибо отрекаться отъ Самодержавія права онъ не имѣлъ. Лѣвыя партіи по другимъ мотивамъ стали тоже отрицать право Монарха «октроировать» конституцію. Они ссылались на правило Манифеста, что ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ *безъ согласія Думы*. Они не хотѣли видѣть, что по смыслу Манифеста это правило должно было быть положено въ *основаніе* будущей конституціи, что считать его въ силу уже вступившимъ значитъ впадать въ ложный кругъ, изъ котораго не было выхода. Для нашихъ политиковъ казалось «теоретически правильнымъ» созваніе Учредительнаго Собранія по 4-хвосткѣ. Они не замѣчали, что и для этого нужно было бы издать новый законъ, на что, по ихъ мнѣнію, Государь права уже *не* имѣлъ. Какой же былъ бы выходъ изъ этого? Черезъ 12 лѣтъ эти теоріи пришлось примѣнить. Было создано Временное Правительство, которое само облекло себя «полнотой власти», т.-е. Самодержавіемъ; свои новыя полномочія оно основало на *постановленіи* Комитета Государственной Думы, и на Манифестѣ Великаго Князя, изъ которыхъ ни тотъ, ни другой на то никакихъ правъ не имѣлъ. Было объявлено о созывѣ Учредительнаго Собранія по 4-хвосткѣ, и это было сдѣлано Великимъ Княземъ Михаиломъ, который престола не принялъ и никакихъ распоряженій дѣлать не могъ. Но тогда это еще можно было понять. Отреченіе двухъ Императоровъ создало то «состояніе Революціи», гдѣ власть бралъ тотъ, кто себя могъ заставить послушать и гдѣ всѣ правовыя основы порядка все равно были низвергнуты. Но этотъ «способъ» предлагался какъ «единственный выходъ» въ то время, когда на престолѣ сидѣлъ еще Самодержавный Монархъ, власть котораго признавалась во всей Россіи, и когда рѣчь шла только о томъ, чтобы превратить этого Самодержавнаго Государя въ конституціоннаго и разумно раздѣлить его власть съ

представительствомъ. Эта странная идеологія, которая показывала, какъ мало партія способна была водворить конституціонный порядокъ, распространилась и на всѣ виды законодательной дѣятельности. Въ тогдашней публицистикѣ не исключая серьезной не разъ старались доказывать, что Манифестъ 17 октября уже лишилъ Государя права издавать *законы* и даже примѣнять старые, Манифестомъ якобы отмѣненные. Какъ при такихъ условіяхъ могла бы власть противостоять Революціи? И эти чисто революціонныя настроенія распространены были не только въ тотъ исключительный годъ, но дожили до нашего времени.

Я уже упоминалъ, какъ Милюковъ въ 20 году въ «Трехъ Попыткахъ» несмотря на свой тайный совѣтъ Витте — вопреки всѣмъ октроировать конституцію, все же продолжалъ находитъ, будто созывъ Учредительнаго Собранія былъ разумнымъ и «единственно теоретически правильнымъ» способомъ изданія конституціи. А теперь И. И. Петрункевичъ, человѣкъ громаднаго практическаго опыта и ума, на стр. 445 своихъ интереснѣйшихъ воспоминаній, повторяетъ тогдашнія кадетскія хитросплетенія. «Всѣ законы, пишетъ онъ, опубликованные въ промежуткѣ времени отъ Манифеста до созыва Первой Думы, были изданы безъ одобренія Государственной Думы и, *слѣдовательно*, были нелегальны (!) и не могли имѣть силы закона».

Вспоминая все это нелья удивляться, что сторонники правового порядка, понимавшіе чѣмъ ему грозитъ побѣдоносная Революція, думавшіе въ кадетахъ видѣть конституціонную партію, которая справится съ Революціей, въ нихъ были глубоко разочарованы, смотрѣли на нихъ какъ на обманщиковъ, которые своихъ словъ не сдержали. Это относилось особенно къ тѣмъ, чье присутствіе въ рядахъ партіи было гарантіей, что она къ Монарху лояльна. Я не забылъ этого времени и въ ихъ лояльности не сомнѣваюсь; но одной лояльности мало, чтобы дать хорошій совѣтъ, или

вѣрно оцѣнить положеніе. Но я хорошо помню другое: какъ лѣвое крыло партіи и пожалуй ея большинство дѣйствительно съ Революціей *не хотѣло бороться*. Одни ея не боялись, а боялись только реакціи. Другіе, которые ея можетъ быть и боялись, въ успѣхъ борьбы съ ней больше не вѣрили. Имъ нужно было поэтому съ нею идти; это единственный шансъ ею потомъ управлять. Помню съ какимъ восторгомъ М. Л. Мандельштамъ говорилъ, что всеобщая забастовка дѣлаетъ пролетаріатъ непобѣдимымъ. Силой, ораторствовалъ онъ, можно всему помѣшать; но силой ни къ чему принудить нельзя. Нельзя силой заставить работать, если пролетаріатъ не захочетъ. Онъ теперь господинъ положенія. Помню другого, теперь очень праваго; онъ указывалъ, что сложность современной экономической структуры, дѣлаетъ власть безсильной противъ насильственныхъ актовъ и потому «лѣвыя партіи поставятъ власть на колѣни».

Все это оказалось иллюзіей. Когда убѣдившись въ томъ, что либеральная общественность ему не опора, Витте призвалъ на помощь «реакцію», онъ въ нѣсколько дней революцію разгромилъ. Нейтралитетъ кадетъ въ этомъ разгромѣ не увеличилъ довѣрія къ нимъ, ни справа, ни слѣва. Правда пока еще не было «партіи», видны были лишь ея «руководители». Эти тяжелые мѣсяцы были испытаніемъ только ихъ однихъ и только *они* провалились. Въ январѣ долженъ былъ быть новый Съѣздъ партіи, который далъ бы партійную оцѣнку руководительской линіи, и этимъ бы опредѣлилъ настоящую физіономію уже партіи. Онъ могъ стать отправной точкой новой политики. Подъ такимъ настроеніемъ *онъ собрался.*

* *
*

Январскій Съѣздъ оказался интересенъ какъ символъ. На немъ уже у всѣхъ на глазахъ *), произошло приведеніе различныхъ мнѣній къ безсодержательному единомыслію; на немъ можно было увидѣть, въ чемъ состояло руководительство партіей и чѣмъ была на дѣлѣ ея хваленая «тактика».

Пережитыя передъ этимъ за 2 мѣсяца событія открыли глаза всѣмъ, кто имѣлъ очи, чтобы видѣть. Тогдашняя политика кадетскихъ руководителей, ихъ ставка на безсиліе и разгромъ исторической власти — потерпѣли крушеніе. Имъ приходилось отступать, и въ этомъ *сознаться*. Печальную истину можно было словесно замазывать, возлагая вину на другихъ; *но самого факта скрыть* было нельзя. Тонъ руководителей поэтому былъ минорный. Они говорили о своихъ надеждахъ, которыя «къ сожалѣнію не оправдались». Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ докладывалъ, что, хотя Учредительное Собраніе по 4-хвосткѣ по-прежнему считается *наиболѣе правильнымъ путемъ* переустройства государства, но прибавлялъ, что «возможность осуществленія этой безспорной схемы представляется въ настоящее время весьма мало вѣроятной». А если такъ, то становилось невозможнымъ отсрочивать всю законодательную дѣятельность до созыва Учредительнаго Собранія, и бюро признавало, что Дума сможетъ приступить къ предварительной разработкѣ законопроектовъ. Другой тактическій докладъ отъ бюро принадлежалъ П. Н. Милюкову. Онъ не скрывалъ, что положеніе перемѣнилось. «Два мѣсяца тому назадъ шансы нашей партіи на выборахъ были весьма велики»; теперь же выборная побѣда кадетъ представляется ему уже «сомнительною». Приходилось дѣлать изъ этого вы-

*) Я вездѣ цитирую по отчету «Права» за 1906 г.

воды, не теряя bonne mine à mauvais jeu. «Если мы не можемъ стать властью, заявлялъ теперь Милюковъ, то это хуже для дѣла; но *для партіи это лучше;* лучше для морального вліянія ея на ближайшее будущее... Партіи предстоитъ въ этомъ случаѣ еще болѣе благодарная роль — политической оппозиціи». «Наша же политическая роль, говорилъ онъ, перешла теперь къ партіямъ 17 октября и правового порядка». Все это Милюковъ объясняетъ, конечно, *не* кадетской ошибкой: «Это случилось вовсе не по необходимости, не подъ напоромъ жизни, а въ результатѣ ошибокъ *революціонеровъ* и *нашей брезгливости*». И хотя по словамъ Милюкова роли теперь распредѣлились иначе, и защита конституціи пала на долю октябристовъ и партіи правового порядка, однако въ полномъ противорѣчіи съ собою *успѣха этимъ* партіямъ онъ не желаетъ. Напротивъ: «будемъ *надѣяться*, говоритъ онъ, что поддержка правительства окраситъ обѣ эти партіи въ цвѣтъ черной сотни». Трудно понять, почему на это надо надѣяться и кому это перекрашиваніе могло быть полезно? Конечно и не Россіи, и не конституціи.

Несмотря на оговорки, было ясно, что бюро кое-чему научилось. Оно могло бы высказаться еще опредѣленнѣе. Оно могло сказать: «Мы ошиблись; мы поставили ставку на уступчивость власти передъ Революціей и прогадали. Не мы поэтому возьмемъ теперь власть, а тѣ, кто стоитъ направо отъ насъ. Побѣда власти надъ Революціей къ счастью не *все у* насъ отняла. Обѣщаніе конституціи обратно не взято. Но конституцію надо защищать и беречь. Ей угрожаетъ опасность; реакція снова окрѣпла. Противъ реакціи должны противостоять болѣе правыя конституціонныя партіи — Союзъ 17 октября и правового порядка. На нихъ ляжетъ эта забота, пока мы будемъ довольствоваться благодарною ролью политической оппозиціи. И если ихъ роль такова, мы должны не вести съ ними борьбу, а ихъ *въ этомъ* поддерживать. Такова тактика, которая диктуется положеніемъ».

Если бы бюро это сказало, партія кадетъ полу-

чила бы опредѣленную физіономію, стала бы дѣйствительно парламентской оппозиціей; стала бы тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась послѣ переворота 3 іюня. Но это не было мнѣніемъ партіи, особенно ея *лѣваго* фланга. Послѣдній въ революцію вѣрилъ и съ революціонной идеологіей не разрывалъ. Тогда опять встала бы возможность раскола. Даже того, что Милюковъ и Кокошкинъ сказали, было достаточно, чтобы въ партіи вызвать смущеніе. Помню негодованіе многихъ. «Куда насъ ведутъ»? «Какъ мы можемъ съ этимъ домой показаться»? «Что-за кадетская партія безъ Учредительнаго Собранія, безъ союза съ «лѣвыми», безъ борьбы противъ всѣхъ, кто правѣе кадетъ»? Не всѣ одинаково быстро воспринимаютъ уроки. То, что уже стало ясно Милюкову и Кокошкину, еще не было видно провинціальнымъ членамъ партіи, тѣмъ дѣятелямъ «Освободительнаго Движенія», которые въ теченіе двухъ лѣтъ работали подъ опредѣленными флагами. Военная психологія, навыки и личныя отношенія держали ихъ крѣпче, чѣмъ руководителей партіи. И это коренное разномысліе въ идеологіи партіи, котораго ничѣмъ устранить было нельзя, вышло наружу, какъ только заговорили объ ея отношеніи къ будущей Думѣ.

У кадетъ было на этотъ счетъ удивительное представленіе. Какъ за Монархомъ они не признавали права «октроировать» конституцію, такъ за будущей Думой, пока она не будетъ избрана по 4-хвосткѣ ,они не признавали правъ законодательствовать. Единственной компетентной властью въ Россіи признавалось Учредительное Собраніе. Для лѣваго крыла партіи все это было безспорною аксіомой. И вдругъ въ докладѣ бюро стали допускать хотя бы приступъ къ законодательной дѣятельности Думы и партіи поручалось : готовить для этого законопроекты!

«Я нахожусь въ недоумѣніи, говорилъ лѣвый делегатъ Роммъ. Мнѣ кажется, что я не на съѣздѣ уже опредѣлившейся партіи, а на съѣздѣ лицъ собравшихся для учрежденія новой партіи. Предложенія, которыя были здѣсь сдѣла-

ны, клонятся къ коренному измѣненію партійной программы. Намъ рекомендуютъ теперь отказаться отъ той кардинальной точки зрѣнія, на которой мы стоимъ, и *принять участіе въ законодательномъ* учрежденіи, которое основано *не на 4-хчленной системѣ выборовъ* и т. п. По мнѣнію Ромма, который остался вѣренъ партійнымъ завѣтамъ, дѣломъ такой «ненастоящей» Думы было только создать новый избирательный законъ и разойтись. Роммъ былъ послѣдователенъ. Что же какъ не это, устами кадетскихъ руководителей, заявила Витте земская делегація? *Это* же говорилось кадетами на всѣхъ земскихъ съѣздахъ. А если такъ, то «теоретически правильнымъ» выводомъ изъ этого было отрицаніе права за Думой, избранной по избирательному закону 11 декабря, заниматься законодательнымъ дѣломъ. Роммъ приходилъ въ негодованіе при мысли, что отъ этой позиціи кадетская партія отступаетъ, что она говоритъ о законахъ, которые Дума будетъ подготовлять. Но послѣ ноябрьскихъ и декабрьскихъ событій правое крыло партіи уже не подчинялось, какъ прежде, лѣвому радикализму. Правый кадетъ Петражицкій упрекалъ бюро за то, что оно не сдѣлало всѣхъ выводовъ изъ новаго положенія. «Ограниченіе дѣятельности первой Думы одними подготовительными работами къ реформамъ *непреемлемо.* Такого рода дѣятельность вообще *несоотвѣтствуетъ природѣ и задачамъ парламента*». Для Петражицкаго первая Дума, хотя и избранная не по 4-хвосткѣ, былъ все-же *парламентъ*, у котораго своя *природа и задачи.*

Здѣсь обнаруживалась непроходимая пропасть между лѣвымъ и правымъ крыломъ. Для однихъ «Революція» все еще продолжалась и Дума только средство, чтобы взрывать «конституцію», какъ это собирались сдѣлать съ Булыгинской Думой. Для такихъ политиковъ лѣвые враги конституціонной монархіи по-прежнему были *союзники.* Для другихъ, представителемъ которыхъ былъ Петражицкій, конституція у насъ *есть*, и будущая Дума есть настоящій *Парламентъ;* его надо не взрывать, а *использовать* для законодательныхъ цѣлей.

Объ точки зрѣнія законны; каждый по своему темпераменту и убѣжденію могъ выбрать любую. Одного было сдѣлать нельзя — ихъ совмѣщать. Но наши руководители хлопотали только объ этомъ. Надо было придумать среднюю формулу, которая бы всѣхъ примирила. И пока на Съѣздѣ лилось никому ненужное краснорѣчіе, за кулисами вырабатывалась и полировалась преемлемая *для всѣхъ* резолюція. Она въ своемъ родѣ оказалась шедевромъ и всѣхъ примирила.

Это вспомнить полезно, такъ какъ именно это для кадетской среды было типично. Ея составъ выработалъ въ ней это искусство.

Большинствомъ *всѣхъ* противъ одного воздержавшагося было принято, что *нельзя приступать въ Думѣ къ органической работѣ, какъ въ нормальномъ учрежденіи.*

Это является побѣдою *лѣвыхъ.* Думу нормальнымъ учрежденіемъ не признаютъ, органической работы въ ней не допускаютъ. За такую резолюцію единомышленники *Ромма* съ радостью голосуютъ. Но резолюція принята *единогласно,* потому что *этого* она не означаетъ. Заявивъ, что Дума не нормальное учрежденіе и что въ ней органически работать нельзя, партія тутъ же постановляетъ, что Дума *можетъ* работать, можетъ издавать законы, *необходимые для успокоенія,* и что даже простого перечня этихъ законовъ заранѣе составить нельзя. За такое рѣшеніе съ удовольствіемъ голосуютъ и правые. Единство партіи спасено; но можно ли, не грѣша, назвать его *внутреннимъ?*

Для партіи и ея методовъ январскій Съѣздъ былъ краснорѣчивою иллюстраціей. Въ ноябрѣ и декабрѣ руководители партіи для сохраненія единства ея не разорвали съ революціонерами слѣва и упустили случай стать опорой конституціоннаго строя. Ошибочность ихъ расчетовъ теперь обнаружилась. П. Н. Милюковъ понималъ, что обстоятельства перемѣнились, что Учредительнаго Собранія больше не будетъ, что кадетамъ въ Думѣ придется исполнять роль

парламентской оппозиціи. Этимъ онъ открыто оказался на *правомъ партійномъ крылѣ*. Но это было бы слишкомъ опредѣленно. И подъ напоромъ провинціальныхъ, болѣе примитивныхъ кадетъ, онъ «сдалъ» передъ ними, свою политическую физіономію спряталъ и урокомъ, который понялъ, не воспользовался. Онъ сталъ восхвалять какъ *успѣхъ* словоблудіе партіи, и даже, что съ нимъ рѣдко бывало, согласился сознаться въ ошибкѣ. «Отвѣтственность за отрицательныя стороны Съѣзда, писалъ Милюковъ въ Правѣ отъ 22 января, лежитъ почти исключительно на *насъ*, на устроителяхъ Съѣзда... Члены Комитетовъ иногда сбивали Съѣздъ своими внутренними разногласіями... мы нѣсколько злоупотребили своимъ профессорскимъ краснорѣчіемъ». А по поводу тѣхъ хитроумныхъ постановленій, которыя всѣ другъ другу противорѣчили и позволили если не другихъ, то по крайней мѣрѣ себя самихъ обмануть, Милюковъ торжествующе утверждаетъ, что партія «измѣрила свои силы, нашла свою *собственную* дорогу, поставила свои *собственныя* задачи». Онъ радуется, что члены съѣзда, несмотря на принципіальныя разногласія, дорожатъ «этимъ сознаніемъ единства», и сознаютъ, «какую огромную дополнительную силу получаютъ единичныя попытки, сливаясь въ опредѣленную тактику большой политической партіи». Столичные руководители получили урокъ. «Настроеніе пріѣзжихъ оказалось тѣмъ огромнымъ плюсомъ, который покрылъ всѣ недочеты Съѣзда и сдѣлалъ Съѣздъ тѣмъ, чѣмъ онъ теперь оказывается: настоящей эрой въ жизни кадетской партіи»...

Болѣе всего это было простою риторикой; руководители, явившись на Съѣздъ съ потерпѣвшей крушеніе тактикой, съ признаніемъ неудачъ, были удивлены и обрадованы, что партія ихъ не осудила. За это они кадили ей ѳиміамъ. Но, по правдѣ, удивляться своей побѣдѣ имъ не приходилось. Руководители давали отчетъ не странѣ, не избирателямъ, а только своимъ же партійнымъ товарищамъ, у которыхъ не было основаній быть умнѣе и проницательнѣе своихъ руко-

водителей. Они могли не бояться и потому не торжествовать отъ успѣха.

Но если смотрѣть на вопросъ глубже, было печально, что январскій съѣздъ сдѣлался *эрой* въ жизни кадетъ. Правительство насъ спасло отъ главной опасности, отъ революціи, но положеніе оставалось опасно. Кадетская тактика сорвала попытки Витте найти въ *общественности* опору своему министерству. Въ схваткѣ стараго режима и революціи побѣдило не общество, а государственный аппаратъ. У реакціи были теперь развязаны руки и это могло привести къ плохимъ результатамъ. Какъ вмѣсто 4-хвостки кадеты получили избирательный законъ 11 декабря, такъ вмѣсто «бельгійской» или «болгарской конституціи», на которыя разсчитывалъ Милюковъ, они рисковали получить конституцію, въ которой у представительства никакихъ бы правъ не было. Въ правительствѣ по винѣ самихъ кадетъ не было «общественныхъ дѣятелей», и обсужденіе конституціонныхъ реформъ происходило тайно отъ нихъ. А главное, событія ноября и декабря дали убѣдительный доводъ сторонникамъ Самодержавія; *конституція* никого не успокоила, а пріемы *стараго* режима порядокъ *возстановили.* Конечно, шансы конституціоннаго строя не были бы *навсегда* погублены, если бы даже Манифестъ 17 октября былъ «взятъ назадъ» — но борьбу за него пришлось бы начинать сначала и въ худшихъ условіяхъ. Долгомъ искреннихъ конституціоналистовъ было сейчасъ возстановить то, что было можно, т. е. объединеніе и солидарность конституціоннаго фронта противъ сторонниковъ Самодержавія. А кадетская партія въ это время занимается тѣмъ, что *подрываетъ* авторитетъ будущей Думы и объявляетъ, что органически въ ней работать *нельзя;* признавая, что «октябристамъ» и партіи правового порядка придется отстаивать конституцію, они этимъ партіямъ *желаютъ* сдѣлаться «черною сотнею». Пусть наряду съ этимъ партія показала словесную ловкость и свои постановленія лишила всякаго реальнаго смысла. Но этотъ партійный

«успѣхъ» былъ столь же характеренъ, сколь и печаленъ. Партія показала, *на что* ея силы уходятъ. Если кадеты обнаружили мало искусства въ политикѣ, то большой талантъ въ «политиканствѣ», въ умѣніи создавать «комбинаціи» и «видимости» и ничего неговорящія формулы. Этой тактикѣ они и впередъ не измѣняли. Партія стоила большаго. Только она не хотѣла признать, въ чемъ ея главная сила. Этому могли бы ее научить хотя бы ея избиратели.

Глава XXI.

ДОСТОИНСТВА И ЗАСЛУГИ К-Д. ПАРТІИ.

Политическая сила каждой партіи не въ числѣ ея записанныхъ членовъ, а въ довѣріи, которое она внушаетъ непартійной, т.-е. *обывательской* массѣ. Это довѣріе основывается не на программѣ, не на резолюціяхъ Съѣздовъ, которыми интересуется только партійная пресса, а на самостоятельномъ сужденіи, которое составляетъ себѣ о партіи *обыватель*. Оно часто не совпадаетъ ни съ мнѣніемъ, которое имѣетъ о себѣ сама партія, ни съ тѣмъ, которое она о себѣ стремится внушить. Сужденіе обывателя проще. Еще до войны я какъ-то говорилъ о политикѣ съ крестьянами нашей деревни. «Мы въ деревнѣ кое-что смекаемъ — сказалъ одинъ пожилой крестьянинъ, знавшій меня еще мальчикомъ. Развѣ мы не понимаемъ, что Вы съ Николаемъ Алексѣевичемъ (мой братъ — тогдашній Министръ Внутреннихъ Дѣлъ) *въ разныя стороны тянете*». Крестьянинъ не имѣлъ понятія о кадетской программѣ, о резолюціяхъ Съѣздовъ, вѣроятно даже о томъ, какой я самъ партіи. Чтобы высказать *такое* сужденіе, въ общемъ справедливое, эти подробности были ему ненужны.

Несмотря на мое скептическое отношеніе къ тактическимъ пріемамъ партіи, я долженъ признать, что ей очень рано удалось внушить къ себѣ *это довѣріе* обывателей. Это чувствовалось еще до выборовъ 1906 года.

Появленіе партіи на свѣтъ, опубликованіе ея программы въ газетахъ сопровождалось немедленнымъ успѣхомъ. У меня, какъ и у всѣхъ, обрывали звонки съ просьбами въ нее записать. Просили объ этомъ люди, отъ которыхъ всего менѣе этого можно было бы ждать. Я въ другомъ мѣстѣ разсказалъ, какъ Ѳ. Н. Плевако добивался вступленія къ намъ, и какъ я самъ въ этомъ ему помѣшалъ. Когда я старался ему показать, что онъ не можетъ принять *нашей* программы, онъ только смѣялся: «программа мнѣ не интересна, это предисловіе къ книгѣ. Кто его читаетъ?» Черезъ нѣсколько недѣль онъ вошелъ въ октябристскую партію, а позднѣе былъ отъ нея и членомъ Государственной Думы. Помню, какъ къ намъ немедленно записалось нѣсколько судебныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ Н. Н. Чебышевъ. Я хорошо зналъ, что по всей своей идеологіи онъ къ намъ не годился. Но онъ мнѣ не вѣрилъ, въ партію записался и оставался въ ней до циркуляра Министра юстиціи, который запретилъ чинамъ своего вѣдомства участвовать въ какихъ бы то ни было политическихъ партіяхъ.

Успѣхъ партіи проникъ и въ массы, гдѣ ни парламентаризмомъ, ни Учредительнымъ Собраніемъ не интересовался никто. Кокошкинъ съ радостью мнѣ подчеркивалъ, какъ «демократизируется» кадетская партія. Онъ былъ правъ. У меня какъ-то были кліенты изъ простонародья; мы естественно заговорили и о политикѣ — и они мнѣ сказали, что у нихъ, на Мѣщанской, всѣ собирались голосовать за партію, мудренаго имени которой они произнести не умѣли. Лишь побочными вопросами я убѣдился, что это была наша «кадетская» партія.

Вѣрно опредѣлить причины успѣха к. д. партіи въ массахъ — значило бы спасти себя отъ многихъ ненужныхъ иллюзій и ложныхъ шаговъ. Но наши руководители вѣрили, будто выборы опредѣляютъ «волю народа», а воля выражается въ «партійной программѣ».

Сколько времени было напрасно потрачено на никому

ненужные споры о пунктахъ программы! Но и детальность нашей программы и непримиримость, съ которой къ ней партія относилась, только показывали, что серьезно на нее не глядѣли. Это кажется парадоксомъ, но это такъ. Когда въ опредѣленныхъ параграфахъ партія, въ видѣ исключенія, допускала свободу двухъ мнѣній (такъ было сначала въ вопросѣ о женскомъ избирательномъ правѣ и о двухпалатной системѣ), то этимъ implicite признавалось, что по всѣмъ другимъ пунктамъ разномыслія *не допускалось*. Но что это значитъ? Вѣдь и остальные параграфы принимались часто не единогласно, иногда небольшимъ большинствомъ голосовъ. Нельзя же было думать, что голосованіе чье либо мнѣніе могло перемѣнить? А меньшинство изъ партіи не исключалось и само не уходило. Оно оставалось въ партіи, будучи съ какимъ-то пунктомъ программы ея несогласно. Самое право разномыслія по двумъ опредѣленнымъ параграфамъ, которое было сначала даровано, было позднѣе отобрано какъ «несовмѣстимое съ дисциплиною». И послѣ этого никто не ушелъ и не былъ исключенъ. Это показывало, что фактически разномыслія допускались. Иначе быть не могло; но зачѣмъ партія на неоспоримости своей программы настаивала? Это было младенчествомъ партіи, которая «игру» принимала въ серьезъ. Старые люди не понимали этого «требованія». Помню, какъ на кадетскомъ Учредительномъ Съѣздѣ старикъ М. П. Шешкинъ, который, доживъ до возрожденія Россіи, съ юношескимъ пыломъ принялся работать вмѣстѣ съ другими, принималъ участіе во всѣхъ подготовительныхъ работахъ и совѣщаніяхъ, этого усвоить не могъ; зная меня еще мальчишкой, онъ со мной не стѣснялся и шепталъ мнѣ на ухо: «зачѣмъ эта программа? Достаточно намѣтить *основное* направленіе партіи; развѣ можно навязывать ей конкретныя мелочи?» Онъ былъ правъ. Нельзя сидѣть въ одной партіи тѣмъ, кто стремится, если не возстановить Самодержавіе, то увеличить права Монархіи за счетъ представительства, и тѣмъ, кто мечтаетъ объ обратномъ процессѣ, о

введеніи парламентскаго строя, при которомъ не Монархъ управляетъ Но, если въ основномъ курсѣ согласны, зачѣмъ необходимо одинаково смотрѣть на то, какіе пути вѣрнѣе ведутъ къ данной цѣли? Зачѣмъ нужно единомысліе во взглядахъ на систему одной или двухъ палатъ, на принудительное отчужденіе чужихъ земель или прогрессивный налогъ на землю и т. п.? Единомысліе во всѣхъ мелочахъ нужно для созданія религіозныхъ сектъ, не для политическихъ партій. Партіи не претендуютъ на абсолютную истину, да истина и не отыскивается *большинствомъ голосовъ*.

Руководители партій смотрѣли иначе. Они тратили столько времени на споръ о программѣ потому, что именно въ ней видѣли существо партійнаго объединенія. Судя о другихъ по себѣ, они и въ другихъ предполагали къ программѣ одинаковый интересъ, думали, что программа обязательство, которое они приняли передъ страной и что отступиться отъ какого-либо пункта ея значило бы обмануть населеніе. Они не подозрѣвали, что сама страна о программѣ вовсе не думаетъ, и что въ этомъ отношеніи здравый смыслъ обывателей оказался ближе къ потребностямъ практической жизни, чѣмъ прилежная разработка пунктовъ программы.

Я объ этомъ могу судить какъ свидѣтель, такъ какъ въ партіи былъ самъ на амплуа «обывателя». Въ «Освободительномъ Движеніи» активно я не участвовалъ. Моими политическими друзьями и учителями были люди болѣе умѣренныхъ направленій. А въ сферахъ дѣятельности мои симпатіи со времени студенчества шли *только* къ легальной работѣ. Подполье мнѣ было противно. На к. д. Съѣздъ я самъ напросился и былъ очень обрадованъ, когда мнѣ дали возможность попасть туда отъ какой-то освобожденской ячейки.

Я раньше разсказалъ, какъ однимъ своимъ выступленіемъ я Съѣздъ противъ себя возмутилъ. Какъ могло оказаться, что я безъ права и претензій на это оказался выбранъ въ составъ Комитетовъ и Городского и Центральнаго? Для этого я вижу одну лишь причину, которая показываетъ, какъ въ

это наивное время было легко себѣ дѣлать карьеру. На Съѣздъ явилась полиція. Было глупо безпокоить нѣсколько десятковъ людей, мирно сидѣвшихъ въ домѣ кн. Долгорукаго, когда кругомъ разгоралась всеобщая забастовка; когда Университетъ былъ наполненъ дружинниками и на улицахъ происходили манифестаціи. Было смѣшно, что въ моментъ подобной анархіи придираются къ *намъ*. Полицію на этотъ разъ приняли въ палки. Предсѣдательствовавшій на собраніи Н. В. Тесленко отнесся къ ней какъ къ простымъ нарушителямъ тишины и порядка. Онъ не далъ приставу объявить о причинѣ его появленія, закричалъ, что слова ему не даетъ, что проситъ его не мѣшать и т. д. Мы дѣлали видъ, что засѣданіе продолжается. Я просилъ слова и кстати или некстати для нашей повѣстки, сталъ говорить объ отвѣтственности должностныхъ лицъ за беззаконія, доказывалъ, что по нашимъ законамъ вторженіе пристава должно влечь за собой для него «арестантскія роты» и т. п. Приставъ понималъ нелѣпость даннаго ему порученія, видѣлъ, что надъ нимъ смѣются въ лицо и ушелъ. Намъ наша «побѣда» была все-же пріятна; я раздѣлилъ лавры Тесленко и пріобрѣлъ популярность. Потому когда въ концѣ Съѣзда начались выборы должностныхъ лицъ партіи и нѣкоторые изъ моихъ личныхъ друзей, замѣтивъ мое отсутствіе въ числѣ кандидатовъ, подняли за меня агитацію, они сопротивленія не встрѣтили, и я былъ выбранъ въ члены и Городского и Центральнаго Комитетовъ.

Мнѣ съ моимъ обывательскимъ настроеніемъ пришлось увидѣть, какъ работали партійные штабы, въ самые отвѣтственные моменты для партіи. Со многимъ я былъ несогласенъ, многаго вовсе не понималъ. Но нѣчто я въ партіи оцѣнилъ, и это нѣчто меня съ ней крѣпко связало. Связь была символичной связью «обывателя» съ «профессіоналами».

Работой, которая меня сблизила съ партіей и которой она связала себя съ *населеніемъ*, была ея «пропаганда». Послѣ 17 октября была установлена свобода и собраній и

слова. Обывательскія массы, которыя политическихъ собраній до тѣхъ поръ не видали, въ нихъ устремились. Этимъ воспользовались прежде всего революціонныя партіи; позднѣе и черносотенцы. Было необходимо и конституціоннымъ партіямъ защищать свои положенія. Партія к. д. за это взялась. Ея задачей стало разъяснять Манифестъ, котораго массы не понимали. Разъясненія незамѣтно перешли потомъ и въ избирательную кампанію. Передъ 1-ой Думой она ничѣмъ не отличалась отъ митинговъ. На «избирательныя собранія» ходилъ кто хотѣлъ, безъ соблюденія «правилъ о выборахъ». Только передъ II-ой Думой П. А. Столыпинъ настоялъ на неуклонномъ ихъ примѣненіи.

Въ этой митинговой кампаніи я принялъ самое живое участіе. Оно не ограничивалось личными выступленіями. Была организована «школа ораторовъ» и я былъ поставленъ во главѣ этой школы. «Ораторству» я не училъ; стараніе быть краснорѣчивымъ я всегда считалъ большимъ недостаткомъ. Но съ моими «учениками» мы обсуждали вопросы, которые намъ задавались на митингахъ и совмѣстно обдумывали, какъ на нихъ отвѣчать. Кругъ моихъ наблюденій этимъ очень расширился. Я узналъ, какъ реагируютъ массы на тотъ или другой аргументъ. Кто-то сказалъ: «если хочешь какой-нибудь вопросъ изучить, начни его преподавать». Я на себѣ испыталъ справедливость этого парадокса. Не знаю, былъ ли я полезенъ нашимъ ораторамъ; но *мнѣ* моя школа была очень полезна. Среди моихъ учениковъ были двое подававшихъ надежды. Одного не называю; онъ въ совѣтской Россіи; другой, проживающій здѣсь — Е. А. Ефимовскій. Опытъ этой школы помогъ впослѣдствіи составить и руководство, которое партія напечатала послѣ роспуска I-ой Государственной Думы. Литературную обработку его взялъ на себя А. А. Кизеветтеръ. Онъ одинъ поставилъ свое имя подъ этой брошюрой. Выпущенная на правахъ рукописи она попала въ руки враговъ. Стала извѣстна подъ именемъ «Кизеветтеровской шпаргалки»; и чуть ли не изъ-за нея Кассо не далъ Кизеветтеру каѳедры.

Агитаторская работа была поучительна. Мы учили, но и сами *учились*. Собранія выводили насъ за предѣлы интеллигенціи и сталкивали съ «обывательской массой». Въ этомъ словѣ обыкновенно подразумѣвалось нѣчто обидное. Такъ называли тѣхъ, кто не занимался «политикой», думалъ о *личныхъ* своихъ интересахъ, не подымаясь къ высотамъ гражданственности. Но на обывателяхъ держится государство; *они* опредѣляютъ политику власти. Наша русская обывательская среда, воспитанная Самодержавіемъ, политически неразвитая, въ прошломъ запуганная, а въ настоящемъ сбитая съ толку, была поставлена лицомъ къ лицу съ новой задачей — принять участіе въ управленіи государственной жизнью. Въ эпоху «освободительнаго движенія» эта среда съ удовольствіемъ слушала, какъ другіе за нее говорили; непримиримые лозунги нравились ей своей смѣлостью и «дерзновеніемъ»; но они ей не казались серьезными. Это были какъ бы *крики* на улицахъ, политическія междометія, которыми ««душу отводятъ». Но когда совершилось преобразованіе строя и обыватель увидѣлъ, что у него дѣйствительно будетъ право голоса въ своемъ государствѣ, онъ отнесся къ этому съ той добросовѣстностью, съ какой когда-то отнесся къ своему участію въ судѣ присяжныхъ. Онъ понималъ, какъ мало подготовленъ къ задачѣ, которую Верховная Власть теперь передъ нимъ ставила, но *заинтересовался* этой задачей . И на нашихъ глазахъ при нашемъ участіи стало происходить политическое его *воспитаніе*.

На собраніяхъ у насъ была своя публика. Интеллигенція приходила въ небольшомъ количествѣ, либо принимать участіе въ преніяхъ, либо смотрѣть за порядкомъ. Ей эти собранія были уже неинтересны. И по нимъ можно было увидѣть, какъ интеллигенціи мало въ Россіи. Нашими посѣтителями была сѣрая масса; по профессіи приказчики, лавочники, ремесленники, мелкіе чиновники; по одеждѣ чуйки, армяки, кафтаны, пиджаки безъ галстука. Съ благодарностью вспоминаю этихъ скромныхъ людей, сидѣвшихъ

въ первыхъ рядахъ, приходившихъ для этого задолго до начала, не уходившихъ до самаго конца и слушавшихъ все время съ напряженнымъ вниманіемъ. Эти люди заинтересовывались впервые тѣмъ, что имъ говорили; приходили послушать, поучиться и послѣ подумать.

Было благодарное дѣло помогать этимъ людямъ. Не затѣмъ, что наскокомъ провести желательную для насъ резолюцію, а чтобы помочь имъ разобраться въ сумбурѣ, который наступилъ въ ихъ головахъ послѣ крушенія привычныхъ понятій. Паденіе Самодержавія, привлеченіе обывателя къ управленію, свобода въ обсужденіи недавно запрещенныхъ вопросовъ — были перемѣной, которую очень долго приходилось только усваивать. И въ этомъ мы обывателю помогали.

Политика есть «искусство достигать намѣченной цѣли наличными средствами»; кадетской партіи было полезно изъ общенія съ массами узнать, что массы изъ себя представляютъ и чего онѣ добиваются. Если бы мы на *это* обращали больше вниманія, мы избѣгли бы многихъ ошибокъ.

Что думалъ тогда обыватель?

Онъ былъ недоволенъ, былъ въ оппозиціи. Могло ли быть иначе? Вѣдь 80 и 90-ые годы пошли вразрѣзъ естественному ходу развитія, на который Россія вступила въ 60-ые. Крестьянинъ о крѣпостномъ состояніи уже забылъ, составлялъ себѣ имущество внѣ надѣльной земли, а его попрежнему подчиняли земской общинѣ. Росъ промышленный капиталъ, получилъ въ жизни страны преобладающее значеніе, а мѣстное самоуправленіе строилось на одномъ только землевладѣніи. Была безконтрольная государственная власть, на которую нигдѣ управы найти было нельзя и передъ которой всякій подданный былъ беззащитенъ. Обыватель не могъ бы формулировать конкретныхъ обвиненій противъ существовавшаго строя, но понималъ, что власть его *не* защищаетъ и о его бѣдахъ забыла. Если вездѣ за соціальную несправедливость отвѣтственность возлагаютъ на власть, то въ Россіи это было естественнѣе и правильнѣе,

чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Нигдѣ власть государства не была такъ всемогуща. Она ни отъ кого не зависѣла, не допускала ни свободы, ни критики, ни самодѣятельности. Поэтому она одна и должна была за все отвѣчать, и каждый за свои бѣды винилъ именно *власть*. Но хотя онъ ее обвинялъ, онъ долго не видѣлъ средствъ съ ней бороться. Но въ началѣ 20 вѣка началась перемѣна. На глазахъ у обывателя власть зашаталась. Она не только была побита въ Японской войнѣ, она зашаталась внутри. Впервые пришлось допустить критику, которая многимъ раскрыла глаза, и власть стала сама говорить о необходимыхъ реформахъ. Когда началось «Освободительное Движеніе» она ему пыталась противиться и тѣмъ брала на себя отвѣтственность за то, что все оставалось попрежнему. Обыватель понялъ, что прежнее господство власти кончилось, что она признала себя побѣжденной, что отъ самой страны зависитъ ближайшій ходъ дѣлъ; и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ *перемѣнъ*.

Онъ понятія не имѣлъ, въ чемъ эти перемѣны должны заключаться; но основное ихъ направленіе схватывалъ ясно. А. А. Кизеветтеру принадлежала прекрасная формула; онъ возвѣщалъ «политическую свободу и соціальную справедливость». Это было именно тѣмъ, чего всѣ ожидали. Обыватель хотѣлъ, чтобы о немъ, о несправедливости его положенія власть бы подумала, чтобы онъ имѣлъ возможность кому-то нужды свои заявлять. Какъ практически ихъ удовлетворить, какъ скоро и какъ далеко нужно идти, онъ мало заботился. Онъ предпочиталъ синицу въ руки журавлю въ небѣ. Радикальность нашей программы, не казалась ему *недостаткомъ*. Онъ аплодировалъ ей, какъ аплодировалъ и тѣмъ, кто шелъ еще дальше насъ и кто за нашу умѣренность на насъ нападалъ. Но интересовали его не интеллигентскіе коньки, не Учредительное Собраніе, не 4-хвостка, не неправоспособность цензовой Думы, не однопалатность, не парламентаризмъ. Все это было интеллигентское дѣло; онъ хотѣлъ перемѣнъ менѣе громкихъ, но болѣе *доступныхъ* и *реальныхъ*.

Упреки намъ за умѣренность, заманчивыя обѣщанія могли бы легко перетянуть обывателя влѣво, если бы въ обывательской психологіи не было другой основной черты: обыватель не хотѣлъ ни безпорядковъ, ни Революціи. Этимъ онъ рѣзко отличался отъ идеологіи самихъ интеллигентовъ, въ которыхъ было такъ сильно восхищеніе передъ Революціей и ея героизмомъ. Правда враждебное отношеніе къ *революціонерамъ* обыватель давно потерялъ. Уже миновало то время, когда онъ «вязалъ имъ лопатки». Но побѣды ихъ онъ *не* хотѣлъ. Потому ли, что въ немъ не вовсе исчезло уваженіе къ исторической власти, потому ли, что онъ не вѣрилъ въ успѣхъ Революціи, или понималъ, какъ тяжело отражается всякій безпорядокъ на его обывательскихъ интересахъ — но перспектива Революціи его не соблазняла. Тѣ программныя обѣщанія, которыя не могли быть осуществлены безъ паденія власти, его не заманивали; въ нихъ онъ инстинктивно чувствовалъ Революцію со всѣмъ тѣмъ, чего онъ въ ней опасался.

Здѣсь казался заколдованный кругъ. Обыватель не вѣрилъ существующей власти, но не хотѣлъ Революціи. Онъ отворачивался отъ тѣхъ, кто въ его глазахъ являлся защитникомъ власти; но революціонныхъ директивъ тоже не слушалъ. Онъ при реформахъ хотѣлъ сохранить не только порядокъ, но *прежній* порядокъ; хотѣлъ только, чтобы при немъ все пошло бы иначе.

На этомъ и создалась популярность кадетской партіи въ городской демократіи. Кадеты удовлетворяли этому представленію. Обыватель зналъ, что партія не стоитъ за *старый режимъ*, что она съ нимъ и раньше боролась. Когда наши «союзники слѣва» доказывали на митингахъ, что мы скрытые сторонники стараго, реформъ не хотимъ, стараемся спасти старый строй и свои привилегіи — такіе выпады противъ насъ обыватель встрѣчалъ негодованіемъ и протестами. Въ глазахъ обывателя мы несомнѣнно были партіей «политической свободы и соціальной справедливости».

Но зато кадетская партія приносила съ собою увѣренность, что эти реформы можно получить мирнымъ путемъ, что Революціи для этого вовсе не надо, что улучшенія могутъ послѣдовать въ рамкахъ привычной для народа Монархіи. Это было какъ разъ тѣмъ, чего обыватель хотѣлъ. Партія приносила вѣру въ возможность *конституціоннаго* обновленія Россіи. Рядомъ съ пафосомъ старой самодержавной Россіи, который уже не смѣлъ проявляться, съ пафосомъ Революціи, который многихъ отталкивалъ и уже успѣлъ провалиться — кадетская партія внушала ему пафосъ конституціи, избирательнаго бюллетеня, парламентскихъ вотумовъ. Въ Европѣ все это давно стало реальностью и потому перестало радостно волновать населеніе. Для насъ же это стало *новою вѣрой*. Именно конституціонно-демократическая партія ее воплощала. Лѣвые за это клеймили насъ «утопистами». Но кадетская вѣра во всемогущество конституціи находила откликъ въ обывательскихъ массахъ. Напрасно насъ били классическимъ эпитетомъ «парламентскій кретинизмъ». Обыватель былъ съ нами. Партія указывала путь, котораго онъ инстинктивно искалъ, и кромѣ насъ нигдѣ не видалъ. Путь, который ничѣмъ не грозилъ, не требовалъ жертвъ, не нарушалъ порядка въ странѣ. К. д. партія казалась всѣмъ партіей мирнаго преобразованія Россіи, одинаково далекой отъ защитниковъ стараго и отъ проповѣдниковъ революціи.

Этой нашей *заслуги* передъ Россіей и этой причины нашей притягательной силы партійные руководители не оцѣнили. 1905 годъ они считали «Революціей», а себя съ гордостью именовали «революціонерами». Немногіе признавали, что торжество либеральныхъ идей и конституціонныхъ началъ было гораздо больше связано съ сохраненіемъ Монархіи, чѣмъ съ побѣдой Революціи. Еще менѣе было ими сознано, что главная сила кадетской партіи была въ *этомъ* ея единомысліи съ населеніемъ, которое желанную перемѣну политики хотѣло получить въ рамкахъ Монархіи.

Руководители по-прежнему думали, что успѣхъ партіи въ томъ, что она *самая лѣвая*, что къ ней привлекаютъ ея *громкіе лозунги*, т.-е. полное народовластіе, Учредилка, парламентаризмъ, четырехвостка. Это заблужденіе намъ дорого сбошлось. Какъ я ни склоненъ былъ подчиняться нашимъ авторитетамъ, въ этомъ пунктѣ я имъ не уступалъ. У меня было для этого слишкомъ много личнаго опыта. Я былъ въ тѣ времена однимъ изъ популярныхъ митинговыхъ ораторовъ. Не я самъ напрашивался на выступленія; меня посылалъ Комитетъ по требованію партійныхъ работниковъ. Я выступалъ не только въ Москвѣ и Московской губерніи, а почти по всей Россіи. Вмѣстѣ съ А. Кизеветтеромъ и Ѳ. Кокошкинымъ мы были самыми модными лекторами. Очевидно взгляды, которые я излагалъ, въ обывательской и даже партійной средѣ противодѣйствія не встрѣчали.

Отдѣльные эпизоды доказываютъ это еще болѣе ясно. Для иллюстраціи приведу одинъ характерный примѣръ. Онъ относится къ эпохѣ, когда избирательная кампанія еще не началась и приходилось только объяснять Манифестъ. Я получилъ изъ Звенигорода настойчивую просьбу пріѣхать. Мѣстная управа была кадетская (Артыновъ, В. Кокошкинъ), но публичныя собранія, которыя тамъ организовывались, всегда кончались скандаломъ. Проявляли себя только фланги — лѣвый и правый; они тотчасъ начинали между собою ругаться и собранія этимъ срывали. Обо мнѣ въ Звенигородѣ сохранилась добрая память по Сельско-Хозяйственному Комитету и меня позвали «спасать» положеніе. Ѣдучи со станціи въ городъ я невольно сравнивалъ настроеніе съ тѣмъ, которое было три года назадъ. Теперь всѣ знали про митингъ и всѣ туда шли. Залъ былъ набитъ до отказа.

Меня предупреждали, что рѣзкое слово можетъ вызвать протесты той или другой части собранія. И я отъ полемики воздержался. Я говорилъ про Манифестъ, использовавъ слова знаменитаго старообрядческаго адреса, что «въ этой

новизнѣ намъ старина наша слышится». Разсказывалъ о земскихъ соборахъ, о томъ какъ они процвѣтали даже при Грозномъ; объ ихъ заслугахъ въ Смутное Время и при первыхъ Романовыхъ; какъ уничтожилъ ихъ Петръ, почему это было ошибкой и что изъ этого получилось. «Освободительное Движеніе» я объяснялъ желаніемъ возстановить сотрудничество народа и Государя, и доказывалъ пользу этого не только для страны, но и для Монарха. Все это было элементарно, но ново для обывательской массы. Передъ ней до тѣхъ поръ проходили либо защитники Самодержавія, увѣрявшіе, что Витте былъ купленъ «жидами», либо представители революціонныхъ партій, которые считали 9-ое января единственной причиной успѣха движенія, восхваляли «вооруженное» возстаніе и диктатуру пролетаріата. Меня слушали терпѣливо; но я видѣлъ, какъ росло сочувствіе обывателя, какъ мнѣ одобрительно кивали и прерывали аплодисментами. Фланги имѣли успѣхъ только благодаря пассивности центра; если центръ былъ захваченъ, они были безсильны. Когда послѣ моей рѣчи начались пренія и рядъ ораторовъ обрушился на меня справа и слѣва, то средняя масса собранія оказалась со мной, яростно мнѣ аплодировала и прерывала моихъ оппонентовъ негодующими возгласами и криками «ложь». «Обыватель» откликнулся на призывъ нашей партіи, и онъ оказался настолько сильнѣе противниковъ, что вечеръ кончился нашимъ полнымъ тріумфомъ.

Я взялъ одну иллюстрацію, наиболѣе запомнившуюся. Но ихъ было много. Помню общее впечатлѣніе; аудиторія была довольна, когда вмѣсто революціоннаго переворота я изображалъ исторію послѣдняго времени какъ возвращеніе къ нормальнымъ путямъ, когда конституцію представлялъ, какъ освобожденіе Царя отъ подчиненія одной бюрократіи и когда для достиженія нашихъ желаній оказывалось достаточно легальныхъ путей, а столкновеній съ исторической властью не требовалось. Восхваленія 9 января, забастовокъ,

вооруженныхъ возстаній въ сравненіи съ той работой, которая намъ предстояла, не казались серьезными.

Конечно, у насъ бывали неудачи. Но ихъ было немного. Они бывали только въ подобранной, уже распропагандированной *средѣ*. Тамъ намъ просто говорить не давали. Кизеветтеръ припоминаетъ въ своей книгѣ одинъ такой митингъ, гдѣ мы съ нимъ оба оказались безсильны и гдѣ положеніе своей демагогической напористостью спасъ М. Л. Мандельштамъ. Послѣ этого митинга многіе приходили комнѣ выражать негодованіе противъ тѣхъ, кто намъ говорить не давалъ. Иногда агитаторы приходили и къ намъ дѣлать шумъ, производить безпорядки, словомъ стараться сорвать засѣданіе. Это былъ символъ. *Большаго* сдѣлать они не могли ни на *избирательныхъ митингахъ*, ни во *всей Россіи*. Революціонеры и реакціонеры были маленькой кучкой, которая могла только пугать малодушныхъ. Обывательская же среда вѣрила *намъ*. Своей вѣрой въ мирный исходъ мы ее успокаивали и ей внушали довѣріе. Это сказывалось иногда совсѣмъ неожиданно. Помню такой эпизодъ. Я однажды ошибся этажемъ (въ школѣ на Домниковской улицѣ) и попалъ *на чужой лѣвый* митингъ. Ничего не подозрѣвая я усѣлся за предсѣдательскій столъ. Соціалъ-демократическій предсѣдатель обошелся со мной по-джентельменски; (вѣроятно въ уплату за такое же наше къ нимъ отношеніе). Когда я понялъ ошибку, онъ все-таки предоставилъ мнѣ слово; несмотря на то, что собраніе было не наше, я благополучно довелъ свою рѣчь до конца и имѣлъ тотъ успѣхъ, который не полагалось бы имѣть на лѣвомъ собраніи. Обывательская масса, которая была на этомъ собраніи, отозвалась на мою точку зрѣнія. Въ этомъ здоровомъ, успокаивающемъ вліяніи на широкія массы была кадетская заслуга и сила. Мы сдѣлали понятіе «конституціи» популярнымъ. Населеніе повѣрило намъ, нашимъ путямъ и нашей серьезности. Характерное явленіе. Присутствіе въ нашей средѣ бывшихъ представителей власти, богатыхъ и

знатныхъ людей, съ историческими фамиліями, какъ кн. Долгорукій, въ глазахъ обывателей оказывалось для насъ хорошей *рекламой*. Они были гарантіями, что все произойдетъ мирно и по хорошему. Обыватель цѣнилъ и любилъ этихъ спокойныхъ, видныхъ, богатыхъ людей, которые очевидно его на Революцію не позовутъ; какъ это было далеко отъ того позднѣйшаго настроенія, когда стали требовать «пролетарскаго происхожденія» и «тюремнаго ценза»! Наша партія казалась «министеріабельной» и естественно предназначалась быть во главѣ *тогдашняго* «прогрессивнаго блока», который медленно и осторожно сумѣлъ бы добиться уступокъ отъ власти и закрѣпить торжество конституціи. Именно *этого* широкія массы ждали отъ *насъ; насъ однихъ* они на это считали способными.

Конецъ 1905 г. усилилъ эти наши позиціи. Обывательская масса революціи не хотѣла, но тотъ торжественный гимнъ ей, который неумолчно съ лѣвой стороны раздавался, могъ внести смуту въ умы. Но въ декабрѣ всѣ получили предметный урокъ. Всѣ увидали, что Революція сопряжена съ жертвами, которыя лягутъ на всѣхъ, что она не военная прогулка, не праздникъ; всѣ увидали, во-вторыхъ, что агонизирующее правительство оказалось достаточно сильно, чтобы съ Революціей справиться. Явилась опасность, что реакція увлечетъ обывателей дальше, чѣмъ нужно и, что самая идея «конституціи» въ этомъ разочарованіи можетъ погибнуть.

Это новое положеніе партіи мало отразилось на январскомъ Съѣздѣ. Партія не хотѣла понять, въ чемъ ея *сила* и *долгъ*. Ея лидеры хотѣли представлять не «the man in the street», не «обывателя» (этимъ словомъ бранились), а только «сознательныхъ гражданъ» *). Для нихъ сочинялись

*) Я избѣгалъ этого слова на митингахъ, замѣнялъ его терминомъ Guizot «Juste milieu». Но однажды проговорился. Мой оппонентъ В. А. Майстрахъ слово мое подхватилъ, и сталъ говорить, что я

тѣ пустопорожнія резолюціи о запрещеніи въ Думѣ «органической работы», въ которыхъ наши лидеры видѣли нашу *кадетскую* линію. Мы какъ будто нарочно дѣлали все, чтобы потерять обывателя, уступить свое мѣсто у него «октябристамъ» и «правовому порядку», и остаться въ Думѣ простой «оппозиціей», представляющей интеллигентское меньшинство.

Но этого не случилось. Обыватель намъ все-таки по-прежнему вѣрилъ. Всѣ хитросплетенія, которыми мы утѣшали себя и своихъ, до него не дошли. Онъ на кадетскую пратію смотрѣлъ по своему, какъ на единственную партію, которая не только хотѣла блага народа, но и могла добиться его мирнымъ, а не революціоннымъ путемъ. И когда тотчасъ послѣ Съѣзда началась избирательная кампанія, она оказалась простымъ продолженіемъ разъясненія Манифеста; и надо сказать, что въ ней наши противники намъ помогли.

Помогла во-первыхъ неудачная тактика октябристовъ. Встрѣтивъ со стороны кадетъ принципіальную оппозицію, они поддались искушенію получить поддержку у правыхъ. Гучковъ публично это имъ предложилъ. Отъ конституціи онъ не отрекался; онъ пародировалъ крылатую фразу Тьера: «Монархія будетъ демократической по цѣлямъ, конституціонной по формѣ, или ея вовсе не будетъ». Съ правыми онъ думалъ идти вмѣстѣ только въ вопросахъ о единствѣ Россіи, о порядкѣ, объ усиленіи войска. Предложеніе идти вмѣстѣ съ правыми отъ октябристовъ обывателя оттолкнуло. Для обывателя это была слишкомъ тонкая тактика. Если онъ Революціей не увлекся, то въ старомъ режимѣ разочаровался давно. И возвращаться къ нему не хотѣлъ. Простому уму казалось несовмѣстимымъ стоять за «конституцію» и предлагать союзъ «правымъ». Изъ партіи конституціонной и либеральной, которая бы могла конкурировать съ нами,

---

оскорбляю тѣхъ, къ кому обращаюсь. Во избѣжаніе соблазна я сталъ за собою слѣдить, чтобъ не употреблять подобнаго слова.

октябристы превратили себя въ защитниковъ стараго. Они потеряли ту почву, на которой могли бы давать намъ сраженіе.

Еще больше помогла намъ тактика лѣвыхъ. По «геніальному» замыслу Ленина, лѣвые выборы бойкотировали и своихъ кандидатовъ не выставляли. Голоса ихъ сторонниковъ поневолѣ шли къ намъ. Но они сдѣлали больше; они аккуратно ходили на наши собранія, чтобы насъ «разоблачать». Какъ октябристы своимъ обращеніемъ къ правымъ, они не могли оказать *намъ* большей услуги. Нашей уязвимой пятой было наше двухсмысленное и непослѣдовательное отношеніе къ Революціи. Это подозрѣніе съ насъ снимали именно *лѣвые*.

Кадетскія собранія шли по шаблону. Докладчикъ начиналъ съ обличенія Самодержавія и его защитниковъ и развивалъ начала кадетской программы, ея идеалы «политической свободы и соціальной справедливости». Объ октябристахъ обыкновенно просто не было рѣчи. Послѣ доклада выступали лѣвые цѣлыми пачками. Безъ этого бы картина была не полна. Такъ какъ они кандидатами не были, то мы первые на нихъ не нападали. Но они насъ не оставляли въ покоѣ. Они упрекали насъ въ томъ, что мы неискренни, что наша мирная тактика самообманъ, что надежда на конституцію есть иллюзія и противополагали нашей тактикѣ возстаніе, низверженіе власти и пролетарскую диктатуру. Тогда въ заключительномъ словѣ докладчикъ хотя бы онъ былъ очень лѣвымъ кадетомъ, поневолѣ отмежевывался отъ Революціи, ея пріемовъ и легкомыслія. Вооруженное возстаніе и неудавшаяся всеобщая забастовка дали обывателямъ хорошій урокъ. Они цѣнили, что мы не топтали лежачаго, разбитыхъ революціонеровъ не трогали, но понимали, что когда насъ они задѣвали, то мы имъ давали отпоръ. Послѣ подобнаго вынужденнаго спора упрекъ въ сочувствіи Революціи былъ съ насъ уже снятъ. Обыватель только у насъ находилъ желанный исходъ.

коньки — Учредительное Собраніе, запрещеніе органической работы въ цензовой Думѣ никѣмъ не затрагивались; вопросъ ставился проще: старый режимъ, Революція или Конституція. Споры по отдѣльнымъ деталямъ, которые поднимались то слѣва, то справа, не могли скрыть отъ собранія, что рѣчь идетъ только объ этихъ трехъ основныхъ категоріяхъ. Тутъ обыватель былъ съ *нами*. Нашъ успѣхъ сталъ намъ скоро замѣтенъ, но и мы не ожидали, до какой полноты онъ дойдетъ. Выборы происходили не въ одинъ и тотъ же день всюду. Первыми были выборы по Петербургу. Помню, какъ въ этотъ вечеръ я выступалъ гдѣ-то въ Москвѣ. Предсѣдатель меня остановилъ для срочнаго сообщенія. Покойный И. Н. Сахаровъ, адвокатъ и кадетъ, прочелъ только что полученное изъ Петербурга извѣстіе, что тамъ на выборахъ повсюду прошли *кадетскіе* списки. Это было совсѣмъ неожиданно. Черезъ недѣлю буквально то же повторилось въ Москвѣ. При увлеченіи четырехвосткой это было особенно цѣнно. Выборы по большимъ городамъ наиболѣе приближались къ всеобщимъ. До 3 іюня тамъ голосовали всѣ куріи вмѣстѣ. Эти выборы были болѣе показательны, чѣмъ отъ губерній, гдѣ сначала голосовали по куріямъ и потомъ между выборщиками могли происходить соглашенія. Нельзя поэтому отрицать, что выборы въ городахъ наиболѣе характерны для настроенія массъ. И массы оказались съ кадетами; съ ними, какъ съ партіей. Выборы были тогда не прямые, гдѣ личная популярность избранныхъ могла сыграть большую роль, чѣмъ довѣріе къ партіи. По закону населеніе выбирало большое число мало извѣстныхъ выборщиковъ; и выбрало ихъ лишь потому, что списокъ былъ рекомендованъ партіей. Такъ именно *партія*, а не *лица*, получила въ городахъ вотумъ довѣрія. Впечатлѣніе усилилось тѣмъ, что это были вообще *первые* выборы. Впервые заглянули въ народную душу, взвѣсили политическія симпатіи населенія и власти-

телями думъ широкаго населенія оказались *кадеты*. Для многихъ это было совсѣмъ неожиданно; по Москвѣ баллотировались и правые, и октябристы. Отъ нихъ намѣчались люди очень извѣстные; такъ отъ правыхъ шелъ А. С. Шмаковъ, а отъ октябристовъ Ѳ. Н. Плевако. Отъ октябристовъ же шелъ человѣкъ не только давно всѣмъ извѣстный, но пользовавшійся уваженіемъ даже противниковъ Д. Н. Шиповъ. И эти люди не попали даже въ выборщики. Ихъ вездѣ побили кадетскіе списки.

Это было явленіемъ настолько значительнымъ, что многихъ сочувствующихъ намъ людей растревожило. Я въ этотъ день встрѣтилъ на улицѣ проф. Л. М. Лопатина, философа, немного не отъ міра сего, но передового и просвѣщеннаго человѣка, въ которомъ «кадетоѣдства» заподозрить было нельзя. Когда онъ услыхалъ отъ меня про результаты подсчета, онъ пришелъ въ ужасъ: «ну, это значитъ Революція». Онъ объяснилъ, что было бы ненормально и очень печально, если бы кадетъ въ Думѣ не было; но если они большинство, то они по необходимости будутъ добиваться и власти, а съ ихъ взглядами это неминуемое торжество Революціи. Можно было не быть такимъ фаталистомъ. Но одно было безспорно: ближайшая будущность русской конституціи зависѣла *опять* отъ кадетскаго поведенія. Они, которые такъ неудачно повели себя въ ноябрѣ, тогда укрѣпили реакцію, возвращались теперь *побѣдителями* и *представителями всего населенія*. Въ январѣ они сами обрекали себя на роль оппозиціи, предоставляя побѣду октябристамъ и партіи правового порядка. Но обыватель за нихъ постоялъ и вручилъ *имъ* судьбу конституціи. Это клало на нихъ обязательство. И партійный Съѣздъ ихъ, назначенный на конецъ апрѣля, за нѣсколько дней до созыва Государственной Думы, оказывался Съѣздомъ подлинныхъ побѣдителей, опредѣляющимъ моментомъ нашей политической жизни.

Глава XXII.

ЛЕГЕНДА О КАДЕТСКОМЪ ПРОТИВОДѢЙСТВІИ ЗАЙМУ.

Прежде чѣмъ перейти къ этому Съѣзду я дѣлаю отступленіе и разскажу о такъ называемомъ «кадетскомъ противодѣйствіи» займу 1906 года. Если объ этомъ эпизодѣ нужно разсказывать, то хронологически это возможно только теперь. И есть причины, которыя обязываютъ меня объ немъ разсказать.

Въ свое время обличеній было достаточно; но обличители точно не знали, *что* произошло. Это доказываетъ и книга гр. В. Н. Коковцова. Какъ всегда правдивый и точный, онъ написалъ, что въ 1906 году въ Парижѣ многіе ему говорили, что противъ займа *русскими ведется кампанія*, что Клемансо призналъ, что съ нѣкоторыми изъ этихъ русскихъ онъ лично бесѣдовалъ, что Фальеръ, Президентъ Республики, ему разсказалъ, что у него были двое русскихъ и протестовали противъ заключенія займа. Никто тогда именъ не называлъ. Только позже, по словамъ гр. Коковцова, «всѣмъ стало извѣстно», что къ Фальеру приходили кн. Долгорукій и гр. Нессельроде. Однако, когда уже въ 1919 г. Коковцовъ, встрѣтивъ Нессельроде въ Парижѣ, пытался узнать отъ него, въ чемъ заключалась тогдашняя кампанія противъ займа, Нессельроде предпочелъ не разсказывать. (Гр. Коковцовъ т. I, стр. 156).

Такъ гр. Коковцовъ ограничился передачею слуховъ, дѣйствительно въ то время ходившихъ; но онъ самъ добавилъ, что въ Думѣ въ отвѣтъ на его обвиненія, «со скамей оппозиціи неизмѣнно раздавалось одно заявленіе; опять Министръ Финансовъ разсказываетъ басни, которыхъ никогда не было». Поэтому версія гр. Коковцова ничего не утвержда-

ѣтъ и весь эпизодъ съ займомъ въ продолженіе 30 лѣтъ остававшійся тайной, могъ ей остаться.

Но въ послѣднее время эту легенду старался воскресить П. Н. Милюковъ *). Въ рядѣ статей, онъ уже *отъ себя* подтверждалъ, будто П. Д. Долгорукій и я въ Парижѣ «срывали заемъ»; будто Ц. Комитетъ партіи за это меня съ Долгорукимъ «своевременно дезавуировалъ». Милюковъ *могъ* знать, о чемъ другіе не знали, и ему на слово могутъ *повѣрить*. Могутъ поэтому счесть доказаннымъ, что мы съ Долгорукимъ дѣйствительно «вели кампанію» противъ займа, ходили къ Фальеру, были осуждены за это Комитетомъ партіи и послѣ этого однако въ немъ не постѣснились остаться.

Этого новаго и опредѣленнаго обвиненія я молчаніемъ пройти не могу, хотя бы ради памяти покойнаго П. Д. Долгорукаго.

Свѣдѣнія П. Милюкова ошибочны и очевидно недавняго происхожденія. На это послѣднее есть и неопровержимыя доказательства.

Во-первыхъ, въ сборникѣ «Право» можно прочесть отчетъ объ Апрѣльскомъ Кадетскомъ Съѣздѣ 1906 г. Въ разгаръ обличеній о займѣ, Предсѣдателемъ Съѣзда предложенъ былъ П. Д. Долгорукій. Н. И. Карѣевъ отъ имени Городского Комитета мотивировалъ это такими словами: «за послѣднее время это уважаемое имя трепалось, дѣлались попытки облить его потоками грязи; мы всѣ очень рады возможности *протестовать* противъ этого. Мы должны заявить, что нашимъ Предсѣдателемъ *долженъ* быть кн. Долгорукій». «Потоками грязи» и были инсинуаціи правыхъ газетъ о томъ, что Долгорукій «противодѣйствовалъ займу».

---

*) Эта глава была уже въ сверстанныхъ гранкахъ, когда Милюковъ въ № 5460 «Послѣднихъ Новостей» призналъ, что онъ ошибался и подтвердилъ мою версію. Считаю долгомъ это отмѣтить, хотя къ сожалѣнію всей главы по техническимъ условіямъ печатанія передѣлывать уже не могу

Предложеніе было принято при общихъ аплодисментахъ. Это понятный жестъ, если Долгорукій былъ молвой *оклеветанъ*. Но какъ можно было бы объяснить такую публичную ложь, если бы дѣйствительно было все то, что Милюковъ *утверждалъ*, т.-е. если бы Долгорукій не только сдѣлалъ то, за что его поносили, — но если бы за это онъ былъ даже *формально осужденъ* своимъ Комитетомъ?

Другой фактъ. Гр. Коковцовъ передаетъ (т. I, стр. 292), какъ въ 3-й Государственной Думѣ Милюковъ напалъ на него за заключеніе займа, незадолго до созыва Гос. думы; въ этомъ онъ видѣлъ «нарушеніе правъ» народнаго представительства. Я это помню. Въ отвѣтъ Коковцовъ вернулся къ кадетскому противодѣйствію займу и заявилъ, что пока онъ былъ въ Парижѣ «кадетскіе представители обивали пороги французскихъ властей, убѣждая ихъ не давать денегъ Россіи». Дума на это объясненіе отвѣтила радостнымъ гоготаньемъ. Милюковъ тотчасъ подалъ предсѣдателю записку. Я спросилъ: «что онъ хочетъ сказать?» Онъ отвѣтилъ, что этой клеветѣ надо разъ навсегда положить конецъ. Я совѣтовалъ ему не выступать. «Нельзя просто сказать, что все неправда; *кое-что* было». Милюковъ взялъ записку обратно и не выступилъ. Зачѣмъ онъ подалъ записку? Не собирался же онъ тогда ни насъ дезавуировать, ни назвать меня съ Долгорукимъ, какъ настоящихъ виновниковъ? Если бы это было такъ, почему было ему брать записку обратно? Не предполагалъ онъ также отрицать того, что дѣйствительно *было*, за что по его теперешнимъ словамъ *насъ* Комитетъ осудилъ? Это была бы публичная ложь. Онъ просто не зналъ *ничего*, и хотѣлъ искренно *все* отрицать. Послѣ засѣданія я ему и еще кое-кому (помню Шингарева и Щепкина) разсказалъ въ общихъ чертахъ, что было въ Парижѣ. Отдаю справедливость тогдашней корректности Милюкова; но почему онъ *теперь* говоритъ, будто насъ съ Долгорукимъ Центральный Комитетъ *осудилъ*?

Но какъ бы то ни было, если Милюковъ поддерживаетъ

эту легенду, не говоря въ то же время, *что* дѣйствительно было, я не имѣю права молчать. Я не могу этого сдѣлать иначе, какъ разсказавъ *все, что знаю*. Къ сожалѣнію, какъ увидитъ читатель, и я знаю не все, и вопросъ, *кто* и какъ въ 1906 году противодѣйствовалъ займу, послѣ моихъ воспоминаній окончательно не разрѣшится.

Немедленно послѣ выборовъ я поѣхалъ въ Парижъ. Съ давнихъ поръ я регулярно ѣздилъ туда на Рождество и на Пасху. Выборы были 26 марта въ Вербное Воскресенье; я выѣхалъ въ понедѣльникъ, когда результаты по Москвѣ стали извѣстны. Ѣхалъ просто для отдыха, на этотъ разъ послѣ выборной кампаніи особенно заслуженнаго. О займѣ не думалъ. Имъ я иногда пользовался на избирательныхъ митингахъ. Въ активѣ бюджета 906 г. стояла статья: 400 милліоновъ отъ будущихъ кредитныхъ операцій. Ненужно было быть финансистомъ, чтобы заинтриговаться подобнымъ «доходомъ». Въ своихъ выступленіяхъ я упрекалъ старый порядокъ за то, что интересы человѣка и общества онъ приносилъ въ жертву государству; что думалъ строить сильное и богатое государство на слабомъ и бѣдномъ обществѣ. Я показывалъ, къ чему привела эта политика. Военная сила государства не устояла противъ японцевъ. А о нашемъ богатствѣ свидѣтельствовала эта курьезная статья въ бюджетѣ. Этотъ аргументъ былъ по уровню и по вкусу публики. Но это было и все, что я говорилъ о займѣ. Помнится, что на январскомъ кадетскомъ съѣздѣ кто-то внесъ предложеніе заявить отъ имени партіи, что она платить по займамъ не будетъ; это было единодушно отвергнуто. О томъ, что я заграницей столкнусь съ вопросомъ о займѣ, я ѣдучи туда не имѣлъ представленія.

Въ поѣздѣ я встрѣтилъ П. Д. Долгорукаго; не помню, было ли между нами условіе ѣхать вмѣстѣ или это вышло случайно. Въ случайности не было бы ничего удивительнаго. Мой билетъ я заранѣе заказалъ на ближайшій день послѣ выборовъ; Долгорукій могъ сдѣлать тотъ-же расчетъ.

Впрочемъ мы не долго ѣхали вмѣстѣ. Я ѣхалъ въ Парижъ, онъ на Ривьеру; мы разстались въ Варшавѣ.

Долгорукій собирался позднѣе пріѣхать въ Парижъ и я ему оставилъ свой адресъ. Разговора о займѣ у насъ съ нимъ не было вовсе. Мы оба собирались отдыхать отъ всякой «политики».

Я не могу припомнить, кого я перваго встрѣтилъ въ Парижѣ; я всегда останавливался въ томъ-же отелѣ и по пріѣздѣ заставалъ кипу писемъ, назначеній встрѣчъ и т. д. Первые мои визиты бывали къ М. М. Ковалевскому, П. Б. Струве и К. В. Аркадакскому. Въ этотъ пріѣздъ они всѣ были въ Россіи, и слѣдовательно, это былъ кто-то другой; но это не важно. Помню только, что мнѣ сообщили, что меня здѣсь давно ожидаютъ, что здѣсь находится мой старый другъ С. Е. Кальмановичъ, у котораго въ честь замужества его дочери будетъ въ этотъ день много гостей; меня свели туда. Попутно мнѣ сообщили, что здѣшняя революціонная эмиграція очень занята вопросомъ о займѣ, переговоры о которомъ ведутся; что образовался Франко-Русскій Комитетъ для противодѣйствія займу; что всѣ удивляются, почему кадеты стоятъ въ сторонѣ, какъ будто это ихъ не касается; мой отвѣтъ, что въ Россіи объ займѣ не думаютъ — удивилъ еще больше.

Мой приходъ къ Кальмановичу вызвалъ сенсацію; оказывается, только въ этотъ день мнѣ была послана телеграмма съ просьбой пріѣхать. Было много народа, знакомыхъ и незнакомыхъ. Припоминаю, что былъ кто-то изъ Рейнаковъ, но не Жозефъ; меня познакомили съ Гильяромъ, журналистомъ, защитникомъ угнетенныхъ народностей, большимъ армянофиломъ; кажется онъ былъ и секретаремъ Лиги Правъ Человѣка. Я особенно его отмѣчаю, т. к. ему предстоитъ роль въ дальнѣйшемъ разсказѣ.

Хотя причиной вечера было семейное торжество, на немъ не избѣгли политическихъ темъ. Я только что пріѣхалъ изъ Россіи, гдѣ выборы дали побѣду конституціи, гдѣ

кадеты казались хозяевами положенія; я самъ былъ представителемъ *этого* направленія. Въ домѣ была и русская эмиграція, несравненно болѣе лѣвая, которая въ кадетахъ уже предвкушала «измѣнниковъ». Разговоры не обошлись безъ стычекъ и споровъ. Помню непріятное столкновеніе съ О. С. Миномъ. Стали говорить и о займѣ. Послѣ утренняго разговора этотъ вопросъ меня врасплохъ не засталъ. Парижская эмиграція въ вопросѣ о займѣ стояла на той же общей позиціи, на которой стояли въ Россіи не только лѣвыя партіи, но и много кадетъ. Всѣ они считали, что послѣ 17 октября Государь потерялъ право издавать законы единолично, безъ представительства. Для нихъ поэтому заемъ былъ *незаконенъ* и могъ быть впослѣдствіи Думой *не признанъ*. Эта мысль лежала въ основѣ той *кампаніи*, которая здѣсь велась. Эту общую точку зрѣнія я никогда не принималъ. Я считалъ Манифестъ не конституціей, а лишь обѣщаніемъ конституціи; надо было это обѣщаніе сдержать, октроировать конституцію, создать представительство и только тогда законъ изданный безъ согласія Думы можно было бы считать «неконституціоннымъ» и «недѣйствительнымъ». Но до этого юридически Монархъ обладалъ прежней неограниченной властью. Это была позиція, которую въ своихъ сочиненіяхъ развивалъ и покойный Н. И. Лазаревскій. Это относилось и къ займу. Помню какое раздраженіе я вызывалъ этимъ въ лѣвыхъ своихъ собесѣдникахъ, какъ меня упрекали за пристрастіе къ формальной законности и за «парламентскій кретинизмъ». Но я не сдавался. На этихъ идеяхъ я проводилъ свою избирательную кампанію; у меня не было основанія отъ нихъ теперь отказаться.

Иначе представлялся вопросъ «политически». Дума созывалась на 27 апрѣля; никто не могъ сомнѣваться, что при наличіи Думы для заключенія займа ея согласіе было бы нужно. Для «конституціонной», легальной борьбы Думы съ правительствомъ было выгодно имѣть въ рукахъ Думы

это средство; оно могло быть незамѣнимою размѣнною картой. Потому хотя заемъ и не противорѣчилъ закону, разрѣшеніе его наканунѣ созыва Думы было со стороны Французскаго Правительства актомъ недружественнымъ по отношенію къ представительству.

Разговоръ не ограничивался свадебнымъ пріемомъ у Кальмановича. Онъ возобновился, насколько помню, по иниціативѣ Гильяра. Я съ Комитетомъ не сходился во взглядахъ; отрицалъ главный ихъ аргументъ. Работать намъ вмѣстѣ было нельзя и я заявилъ это категорически. Послѣ отказа мнѣ казалось неудобнымъ разспрашивать не только, что *они* дѣлали, но даже *кто* въ этомъ Комитетѣ участвовалъ. Такъ я не зналъ этого ни тогда, ни теперь. Думаю, что Гильяръ входилъ въ Комитетъ, но навѣрно не знаю. Совсѣмъ недавно, когда я провѣрялъ свои воспоминанія, мнѣ сказали, да и то предположительно, будто С. Кальмановичъ былъ въ Комитетѣ Мнѣ онъ этого не говорилъ, и я не думаю этого. Кто былъ у Фальера, кто ходилъ къ Клемансо, кто представлялъ Россію въ томъ Комитетѣ, мнѣ и поднесь неизвѣстно. Это происходило *помимо* меня.

Въ этотъ пріѣздъ мой въ Парижъ я перевидалъ много французовъ. Въ Парижѣ стали интересоваться событіями въ Россіи, уничтоженіемъ Самодержавія и новымъ режимомъ. Я пріѣхалъ изъ Россіи съ ореоломъ «выборщика» отъ Москвы; меня разспрашивали и я разсказывалъ то, что зналъ и что думалъ. Меньше всего было разговоровъ о займѣ; я зналъ, что к. д. партія не вся держится *моего* взгляда на права Государя. Да и французовъ, которыхъ я видѣлъ, интересовало другое.

Среди этихъ разговоровъ на разныя темы Гильяръ обратился ко мнѣ съ просьбой изложить письменно мой взглядъ на заемъ. «Пусть съ Комитетомъ я не согласенъ, но нужно, чтобы и моя точка зрѣнія была понята». Я не отказался; я нехотѣлъ, чтобы мнѣ приписывали то, чего я не говорилъ. Мы

собрались, кажется, у Кальмановича, и я съ участіемъ Нессельроде написалъ коротенькую записку. Я придавалъ ей такъ мало значенія, что копіи у себя не оставилъ. Я не говорилъ ни о незаконности займа, ни о томъ, что Россія по нему не станетъ платить, ни о томъ, что она не сможетъ платить. Я указывалъ только, что этимъ займомъ Франція вмѣшивается въ борьбу страны съ властью на сторону власти и что по отношенію къ русскому народу это будетъ недружественный жестъ.

Записка была переписана и по просьбѣ Гильяра я подписалъ два, а можетъ быть три экземпляра. Ихъ взялъ Гильяръ. Я предоставилъ ему полную свободу дѣлать съ ними, что хочетъ. Не ведя кампаніи противъ займа, я не считалъ своимъ долгомъ займу *содѣйствовать*. Въ подписи я указалъ, что я выборщикъ по Москвѣ отъ кадетъ. Подписаться одной фамиліей казалось мнѣ претенціозно.

Во время разговоровъ, которые у меня происходили тогда, постоянно ставился вопросъ объ отношеніи Франціи къ новому русскому строю. Съ кѣмъ Франція — съ *нами* или съ *ними?* Помню, какъ всѣ намъ указывали, что либеральная Франція съ нами, а «реакція»—со старымъ режимомъ; будто это вызвало разногласія даже въ самомъ кабинетѣ. Надеждою лѣвыхъ въ немъ былъ Клемансо, впервые ставшій Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ кабинетѣ Sarrien; Пуанкаре былъ Министромъ Финансовъ, Буржуа — Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Гильяръ былъ личнымъ другомъ и большимъ почитателемъ Клемансо; nous sommes tous des vermiceaux devant lui — какъ-то сказалъ онъ. Однако, въ то время уже начинало проскальзывать мнѣніе, что Клемансо у власти окажется не тѣмъ, чѣмъ былъ въ оппозиціи. Я завтракалъ у Menard Dorian ; это было обязательнымъ крещеніемъ въ лѣвомъ Парижскомъ мірѣ. Клемансо былъ тогда въ этомъ салонѣ непререкаемымъ авторитетомъ. По частному поводу кто-то сказалъ со священнымъ ужасомъ; «Est-ce possible, que nous serons amenés à com-

battre Clemenceau?» Черезъ 12 лѣтъ въ этомъ самомъ салонѣ Клемансо сталъ ненавистной фигурой.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Парижъ Гильяръ передалъ намъ желаніе Клемансо насъ повидать; онъ сказалъ, что мою записку о займѣ онъ ему передалъ. По словамъ Гильяра, Клемансо насъ *самъ* приглашалъ. Не могу поручиться, что на дѣлѣ наоборотъ Гильяръ отъ нашего имени не просилъ аудіенціи. Вообще я не могу провѣрить, какъ Гильяръ использовалъ и мое присутствіе въ Парижѣ и мою записку. Но это неважно. Жалко, что я не могу возстановить точной даты нашего посѣщенія; весь мой пріѣздъ въ Парижъ длился не болѣе двухъ недѣль съ небольшимъ. Было бы интересно сопоставить наше посѣщеніе съ встрѣчей Клемансо съ гр. Коковцовымъ. (гр. Коковцовъ, стр. 154) Клемансо говорилъ ему про разговоръ съ его соотечественниками, которые иначе смотрѣли на заемъ, чѣмъ самъ Коковцовъ. Едва ли это могло къ *намъ* относиться; во время *нашей* бесѣды заемъ, по словамъ Клемансо, уже былъ *разрѣшенъ*. Приходится предположить, что у Клемансо были и другіе; это вполнѣ вѣроятно. Клемансо для нашихъ лѣвыхъ былъ тогда очень доступенъ; съ многими изъ нихъ онъ былъ лично друженъ; они могли видѣться съ нимъ частнымъ образомъ. Только для ихъ визита *къ Фальеру* имъ понадобилась военная хитрость.

Къ Клемансо кромѣ меня пошелъ Нессельроде и Кальмановичъ; не помню были ли они, какъ я, *поименно* приглашены. Но такъ какъ визитъ имѣлъ причиной мою записку, то естественно, что пошли тѣ люди, которые имѣли къ ней отношеніе. Съ нами пошелъ и приглашавшій насъ Гильяръ. Только позднѣе я понялъ, какъ все противорѣчило «протоколу». Клемансо, Министръ Внутреннихъ дѣлъ, членъ правительства, принималъ помимо правительства, за спиной Министра Иностранныхъ Дѣлъ какую-то русскую кампанію.

Самый визитъ облеченъ былъ въ необычайную тайну. Насъ провели задними ходами, и не въ министерскій кабинетъ, а въ маленькую комнату, съ входомъ сзади стола. Шли мы не черезъ главный подъѣздъ, а черезъ Канцелярію chef du cabinet, Винтера, личнаго друга Клемансо.

Разговоръ съ Клемансо я помню прекрасно. Онъ былъ длинный и интересный, но совсѣмъ не о займѣ. Съ займомъ мы покончили сразу. Клемансо сказалъ, что мою записку прочелъ, но что она опоздала. Постановленіе Совѣта Министровъ уже состоялось. «Что же Вы раньше молчали? Теперь дѣлать нечего. А разъ заемъ разрѣшенъ, то онъ непремѣнно будетъ покрытъ. Банки давно его весь расписали и они теперь сумѣютъ всучить его публикѣ. Да и какъ же иначе? Я самъ совѣтовалъ своей прислугѣ подписаться на этотъ заемъ. Не можетъ же всякій консьержъ по поводу займа дѣлать политику?» Но исчерпавъ нѣсколькими словами этотъ вопросъ Клемансо насъ не отпустилъ. Онъ самъ перешелъ къ тому, что очевидно было для него интереснѣй. Стало понятно, чѣмъ было вызвано его желаніе насъ повидать, если только это было дѣйствительно *его* иниціативой. Онъ до тѣхъ поръ видалъ либо оффиціальный русскій міръ, либо русскихъ революціонеровъ. Русскимъ революціонерамъ, какъ старый революціонеръ, онъ лично сочувствовалъ. Но, какъ человѣкъ реальный, политическаго значенія за ними не видѣлъ. Потому его заинтересовало увидѣть новую для него разновидность русскаго общества, представителей легальнаго либерализма, ведущаго Россію не къ революціи, а къ конституціонной монархіи. Ему хотѣлось посмотрѣть что это за люди, насколько можно съ ними считаться. Клемансо *намъ* дѣлалъ экзаменъ; иначе онъ не сталъ бы терять больше часу на бесѣду съ нами. Впрочемъ, онъ наблюденіемъ не ограничился. Темпераментъ его увлекъ. Какъ человѣкъ живой и экспансивный, онъ не могъ только слушать; онъ вступалъ съ нами въ споръ, давалъ намъ совѣты, которыхъ мы не просили, и они были столь же

характерны, сколько неожиданны. Старый якобинецъ, онъ смотрѣлъ на насъ съ сочувствіемъ человѣка видавшаго виды и не прочь былъ умѣрить нашъ пылъ. Какъ всегда былъ остроуменъ и блестящъ, сыпалъ парадоксами и афоризмами, но говорилъ совсѣмъ не въ томъ тонѣ, который можно было ожидать по его лѣвой репутаціи. Въ немъ уже обнаруживался тотъ реалистъ, который словами не увлекается и не боится смотрѣть правдѣ въ глаза, какимъ позднѣе онъ себя показалъ. Мы говорили о побѣдѣ либерализма въ Россіи, о томъ, что въ Думѣ сторонниковъ Самодержавія нѣтъ. Клемансо, не отрицая нашей побѣды, именно поэтому настойчиво рекомендовалъ намъ быть осторожными: «toute defaite est le commencement d'une victoire. Et toute victoire est le commencement d'une défaite». Онъ интересовался нашей программой, нашими намѣреніями на будущее время. Неодобрительно покачалъ головой, когда узналъ, что въ нашей программѣ четырехвостка. «Comment déjà?» Развѣ мы не понимаемъ, что всякій народъ надо долго учить и воспитывать, чтобы отучить его отъ предразсудковъ и невѣжества, прежде чѣмъ давать ему волю? Мы, французы, гораздо опытнѣй васъ. Но посмотрѣли бы вы, что такое нашъ народъ, что онъ недавно дѣлалъ, когда ходили составлять инвентарь въ его церквахъ. Ну что такое простой инвентарь? У нихъ ничего не отнимали, они между тѣмъ возставали и протестовали какъ сумасшедшіе. А знаете ли Вы, что такое suffrage universel? Мы то на него насмотрѣлись. Это будетъ соблазнъ для вашихъ префектовъ; они будутъ дѣлать выборы, а не вы. Вы не знаете, какова сила власти надъ неопытнымъ населеніемъ. Да посмотрите, что происходитъ у насъ». И тутъ же сообщалъ примѣры изъ собственной практики. Въ это время Франція готовилась къ выборамъ; Клемансо ими занимался. Онъ разсказалъ намъ, какъ вызывалъ къ себѣ префектовъ, какъ разспрашивалъ каждаго, кто является въ его департаментѣ кандидатомъ, у кого какіе шансы, какія давалъ имъ инструкціи и не

безъ гордости прибавлялъ: «Вотъ уже теперь послѣ этихъ разговоровъ съ ними положеніе стало лучше, чѣмъ было недавно; n'est-ce pas Winter? Любопытно, что онъ приходилъ въ ужасъ отъ нашего восторженнаго отношенія къ французской Революціи. Онъ, авторъ знаменитыхъ словъ, что Революцію надо брать «en bloc», считалъ ее *бѣдствіемъ*. Она хороша только издали. Я сталъ передъ нимъ защищать *ихъ* Французскую Революцію и ея «великихъ людей». Онъ разгорячился: Tout cela c'est de la legende; vous vous bourrez le crâne avec les grands hommes de la Revolution. Il n'y a pas de grands hommes; les hommes de la révolution étaient de simples braves gens comme nous tous. Pas davantage. Le torrent les a poussés et c'est tout. On ne résiste pas au torrent. Prenez garde de le déclancher; vous payerez longtemps cette folie, comme nous n'avons pas cessé de payer la nôtre." Онъ потѣшался надъ тѣми, кто думалъ что либо *предвидѣть* и тѣмъ болѣе *управлять* чѣмъ либо во время Революціи. „Tout peut arriver,, говорилъ онъ, excepté ce qu'on prévoit". Настойчиво рекомендовалъ осторожность и умѣренность; «не требуйте слишкомъ многаго, всегда уступайте въ томъ, что неважно, не ищите конфликтовъ». Я упомянулъ о существовавшемъ предположеніи дать первое сраженіе на вопросѣ о подпискѣ въ преданности Самодержавію, которую требовали отъ депутатовъ. Онъ схватилъ меня за руку: „ne faites pas ça. Qu'est-ce que ça vous coûte un vain mot? Ne discutez jamais sur le mot, que diable! Laissez leur les mots et les titres, attachez-vous à la chose". И когда въ концѣ разговора я указалъ, что именно въ интересахъ серьезной, но легальной борьбы со старой властью заемъ лишилъ насъ хорошаго оружія, онъ вздохнулъ: „Ah, je vous comprends! Vous voudriez tenir le gouvernement à la gorge. Que voulez-vous, il fallait y penser plus tôt."

Мы разстались съ Клемансо въ самыхъ казалось бы лучшихъ отношеніяхъ. Онъ жалѣлъ, что Франція мало знаетъ настоящую Россію, какъ впрочемъ ни одна страна не знаетъ

другой. Вотъ хотя бы Англія. Мы живемъ рядомъ, говорилъ онъ, и Англичане къ намъ ѣздятъ; мы къ нимъ не ѣздимъ, а они у насъ бываютъ цѣлыми толпами. И все-таки объ насъ понятія не имѣютъ. Выразилъ очевидно изъ вѣжливости надежду, что наша встрѣча не послѣдняя, что стоитъ намъ обратиться къ Винтеру и т. д.

Я передалъ отрывки этого длиннаго разговора потому, что онъ характеренъ. Въ немъ сказался настоящій Клеманco, котораго въ то время многіе не знали; когда я увидѣлъ позднѣе то, что онъ дѣлалъ во время войны, я этотъ разговоръ сталъ понимать лучше, чѣмъ раньше.

Какъ ни интересна и ни поучительна была бесѣда съ Клемансо, она не имѣла отношенія къ займу. Мы узнали, что съ нимъ все рѣшено и говорить о немъ нечего; не помня даты нашего разговора, не могу рѣшить, было ли это правдой, или только вѣжливымъ способомъ уклониться отъ разговора на эту непріятную тему. Но самый вопросъ казался покончennымъ; о немъ можно было больше не думать.

Въ этомъ я ошибся. Мы отъ него не отдѣлались. Нашлись люди, которые насъ старались использовать. Нессельроде пріѣхалъ ко мнѣ съ слѣдующей неожиданной новостью. Одинъ изъ старыхъ эмигрантовъ, полнымъ довѣріемъ въ лѣвыхъ кругахъ не пользовавшійся, узнавъ отъ кого-то про насъ, по собственной иниціативѣ отправился къ Анатолю Франсу и добылъ отъ него письмо къ Пуанкаре, который былъ тогда Министромъ Финансовъ. Анатоль Франсъ, называя наши имена, настойчиво рекомендовалъ Пуанкаре насъ принять. Пуанкаре назначилъ день для пріема и непрошенный посредникъ съ торжествомъ насъ объ этомъ увѣдомилъ. Помню наше негодованіе на эту безцеремонность. «Вѣдь все рѣшено. Зачѣмъ ходить къ Пуанкаре?» Аудіенціи мы не просили, а выходило, будто мы ея добивались. Нессельроде, передавая приглашеніе Пуанкаре, заявилъ, что самъ ни за что не пойдетъ; объ нашемъ визитѣ къ Клемансо уже болтаютъ по городу. Слухи дѣйствительно были, но

не полные и не точные. Въ нихъ были повинны мы сами. Передъ тѣмъ какъ идти къ Клемансо мы назначили встрѣчу въ кафе на углу Place Bauveau, гдѣ этого кафе уже болѣе нѣтъ. Мы разговаривали по-русски, не предполагая, что насъ могутъ понять; русскихъ въ Парижѣ было не столько, сколько теперь. По случайности въ кафе сидѣлъ кто-то изъ состава посольства и все услыхалъ. Итакъ Несельроде отказался идти. Кальмановичъ кажется уже изъ Парижа уѣхалъ. Мнѣ вообще идти не хотѣлось, а одному и подавно. Однако не хотѣлось быть и невѣжливымъ и къ Пуанкаре и къ Анатоль Франсу. Я колебался. Dans le doute abstiens-toi. И вѣроятно бы я не пошелъ. Но послѣдовалъ неожиданный coup de théâtre. Въ утро пріема, когда я сидѣлъ въ номерѣ еще не зная, какъ поступлю, ко мнѣ постучалъ Долгорукій, только что пріѣхавшій съ Ривьеры. Я очень обрадовался; наскоро разсказалъ ему, *что* безъ него произошло и предложилъ ему идти вмѣстѣ со мной. Онъ согласился не споря. Мы пошли вдвоемъ безъ Гильяра. Съ Пуанкаре нашъ разговоръ былъ коротокъ. Онъ сообщилъ, что Совѣтъ Министровъ рѣшилъ поставить условіемъ, чтобы занимаемыя русскимъ правительствомъ деньги могли бы расходоваться только съ разрѣшенія Государственной Думы. Онъ казался доволенъ, что могъ для насъ это сдѣлать и какъ будто ждалъ благодарности. Это былъ, конечно, съ его стороны благожелательный жестъ, но вполнѣ безполезный. Онъ только обидѣлъ наше правительство, какъ это видно изъ опубликованной теперь переписки; реальнаго значенія имѣть онъ не могъ. Хотя конституція еще издана не была, но Манифесты 17 октября и 20 февраля доказывали достаточно ясно, что расходованіе денегъ безъ согласія представительства не могло имѣть мѣста не въ силу условій поставленныхъ Франціей, а въ силу нашихъ законовъ. Весь визитъ продолжался нѣсколько минутъ; ни о чемъ насъ Пуанкаре не разспрашивалъ и мы ничего ему не говорили.

Вотъ и все, въ чемъ заключалась наша «кампанія» про-

тивъ займа. Она поднята большой шумъ въ печати. Но печать не была достаточно освѣдомлена, смѣшивала меня и Долгорукаго съ неизвѣстнымъ для нея Комитетомъ, и какъ нарочно всѣ конкретныя обвиненія формулировала такъ ошибочно, что позволяла намъ, не уклоняясь отъ правды, отвѣчать сплошнымъ отрицаніемъ. Когда газеты писали, что *я* былъ у Фальѐра, или что Долгорукій былъ у *Клемансо*, это было легко категорически опровергать. Благодаря этому создалось впечатлѣніе, будто мы совсѣмъ не причемъ; въ это, какъ я уже показывалъ, вѣрила партія, и искренно *все* отрицала.

Въ виду повторныхъ обвиненій, исходившихъ уже отъ Милюкова, я разсказалъ все какъ было, кажется ничего не забывши, хотя этому прошло 30 лѣтъ. Если *эти* наши дѣйствія называть «кампаніей», то легко быть «борцомъ» и даже «вождемъ». Въ Парижѣ тѣ, кто кампанію *велъ*, наоборотъ обвиняли насъ въ бездѣйствіи и были болѣе правы.

Но возстановивъ то, что было, я себя не оправдываю. Я не соглашался съ той постановкой вопроса, которую Комитетъ давалъ займу, но конечно былъ бы доволенъ, если бы заемъ неудался и его пришлось бы заключать съ согласія Думы. Мысли о томъ, что передъ лицомъ иностранцевъ Россія должна была быть едина и внутреннія распри забыть—была тогда мнѣ чужда. Но этой мысли было чуждо *все* освободительное движеніе, вся *традиція либерализма*. Если бы напримѣръ въ то время въ Парижѣ я путемъ интервью осудилъ бы кампанію противъ займа, заявилъ бы объ обязательной солидарности въ этомъ вопросѣ *народа съ правительствомъ*, то я вызвалъ бы противъ себя негодованіе всей русской общественности и былъ бы уже конечно кадетскимъ Комитетомъ дезавуированъ.

Правъ ли я въ этомъ предположеніи? Я напомню фактъ многимъ извѣстный. Въ 1908 г. уже послѣ 3-го іюня парламентская делегація ѣздила въ Лондонъ. Мы были тамъ не только членами партіи, а представителями новыхъ законо-

дательныхъ учрежденій. Насъ принимали оффиціальныя лица и сопровождалъ нашъ Посолъ. Тогда появилась въ рабочей газетѣ статья, принадлежавшая кажется Рамсаю Макдональду, гдѣ привѣтствуя *насъ* онъ осыпалъ упреками и бранью не только наше правительство, но и Государя. Въ Англіи, гдѣ національная солидарность передъ лицомъ иностранцевъ прочнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, эта статья по общему мнѣнію *требовала отъ насъ* возраженія. Если бы мы промолчали, мы бы провалились въ общественномъ мнѣніи. Мы собрались на совѣщаніе. Стаховичъ и Хомяковъ ставили ультиматумъ; если делегація промолчитъ, они изъ нея выйдутъ. Но Милюковъ *тогда возражалъ*. Споръ съ перерывами шелъ цѣлый вечеръ; наконецъ кончили компромиссомъ. Протестъ появился за подписью одного Хомякова, какъ предсѣдателя делегаціи.

Очевидно Милюковъ возражалъ потому, что понималъ впечатлѣніе, которое нашъ протестъ произведетъ на нашу «общественность». Въ этомъ онъ не ошибся. Я помню засѣданіе Комитета въ Петербургѣ, гдѣ этотъ шагъ делегаціи обсуждался. Помню рѣчь Колюбакина, который черезъ 6 лѣтъ доказалъ свой патріотизмъ своей смертью, но въ то время настаивалъ, что этотъ шагъ делегаціи противорѣчилъ нашимъ традиціямъ. Дѣло не лично въ Милюковѣ, который могъ смотрѣть иначе, а въ тогдашнемъ настроеніи общества. Въ 1906 г. я погрѣшилъ не *своимъ* личнымъ, а нашимъ *общимъ* грѣхомъ.

И потому теперешняя критика Милюкова несправедлива. Заднимъ числомъ не надо приписывать себѣ позднѣйшихъ настроеній. Либеральная общественность и въ частности кадеты переродились въ эпоху Великой Войны; недаромъ тогда примиреніе власти и общества стало возможно. Обѣ стороны почувствовали, что они нужны другъ другу. Въ 1906 году этого еще не было вовсе.

За кампанію противъ займа обвиняли всю кадетскую партію. Она была совсѣмъ не причемъ. Милюковъ со спо-

полной совѣстью могъ ее защищать. Но зачѣмъ онъ дѣлаетъ изъ насъ козловъ отпущенія и повторяетъ, что мы партіей были дезавуированы? Говоря о грѣхахъ меня и Долгорукаго, Милюковъ постоянно подчеркиваетъ, что мы были «дезавуированы». Это я отрицаю, не только какъ фактъ, но какъ простую возможность. Но что ввело въ заблужденіе Милюкова, въ чемъ недоразумѣніе? И вспомнивъ, что было, я нахожу объясненіе *этой* второй легендѣ. Но для того, чтобы ее объяснить, мнѣ придется говорить не о томъ, что было, а о томъ, «чего не было».

Послѣ свиданія съ Пуанкаре мы съ Долгорукимъ пробыли въ Парижѣ еще нѣсколько дней. Но за два или три дня до отъѣзда пришелъ Гильяръ съ новымъ предложеніемъ. Такъ какъ французское правительство рѣшеніе приняло, то съ этой стороны было нечего дѣлать. Но Франко-Русскій Комитетъ задумалъ обращеніе къ обществу, путемъ воззванія въ газетахъ и расклейки афишъ. Насъ спрашивали, согласны ли мы присоединить къ воззванію и наши подписи и дать ихъ не отъ себя лично, а отъ партіи? Только бы мы дали согласіе, остальное они все сдѣлаютъ сами и даже безъ насъ. А если мы не захотимъ подписать общее воззваніе, то не согласимся ли написать его отдѣльно? Всѣ хлопоты по печатанію и расклейкѣ они беруть на себя.

Этого, конечно, мы не хотѣли по самымъ разнообразнымъ мотивамъ. Но разъ обращались не лично къ намъ, а къ представителямъ партіи, имѣвшей большинство въ Государственной Думѣ, то было естественно, что мы не могли дать отвѣта безъ вѣдома партіи; нашимъ долгомъ было довести объ этомъ до ея свѣдѣнія, а не отказывать *за нее*. Время не терпѣло; черезъ 2—3 дня мы уѣзжали. Нельзя было запрашивать письмомъ. Можно было сдѣлать только одно: послать телеграмму. Мы это и сдѣлали. Зная наши порядки, медлительность обсужденій, мы могли быть увѣрены, что отвѣта тѣмъ болѣе блгопріятнаго, до своего отъѣзда мы получить не успѣемъ. Помню, какъ я все-таки подразнивалъ Долгору-

каго и спрашивалъ, что-же намъ дѣлать, если Комитетъ согласится?

Наша телеграмма, клеромъ, за нашими подписями была сама по себѣ верхомъ неосторожности и легкомыслія. Можно дивиться, что въ поискахъ за виновными, эту телеграмму никто не использовалъ. Мы противъ себя давали оружіе. Комитетъ эту нашу неосторожность осудилъ и намъ не отвѣтилъ. Онъ былъ правъ. Съ его стороны молчаніе уже было отвѣтомъ. Но осужденіе такой телеграммы къ своимъ не равносильно «дезавуированію» того, что мы *дѣлали*. И если *это* Милюкова ввело въ заблужденіе, то это все же легенды, которую онъ распространялъ, не оправдываетъ.

Но возвращаюсь къ разсказу.

Мы вернулись въ Москву ко дню, когда выборщики должны были выбирать депутатовъ Москвы.

Тутъ произошелъ инцидентъ, который получилъ отраженіе только во II-ой Государственной Думѣ. Депутатами были давно намѣчены отъ Москвы: Муромцевъ, Кокошкинъ, Герценштейнъ и Долгорукій. Но вмѣстѣ съ городскими выборщиками, которые всѣ были кадеты, по закону участвовали въ выборахъ и представители рабочей куріи, сплошь соціалъ-демократы. Благодаря избирательному закону ихъ голоса пропадали. Тогда былъ поставленъ вопросъ, не исправить ли недостатка закона и не уступить ли добровольно одно мѣсто рабочему? Партія на это пошла. Но для этого надо было пожертвовать однимъ изъ *своихъ* кандидатовъ. Муромцевъ и Кокошкинъ были внѣ спора; оставалось рѣшить между Долгорукимъ и Герценштейномъ. У каждаго изъ нихъ были сторонники. Комитетъ рѣшился пожертвовать Долгорукимъ, но не всѣ шли на это. Споръ могъ перейти въ коллегію выборщиковъ. Предсѣдатель избирательнаго собранія городской голова Н. И. Гучковъ изъ джентельменства, а можетъ быть, напротивъ, въ расчетѣ на расколъ среди насъ любезно предложилъ намъ перерывъ, если мы въ частномъ порядкѣ хотимъ посовѣтоваться. На оффиціальныхъ собра-

Для этой самоубійственной тактики у кадетъ было одно оправданіе. Не была опубликована конституція, въ рамкахъ которой ей предстояло работать. Было основаніе думать, что этой конституціи вовсе не будетъ. Милюковъ былъ въ этомъ увѣренъ и выставлялъ это какъ нашу побѣду. Тогда 27-го апрѣля лицомъ къ лицу стали бы двѣ противоположныхъ силы; историческая власть, которая уже умалила себя отреченіемъ отъ Самодержавія, и народное представительство, какъ единственный выразитель *воли народа*. Имъ предстояло бы совмѣстно написать конституцію, причемъ никакого исхода изъ несогласія между ними указано не было. Была неизбѣжность конфликта, который разрѣшился бы только соотношеніемъ «силъ». И можно понять тактику партіи, которая предвидя неизбѣжный конфликтъ на *конституціонномъ* вопросѣ торопилась заслужить сочувствіе населенія демагогическими законами о землѣ, о свободахъ и т. д.

Одно было все-таки непонятно. Какъ можно было серьезно вѣрить даже за три дня до созыва Думы, что правительство конституціи не обнародуетъ и само создастъ провокаторскую обстановку къ конфликту? Вѣдь созывъ народнаго представительства *безъ конституціи* повторилъ бы дебютъ французской революціи 89 г. Королевская власть и Etats Generaux тогда стояли другъ противъ друга съ исключающими другъ друга претензіями и безъ правовой почвы для ихъ примиренія. 23 іюня 89 г. король приказалъ въ силу своей исторической власти, чтобы собраніе разошлось *по сословіямъ*. Мирабо отвѣтилъ ему, что они здѣсь *по волѣ народа* и не разойдутся. Конфликтъ кончился въ пользу народа; но создала его сама власть, созвавъ народное представительство, не опредѣливъ первоначально его полномочій, хотя она имѣла полное право это сдѣлать. Можно ли было повѣрить, чтобы черезъ 120 лѣтъ наша власть повторила ту-же ошибку, уже единогласно осужденную всѣми историками? И повторила бы несмотря на то, что, какъ

всѣмъ было ясно изъ опубликованнаго проекта, выработкой конституціи правительство *занималась*. Сколько самомнѣнія надо было имѣть, чтобы вообразить, что кадетская газетная критика могла власть переубѣдить!

А между тѣмъ оказалось, что власть эту ошибку могла повторить. Объ этомъ я разспрашивалъ Витте и онъ самъ это разсказалъ въ своихъ мемуарахъ. Его разсказъ согласуется съ стенограммами Совѣщаній, въ которыхъ разрабатывались Основные Законы. Изъ нихъ обнаружилось, что созывъ Думы *безъ конституціи* для иныхъ казался возможнымъ. *Хотя* Основные Законы были уже утверждены Государемъ, съ «опубликованіемъ» ихъ не спѣшили. Государь ими былъ недоволенъ; они отняли у него титулъ «неограниченный». Были голоса за то, что эти законы вовсе ненужны, что достаточно «кодифицировать» Манифестъ 20 февраля, который опредѣлилъ права Государственнаго Совѣта и Думы, а что объема правъ Государя касаться не слѣдуетъ. Тогда статья 1-ая Основныхъ Законовъ, о томъ, что Самодержецъ Неограниченъ, осталась бы въ *прежней редакціи*. На этомъ конечно непремѣнно бы разыгрался конфликтъ, но правительство его не боялось; власть чувствовала себя сильнѣе Государственной Думы. Въ результатѣ конфликта была бы разсѣяна иллюзія, что у насъ — конституція и была бы вновь подтверждена «неограниченность» Самодержавія. Дума превратилась бы въ простой техническій аппаратъ. Вотъ чего хотѣла *реакція*. Правые во главѣ съ Горемыкинымъ настаивали передъ Государемъ, чтобы онъ не давалъ своего одобренія *конституціи*, какъ онъ его понапрасну далъ принципамъ Манифеста. Таковъ былъ планъ *реставраторовъ*. Онъ былъ не глупо задуманъ.

И этотъ опаснѣйшій планъ получилъ нежданную поддержку со стороны наивныхъ кадетъ. Мы видѣли, что кадетскіе лидеры неопубликованіе Основныхъ Законовъ поторопились счесть результатомъ *своей побѣды*. Какъ далеко это было отъ правды! Но воспоминанія Витте теперь пока-

зали, что кадеты кромѣ того старались помѣшать опубликованію конституціи и закулисными ходами. Тотъ же Д. Ф. Треповъ, который позднѣе повелъ переговоры объ образованіи кадетскаго министерства, передалъ Государю записку съ жестокой кадетской критикой текста Основныхъ Законовъ. Этой критикой переубѣдить Государя, конечно, было нельзя. Но зато она могла показать, что никакими уступками наше общество удовлетворить невозможно, что «октроированной конституціи» оно не пріемлетъ. Это могло бы сказаться для Государя очень убѣдительнымъ доводомъ, чтобы все оставить по старому въ надеждѣ на то, что въ случаѣ конфликта власть побѣдитъ. Если разсказъ Витте правиленъ, можно видѣть какую *опасную* закулисную игру играли кадетскіе лидеры. Повѣривъ въ свою непобѣдимость, они хотѣли конфликта. Въ случаѣ побѣды этотъ конфликтъ сдѣлалъ бы ихъ *на время* хозяевами положенія, хотя потомъ, какъ въ 1917 году, подчинилъ бы ихъ Революціи. А правительство *не боялось* конфликта, увѣренное, что *сила* была на его сторонѣ. Своей ставкой ва-банкъ кадеты могли только *похоронить конституцію*, въ честь или Самодержавія или Революціи.

Витте не безъ злорадства разсказываетъ, какъ кадеты ошиблись. Записка, которая могла поддержать интригу правыхъ противъ конституціи, эту интригу наоборотъ сорвала. Записка показала Государю, какъ глубокъ будетъ конфликтъ, на который онъ самъ толкаетъ страну, если Дума будетъ созвана *раньше* опубликованія конституціи. Кадетская критика заставила Государя съ опубликованіемъ конституціи поторопиться. Острыхъ положеній онъ не любилъ и предпочелъ конфликтъ предупредить. Чтобы избѣжать состязанія силъ между реакціей и революціей, онъ предпочелъ попробовать путь конституціи. Такъ за кулисами разыгралась символическая репетиція того, въ чемъ былъ историческій смыслъ событій этого времени.

Но если мы, рядовые кадеты, даже члены его Централь-

наго Комитета не знали о томъ, что наши лидеры дѣлали, то и лидеры сказались неосвѣдомленными о томъ, къ чему привела ихъ хитроумная комбинація и какъ они самооболь-щались, когда завѣряли на Съѣздѣ, что опубликованія Основныхъ Законовъ *бояться* теперь *не* приходится. Съѣздъ еще не окончился, хотя нѣкоторые его члены, въ томъ числѣ и я, уже уѣхали, когда 23 апрѣля Основные Законы были опубликованы.

Хотя это было только нормально и было бы удивитель-но, если бы этого не было, хотя эти законы и установили настоящую конституцію, но опубликованіе ихъ возбудило такое негодованіе, какъ будто и Россія, и партія, и страна дѣйствительно были обмануты. Съ точки зрѣнія здраваго смысла и соотношенія силъ опубликованіе конституціи бы-ло отраднымъ событіемъ, даже если бы конституція была и очень несовершенна. Ея преимущество было въ томъ, что она устанавливала наконецъ законный конституціонный по-рядокъ, клала предѣлъ возможному ходу назадъ и устраня-ла ту почву къ конфликту, который могъ бы имѣть только два конца, равно нежелательныхъ; торжество *Революціи* или реставрацію *Самодержавія*. Было поистинѣ счастьемъ, что Верховная Власть свое обѣщаніе исполнила и хотя въ послѣдній моментъ, но конституцію октроировала. Однако кадетскій съѣздъ посмотрѣлъ на это иначе. Смѣшно и грустно перечитывать велерѣчивый отчетъ «Права» о Съѣздѣ: «Въ буфетѣ, въ коридорахъ, пишетъ корреспон-дентъ, всюду сомкнувшіяся группы делегатовъ съѣзда об-суждающихъ это *невѣроятное* событіе; законъ читается и комментируется; лица напряженныя. Ясно, что именно этотъ фактъ составитъ центръ засѣданія... По тому впе-чатлѣнію, которое онъ оставилъ, онъ могъ бы можетъ быть сорвать всѣ остальные вопросы.» Выразителемъ настроенія съѣзда былъ П. Н. Милюковъ. Цитирую тотъ же отчетъ: «его коротенькая рѣчь нѣсколько разъ прерывается гуломъ не-смолкавшихъ аплдисментовъ, доказывающихъ какъ близко

затрагиваютъ его слова потрясенную событіемъ аудиторію». Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этой рѣчи: «совершилось событіе чрезвычайной важности. Наканунѣ дня открытія перваго собранія представителей русскаго народа, правительство сочло нужнымъ не только сохранить за собой *всю власть, которой оно пользовалось доселѣ* (!), но и поставить эту власть подъ особенную чрезвычайную охрану неприкосновенныхъ для Думы Основныхъ Законовъ. И это дѣлается въ тотъ моментъ, когда вся Россія успокоилась въ увѣренности, что мысль объ этомъ безумномъ покушеніи на права народа отброшена (!) *Сто лѣтъ Россія не нуждалась въ Основныхъ Законахъ, довольствуясь Законами объ Императорской фамиліи;* сто лѣтъ она могла жить безъ нихъ, а теперь въ нѣсколько недѣль, передъ тѣмъ какъ политическій строй страны уже мѣняется, правительство считаетъ нужнымъ создать ихъ. И какъ создать?.. Какъ тати въ тиши ночной, устранивши всякихъ спеціалистовъ по государственному праву, эти люди составили заговоръ противъ народа. Печать обнаружила эти приготовленія, это покушеніе съ негодными средствами, и вся Россія его осудила; мало того — осмѣяла... Мнѣ ненужно говорить, что такое эти Основные Законы. *Лучшее въ нихъ есть только ухудшеніе худшей части худшихъ европейскихъ конституцій» (!)*

Я привожу эту рѣчь какъ иллюстрацію тогдашняго ослѣпленія. Трудно вѣрить сейчасъ, чтобы это говорилось серьезно, какъ ни понятно негодованіе человѣка, который имѣлъ какое-то основаніе надѣяться, что Основныхъ Законовъ не опубликуютъ, считалъ это побѣдой своего тактическаго искусства и оказался въ этихъ надеждахъ обманутымъ. Но все же негодованіе и обида не должны были слѣпить *вовсе* глаза. Какъ можно было говорить, что конституція оставила за Монархомъ всю *прежнюю* власть? Какъ можно было отрицать необходимость издать конституцію только потому, что Россія жила сто лѣтъ безъ нея, доволь-

ствуясь учрежденіемъ Императорской фамиліи? Какъ можно было особенно Милюкову съ даннымъ имъ еще недавно Витте сов҃томъ принципіально отрицать права Монарха «октроировать конституцію?» Но если таково было настроеніе Съ҃зда, если подобная р҃чь могла вызвать аплодисменты, то конечно ни на какую лойяльную работу Думы нельзя было надѣяться. При такихъ настроеніяхъ о какой «органической работ҃» можно было бы говорить? Вм҃сто того, чтобы взять конституцію своей исходной точкой, безпристрастно ее изучить, обнаружить возможности какія она открывала и ихъ использовать въ предстоящей работ҃, Милюковъ ограничился гиперболой будто «лучшее въ ней есть ухудшеніе худшихъ сторонъ худшей изъ конституцій». Какъ судьба мститъ за подобныя реторическія преувеличенія! Пройдетъ н҃сколько л҃тъ и за эту конституцію будутъ держаться, охранять ее отъ всякихъ на нее покушеній и въ ней самой найдутъ основу для этого. Но тогда будетъ *поздно*. Сейчасъ же, когда же можно было сыграть спасительную конституціонную карту, кадеты предпочли играть въ 1-ой Государственной Дум҃ уже безнадежную карту Революціи. Они все д҃лали правильно и послѣдовательно, но все съ систематическимъ опозданіемъ. И первая Дума вм҃сто того, чтобы показать, какъ можно пользоваться конституціоннымъ порядкомъ, оказалась самой яркой страницей нашей политической неум҃лости.

Глава XXIV.

«ЛЖЕКОНСТИТУЦІЯ».

Конституція 23 апр҃ля 1906 года была послѣднимъ актомъ Самодержавія; черезъ 4 дня было созвано первое народное представительство и новый режимъ сталъ реальностью. Никто тогда, конечно, не ждалъ, что этому режиму

было суждено всего 11 лѣтъ жизни, изъ которыхъ три года пойдутъ на веденіе великой войны.

Изданіе новыхъ Основныхъ Законовъ было, конечно, нравственнымъ долгомъ Самодержавія. Оно не имѣло права покинуть поста, который нѣсколько вѣковъ занимало, на произволъ случая; если уступая настояніямъ общественности оно переходило къ конституціонной Монархіи, то оно должно было заранѣе опредѣлить, каковъ будетъ тотъ новый строй, которому оно свою прежнюю власть уступало. Люди безотвѣтственные могли требовать во имя очень спорной доктрины, чтобы судьба Россіи и вся ея будущность были вручены на волю Учредительнаго Собранія по 4-хвосткѣ; это было «скачкомъ въ неизвѣстное» и тѣ, кто бы Россію на это толкнули, потомъ за неудачу обвиняли бы только другъ друга. Но историческая власть за такой легкомысленный шагъ отвѣтственность ни на кого бы переложить не могла. И она исполняла свой долгъ, когда *сама* дала Россіи новый порядокъ.

Черезъ 11 лѣтъ послѣ этого тотъ же злополучный Николай II въ худшихъ условіяхъ отрекся отъ *трона*. Но тогда это было только его личное отреченіе. Ни существовавшихъ Основныхъ Законовъ, ни государственнаго порядка онъ не ломалъ. Послѣ его ухода оставалась прежняя «конституціонная Монархія» только съ новымъ Императоромъ во главѣ. Государь устранилъ только себя, понимая, что къ нему довѣріе уже потеряно. И онъ сдѣлалъ рѣшительно все, что въ тогдашнихъ условіяхъ могъ сдѣлать, чтобы облегчить задачу своему замѣстителю. Не его вина, если наша общественность вернулась тогда къ своему любимому Учредительному Собранію и убѣдила слабаго и, какъ она сама, безотвѣтственнаго Михаила отречься, отмѣнить всѣ Основные Законы и смѣну Монарха превратить въ настоящую Революцію. Вина Николая въ томъ, что онъ всецѣло повѣрилъ представителямъ общества, не понялъ, что предстоящее испытаніе не по силамъ одной нашей общественности, и что съ

ея приходомъ *къ власти* начинается гибель прежней Россіи.

Но въ 1906 г. дѣло обстояло не такъ. Историческая власть имѣла благоразуміе не послушаться тѣхъ, кто настаивалъ, чтобы Учредительное Собраніе сочиняло русскую конституцію. Власть *сама* ее написала. И этотъ послѣдній образчикъ творчества нашей оплеванной бюрократіи показалъ ея большое искусство. Конституція оказалась достойна тѣхъ, кто столь долгое время управлялъ государствомъ. Бюрократія показала умѣнье даже въ томъ дѣлѣ, въ которомъ у нея опыта не было, въ которомъ казалось бы именно общественность могла *свои* таланты использовать. Наоборотъ общественность показала безпомощность не только своимъ отношеніемъ къ этой бюрократической конституціи, но и полной негодностью тѣхъ собственныхъ конституцій, которыя она въ составѣ лучшихъ своихъ силъ приготовила.

Этихъ ея конституцій было двѣ — освобожденская и земская. Обѣ соединяли въ себѣ всѣ послѣднія слова демократическаго народоправства; обѣ передавали все управленіе въ руки одного *представительства:* заботились только о томъ, какъ историческую власть обезсилить и обезоружить. Если именно это было тогда нужно такой странѣ, какъ Россія, то цѣль была бы достигнута. Но при *такихъ* конституціяхъ *управлять Россіей* было нельзя; обѣ онѣ немедленно привели бы или къ реставраціи Самодержавія, или къ Революціи. Одного онѣ не могли бы: содѣйствовать укрѣпленію и упроченію конституціоннаго строя.

Кадетская партія, исходившая изъ этого идеала, полная вѣры въ то, что демократія въ концѣ концовъ не ошибается, встрѣтила Основные Законы съ негодованіемъ. Мы видѣли это на Съѣздѣ. Но скоро стало общимъ либеральнымъ канономъ, что «Основные Законы» — только «лжеконституція», что у насъ осталось «прежнее Самодержавіе», и что оно было свергнуто только Февральской Революціей. Въ партійной и вообще политической полемикѣ объ истинѣ мало

заботятся; ищутъ только успѣха. Но въ искренность этихъ утвержденій сейчасъ трудно повѣрить. Нельзя забывать, что за короткое время за 11, или вѣрнѣе за 8 лѣтъ существованія нашей «лжеконституціи» продолжался непрерывный политическій, культурный и матеріальный подъемъ Россіи, который былъ остановленъ только катастрофой сначала войны, а потомъ Революціи. Когда въ февралѣ 1917 г. «лжеконституція» наша погибла, началась и гибель Россіи. Конституція 1906 года была короткимъ просвѣтомъ между двухъ реакціонныхъ идеологій — Самодержавія и большевизма. Она начала воспитывать — увы, слишкомъ недолгое время — и нашу власть и наше общество; она внѣдрила въ русскую жизнь идею законности и подзаконности власти. Это рухнуло уже въ Февральской Революціи, которая возстановила «Самодержавіе» сначала Временнаго Правительства, а потомъ коммунистической партіи и ея главареіі — Ленина или Сталина.

Послѣ революціонныхъ подъемовъ обыкновенно бываетъ реакція и мой взглядъ на конституцію было бы просто объяснить банальнымъ «поправѣніемъ». Это не важно, но это не такъ. Я такъ думалъ и раньше и имѣю на то доказательства. Въ началѣ II-ой Государственной Думы я читалъ въ Петербургѣ въ пользу кадетъ публичную лекцію. Я взялъ темой Основные Законы 1906 г. Въ лекціи я доказывалъ, что конституція не такъ плоха, какъ про нее говорятъ и что съ ней можно многаго достигнуть. Эта лекція шла въ разрѣзъ съ общепринятымъ взглядомъ. Но я былъ тогда въ модѣ; для партійной прессы разносить меня было бы неудобно. Она промолчала. Но болѣе лѣвая пресса, газета А. А. Суворина «Русь» удивлялась и огорчалась. Еще позднѣе о несправедливомъ отношеніи общества къ конституціи я говорилъ въ другой публичной лекціи, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы», по личной просьбѣ ея редактора М. М. Ковалевскаго, который мою лекцію слушалъ. По-

тому мои взгляды не новы; но они были въ лѣвомъ лагерѣ одиноки. Въ немъ полагалось доказывать, что конституція 1906 г. есть «лжеконституція», «замаскированное Самодержавіе». Въ 3-й Государственной Думѣ П. Милюковъ сказалъ въ своей рѣчи, что ничего достигнуть нельзя, пока не будутъ сняты три замка, не введена 4-хвостка, парламентаризмъ и однопалатность. Вотъ какъ полагалось глядѣть либеральному лагерю. Безъ этихъ трехъ «реформъ» ничего добиться было нельзя. Это напомнило мнѣ изреченіе какого-то нѣмецкаго профессора: «первый признакъ неумѣлыхъ учениковъ это жалоба на инструменты».

Кто былъ авторомъ этой забракованной конституціи? На апрѣльскомъ Съѣздѣ Милюковъ сказалъ сгоряча: «бюрократія выработала Основные Законы, какъ тать въ нощи, безъ *участія спеціалистовъ*». Если бы это было дѣйствительно такъ, какой бы это былъ комплиментъ нашей осмѣянной бюрократіи! Но этому утвержденію трудно повѣрить. Конституціонная жизнь была все-таки областью, которая до тѣхъ поръ бюрократіи была совершенно чужда. При сочиненіи своей конституціи она вѣроятно не обошлась безъ содѣйствія теоретиковъ-спеціалистовъ. Бюрократія ихъ знанія сумѣла использовать и ихъ ошибки исправить. Витте былъ большой мастеръ на это. Одно только вѣрно; спеціалисты, если они и были, сыграли второстепенную, служебную роль; это были не тѣ популярныя имена, которыя могли бы быть авторитетами для нашей общественности.

Эта «октроированная конституція» обсуждалась въ экстраординарномъ порядкѣ. Черезъ Государственный Совѣтъ проектъ ея не проходилъ. Вмѣсто него подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя она обсуждалась въ Особыхъ Совѣщаніяхъ изъ лицъ Государемъ на то приглашенныхъ. Стенограммы ихъ сохранились. Они интересны; но картина, которую они даютъ, неполная и невѣрная. Присутствіе Государя, необходимость считаться съ его своеобразной психологіей отражались на преніяхъ. Уровень

ихъ вообще невысокъ. Обсужденія шли торопливо. Самъ благовоспитанный и вѣжливый Государь иногда бывалъ некорректенъ; онъ грубо оборвалъ показавшуюся ему слишкомъ длинной рѣчь проф. Эйхельмана словами: «намъ вѣдь еще много осталось разсмотрѣть... намъ надо дѣло это окончить сегодня... Пойдемъ дальше»... Пренія вообще не могли убѣдить никого; они были только характерны для говорящихъ, для ихъ настроеній, надеждъ и маневровъ. Настоящій историческій интересъ могли бы представить только тѣ записки и разногласія, которыя обнаруживались при изготовленіи самого *проекта* Совѣта Министровъ. Они помогли бы узнать, кто былъ настоящимъ творцомъ нашей конституціи и какія соображенія имъ руководили. Если былъ такой человѣкъ, онъ заслуживалъ, чтобы его не забыли.

Въ чемъ же была новизна и своеобразіе этой хорошо продуманной и благодѣтельной для Россіи конституціи 906 года?

Была ли она дѣйствительно конституціей или ее правильно честить «лжеконституціей», какъ это теперь стараются внушить лѣвыя направленія, начиная со многихъ кадетовъ? На чемъ это отрицаніе было основано? Прежде всего на томъ, что тогда это милое для интеллигентскаго сердца слово нигдѣ написано не было. На произнесеніи именно этого *слова* въ разговорѣ съ Витте настаивалъ Милюковъ, какъ на ультиматумѣ. И дѣйствительно этого *слова* сказано не было, а изъ стенограммъ Особаго Совѣщанія видно, что если его произносили, то только затѣмъ, чтобы «конституцію» *отрицать*. Такъ въ засѣданіи 16 февраля по поводу Учрежденія Государственной Думы Витте, возражая В. Н. Коковцеву заявилъ: «В. Н. желаетъ *конституціоннаго* порядка правленія, а я считаю, что этого нельзя... Я уже объяснялъ, что манифестъ 17 октября не установилъ конституціи». Эта придворная и недостойная вылазка, которая должна была бы придтись Государю по сердцу, вызвала однако справедливую реплику графа Палена: «Что

такое конституція? Графъ Витте сказалъ, что въ манифестѣ 17 октября никакой *конституціи* не содержится; не подлежитъ однако сомнѣнію, что Россія будетъ управляться по *конституціонному* образцу». Витте сталъ возражать уже графу Палену и опять неубѣдительно: «ни одинъ факультетъ университета, сказалъ онъ, не опредѣляетъ конституціи такъ, какъ графъ Паленъ. Прежде всего у насъ нѣтъ присяги на вѣрность установленному строю. Потомъ Государь Императоръ вводитъ этотъ строй по своей иниціативѣ. Какая же это конституція?» Слово конституція и позднѣе осталась запретнымъ. Даже П. А. Столыпинъ, который въ частныхъ разговорахъ не боялся этого слова, публично его не произносилъ. Самое большее, что онъ позволилъ себѣ— это назвать въ 3-й Государственной Думѣ существующій строй «представительнымъ». Любопытно однако, что противъ употребленія слова «конституція» самой Думой правительство не возражало; оно только само его не произносило. Но въ верхахъ, около трона, гдѣ въ терминахъ не разбирались, происходила полная путаница понятій. Наканунѣ февральской революціи Великій князь Павелъ Александровичъ ходилъ къ Государю убѣждать его дать «конституцію». Императрица въ письмѣ 2 марта 917 г. опасалась, что въ отсутствіи ея Государь можетъ подписать «бумагу съ конституціей». Теперешнія утвержденія нашихъ политиковъ объ отсутствіи конституціи курьезно совпадаютъ съ этими взглядами; однако невозможно вѣрить въ ихъ искренность.

Впрочемъ и въ самой Государственной Думѣ ставился этотъ странный вопросъ: есть ли у насъ *конституція?* Однажды это было предметомъ обстоятельныхъ и длинныхъ дебатовъ. Правительство отъ участія въ нихъ устранилось. Правые доказывали, что «конституціи» нѣтъ и мотивировали это тѣми же аргументами, которыми пользовался Витте въ Особомъ Совѣщаніи; лучшихъ быть не могло. «Конституціоналисты» и съ кадетскихъ скамей, и изъ

центра утверждали и были, конечно, правы, что конституція заключается въ ограниченіи закономъ правъ Государя, а не въ присягѣ, не въ порядкѣ введенія конституціи, не въ другихъ второстепенныхъ подробностяхъ. Основные Законы кадеты не называли тогда «лже-конституціей». Когда В. Н. Коковцовъ сказалъ свою знаменитую фразу: «Слава Богу, у насъ нѣтъ парламента», Милюковъ ему возразилъ: «Слава Богу, у насъ есть *конституція*». Послѣ такихъ заявленій, едва ли *ему* къ лицу сейчасъ отрицать, что у насъ *была* конституція.

Стоитъ Основные законы прочесть, чтобы убѣдиться, что они дали намъ *конституцію*. Это несомнѣнно уже потому, что они вычеркнули дорогое для Государя понятіе неограниченности. Это сдѣлалось не безъ упорной борьбы. Стенограмма Особаго Совѣщанія ее обнаруживаетъ. При обсужденіи статьи 4-ой Основныхъ Законовъ Совѣтъ Министровъ предложилъ вычеркнуть изъ прежняго текста терминъ «неограниченный». Этотъ именно терминъ ставилъ волю Монарха выше закона и тѣмъ отрицалъ «конституцію». По поводу исключенія этого слова и завязалось сраженіе. Обѣ стороны отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что рѣшается. Самъ Государь на этотъ разъ защищалъ свое мнѣніе. Обыкновенно свое рѣшеніе онъ высказывалъ въ концѣ безъ всякихъ мотивовъ. Но въ этомъ вопросѣ онъ началъ обсужденіе длинною рѣчью, которую кончилъ словами: «эта статья 4-ая самая серьезная во всемъ проектѣ. Вопросъ о моихъ прерогативахъ дѣло моей совѣсти, и я рѣшу, надо ли оставить статью, какъ она есть, или ее измѣнить». Онъ такъ излагалъ свое отношеніе къ ней: «меня мучаетъ чувство, имѣю ли я передъ моими предками право измѣнить предѣлы власти, которую я отъ нихъ получилъ. Искренно говорю Вамъ: вѣрьте, что если бы я былъ убѣжденъ, что Россія желаетъ, чтобы я отрекся отъ самодержавныхъ правъ, я бы для блага ея сдѣлалъ это съ радостью. Но я не убѣжденъ въ необходимости отрекаться отъ самодержавныхъ

правъ и измѣнять опредѣленіе Верховной Власти, существовавшее въ статьѣ 1-ой Основныхъ Законовъ уже 109 лѣтъ... Мое убѣжденіе, что по многимъ соображеніямъ гораздо опаснѣе измѣнять эту статью и принимать новое ея изложеніе, даже то, которое предлагаетъ Совѣтъ Министровъ». Такимъ образомъ Государь не скрылъ, куда клонились его симпатіи, чего онъ ждалъ отъ Совѣщанія и *какое* значеніе онъ придавалъ исключенію слова «неограниченный».

Начались пренія. Характерно для общаго тона собранія, что никто не пытался доказывать, что «неограниченное самодержавіе» оказалось вредно Россіи, что въ ея интересахъ было поставить самого Монарха въ рамки закона. Спорили только о томъ, въ какой мѣрѣ манифестъ 17 октября *предрѣшилъ* «ограниченіе» Самодержавія? Отрицать, что Манифстъ это сдѣлалъ, было нельзя. Иные открыто о томъ сожалѣли, но все же приходили къ заключенію, что разъ Манифестъ былъ обнародованъ, то слово «неограниченный» сохранять больше нельзя. Такую именно позицію краснорѣчивую въ своемъ лаконизмѣ, заняли оба Великихъ Князя, Николай и Владиміръ. «Манифестомъ 17 октября, заявилъ не безъ злорадства Великій князь Николай Николаевичъ, слово «неограниченный» Ваше Императорское Величество уже вычеркнули». На это немедленно отозвался Владиміръ: «Я согласенъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ». Люди менѣе высокаго положенія говорили еще яснѣе. Такъ графъ Паленъ сказалъ: «Я не сочувствую манифесту 17 октября, но онъ существуетъ. *До него* существовало Ваше неограниченное право издавать законы, но послѣ 17 октября помимо законодательныхъ учрежденій Вы не можете уже издавать законовъ сами; поэтому въ Основныхъ Законахъ слово «неограниченный» оставить нельзя». Еще категоричнѣе выразился Мин. Юстиціи знаменитый позднѣе реакціонеръ М. К. Акимовъ: «я тоже не сторонникъ свободъ данныхъ манифестомъ 17 октября. Но Ваше Величество добровольно себя ограни-

чили въ области законодательства. За Вами осталась власть только *останавливать неугодныя* Вамъ рѣшенія Совѣта и Думы. Тамъ, гдѣ власть не принадлежитъ полностью Императору, тамъ монархъ ограниченъ. Надо исключить слово «неограниченный». «Съ этимъ не спорилъ даже П. Н. Дурново; «слово «неограниченный» нельзя оставить, ибо это не будетъ соотвѣтствовать актамъ 17 октября и 20 февраля». Я цитирую только противниковъ реформы, не говоря о сторонникахъ, которые единогласно утверждали, что въ Основныхъ Законахъ терминъ «неограниченный» подлежитъ исключенію.

Государь встрѣтилъ поддержку только въ немногихъ, но ихъ поддержка была своеобразна. Ни одинъ изъ тѣхъ, кто защищалъ мнѣніе Государя (Горемыкинъ, Стишинскій, отчасти самъ Витте) не рѣшились совѣтовать сохранить въ Основныхъ Законахъ терминъ «неограниченный». Но къ этой цѣли они шли обходнымъ путемъ, рекомендуя вообще Основныхъ Законовъ не пересматривать. Такая лазейка была предложена Горемыкинымъ при самомъ переходѣ къ обсужденію 4-ой статьи. «Зачѣмъ намъ Основные Законы?» спрашивалъ онъ въ курьезномъ согласіи съ рѣчью Милюкова на кадетскомъ съѣздѣ. Перемѣнилось одно: порядокъ изданія законовъ. Съ юридической точки зрѣнія поэтому подлежатъ пересмотру только тѣ постановленія Основныхъ Законовъ, которыя опредѣляютъ порядокъ разсмотрѣнія и изданія законовъ. Что же касается объема верховной власти, порядка престолонаслѣдія, Учрежденія Императорской Фамиліи, то постановленія объ этомъ ни въ чемъ измѣнены не были до сихъ поръ. Ихъ не надо по-моему и передѣлывать въ настоящее время». Вотъ та точка зрѣнія, съ которой вопросъ объ ограниченіи власти Монарха и о введеніи конституціи можно было подмѣнить простой передѣлкой техническаго порядка законодательства. Любопытно, какъ этотъ аргументъ и это предложеніе были встрѣчены въ собраніи. Принципіальныхъ возраженій противъ умаленія этимъ

ктябьскаго Манифеста сдѣлано не было. Но за то многими было указано, что если сейчасъ не издать Основныхъ Законовъ, то Дума сможетъ въ *порядкѣ думской инициативы* сама заняться ихъ пересмотромъ. Разъ манифестомъ 20 февраля было уже объявлено, что починъ пересмотра Основныхъ Законовъ принадлежитъ одному Государю, то необходимо эти законы издать, чтобы устранить думскія на нихъ покушенія. Такова была позиція Витте. Онъ былъ правъ; здѣсь была альтернатива. Или издать Основные Законы, «октроировать» конституцію, но тогда можно и забронировать ее противъ думской инициативы. Или отъ этого уклониться, но тогда рисковать, что Дума начнетъ свою дѣятельность съ составленіи конституціи и что придется на этомъ идти на конфликтъ. Угождая желанію Государя, Витте предложилъ средній путь; если Государь отъ неограниченной власти не хочетъ отказываться, то Основныхъ Законовъ не опубликовывать. Но тогда объявить, что опубликованіе будетъ сдѣлано позднѣе властью *самого* Государя. Но это было бы не рѣшеніе, а малодушная отсрочка вопроса, и явное нарушеніе Манифеста.

Выслушавъ эти мнѣнія, Государь свое рѣшеніе отложилъ. Послѣ рѣчи Стишинскаго, который находилъ, что нельзя отдѣлять понятія «самодержавія» отъ «неограниченности», Государь объявилъ: «свое рѣшеніе я скажу потомъ». Это происходило 9 апрѣля. 12 апрѣля въ концѣ послѣдняго засѣданія, послѣ того какъ Государь сказалъ въ заключеніе: «Кажется все теперь пройдено», графъ Сольскій вернулся къ больному вопросу.

Вотъ что говоритъ стенограмма:

Графъ Сольскій: «Вашему Императорскому Величеству угодно было отложить рѣшеніе по статьѣ 4-ой. Какъ Вы изволите приказать: сохранить или исключить слово «неограниченный»?

Е. И. В.: «Я рѣшилъ остановиться на редакціи Совѣта Министровъ».

Гр. С.: «Слѣдовательно исключить слово «неограниченный»?

Е. И. В.: «Да, исключить».

Такъ кончился споръ. Roma locuta est. Можно жалѣть, что споръ не освѣтилъ самаго главнаго. Никто не доказывалъ, что для Россіи и для династіи было полезно, чтобы Монархія перестала быть «неограниченной»; потому у Государя могло остаться впечатлѣніе, будто этого никто не хотѣлъ, и что только 17 октября онъ попалъ въ ловушку, изъ которой вырваться уже не могъ; что шагъ за шагомъ его толкали на рѣшенія, которыя влекли за собой ограниченіе его власти. Этого онъ не простилъ ни Витте, ни всему кабинету. Но какъ бы то ни было, истинный смыслъ измѣненія, которое было внесено въ Основные Законы, сталъ совершенно ясенъ. Изъ старыхъ законовъ съ согласія Государя былъ исключенъ не историческій титулъ, а реальное право; Государь сдѣлалъ себя подзаконнымъ, т. е. конституціоннымъ монархомъ. Основные Законы его прежнія права *ограничили*. И Государь это понялъ. Его недовольство выразилось въ своеобразной формѣ. Сольскій спросилъ: «Угодно ли Вашему Величеству приказать приготовить Манифестъ или Указъ объ обнародованіи Основныхъ Законовъ»? И для опубликованія этого важнѣйшаго акта, которымъ начиналась новая эра Россіи, Государь не захотѣлъ торжественной формы. Онъ отвѣтилъ: «Я нахожу Указъ достаточнымъ». Основные Законы опубликованы были имъ безъ радости, безъ гордости, съ досадой на вынужденную уступку. Уже по одному этому другая сторона была слѣпа, когда встрѣтила эти Основные Законы съ такимъ негодованіемъ. Они были настоящей побѣдой *либерализма*. Ими была октроирована подлинная конституція. Если этого иностраннаго слова не было сказано, то существо конституціи было все налицо. Волѣ Монарха были поставлены предѣлы тѣми законами, измѣнять которые единолично онъ уже не могъ. Только это и составляетъ смыслъ конституціи: не присяга на вѣрность законамъ, не

двухстороннее соглашеніе, не контрасигнованіе актовъ, какъ потомъ правые стали доказывать въ Думѣ. Конституція въ томъ, что безъ согласія представительства Государь измѣнять законовъ не можетъ. И это было достигнуто. Не дѣлаетъ чести нашимъ политикамъ, если этого они не замѣтили.

Ходъ государственной жизни опредѣляется не одной писаной конституціей, но и реальнымъ соотношеніемъ силъ. Если власть сильна, а общество слабо, власть можетъ безнаказанно нарушать права народнаго представительства; она сдѣлаетъ государственный переворотъ и страна спокойно его принимаетъ, какъ 3 іюня 1907 г. За то властъ можетъ обладать по конституціи «полнотой правъ» и быть на дѣлѣ безсильной передъ улицей, какъ это было съ Временнымъ Правительствомъ въ 1917 г. Но я говорю не объ этомъ соотношеніи силъ, а о свойствахъ самой конституціи. Порицатели ея находили, что Законы 1906 года съузили права представительства, оставили власти слишкомъ много лазеекъ, чтобы законныя права его нарушать. Это обвиненіе стало либеральнымъ канономъ. Его интересно провѣрить. Послѣ нашего опыта я рѣшаюсь утверждать, что именно то, что этой конституціи ставили слишкомъ легко и поспѣшно въ упрекъ, оказалось полезно для *ея сохраненія и укрѣпленія*. Не думаю, что авторы ея именно это предвидѣли и хотѣли. Конституція оказалась лучше ихъ замысла именно потому, что въ ней была необходимость. Какъ въ обреченномъ режимѣ самыя цѣлесообразныя мѣры обращаются противъ него, такъ въ нашей давножданной конституціонной монархіи даже подкопы подъ нее шли ей на пользу.

Нѣсколько примѣровъ этого наблюденія.

Общественность негодовала, что *Основные Законы*, т. е. «конституція» наша была забронирована противъ пересмотра въ порядкѣ *думской инициативы*. Сколько было пролито на эту тему чернилъ! Въ особенномъ порядкѣ для измѣненія конституціи ничего ненормальнаго нѣтъ; онъ существуетъ въ громадномъ большинствѣ конституцій. Но меньше, чѣмъ гдѣ-либо, были основанія негодовать на это *рус-*

ской общественности; она еще не попробовала примѣнить свою первую конституцію, не успѣла на практикѣ увидать ея недостатковъ. Ея критика основывалась лишь на томъ, что въ конституціи не было полнаго народовластія и подчиненія всей власти народному представительству. Если бы Основные Законы забронированы не были, то первые шаги представительства непремѣнно были бы направлены на продолженіе *борьбы съ властью*, а не на сотрудничество съ ней въ осуществленіи всѣми сознанныхъ и необходимыхъ реформъ. Эта борьба привела бы къ побѣдѣ той или другой стороны, т.-е. къ возстановленію Самодержавія или къ торжеству Революціи. Было счастьемъ для насъ, что Основные Законы мудро эту ненужную борьбу устранили.

Развѣ Основные Законы мѣшали Думѣ проводить тѣ законы, которые были нужны странѣ? Мы жаловались на то, что конституція нехороша, не замѣчая, что большинство непріятныхъ статей конституціи въ «Основныхъ Законахъ» не числятся и забронированы не были. Мы, напримѣръ, осуждали наши избирательные законы и были правы. Избирательный законъ, особенно 3 іюня, должно и можно было исправить. Но они не входили въ Основные Законы, были поэтому думской иниціативѣ доступны. Почему же ихъ не исправили? Въ сущности потому, что оппозиція по своей привычкѣ хотѣла имѣть *все* или *ничего;* она не хотѣла отказываться отъ четырехвостки. Но *такого* избирательнаго закона сама 3-я Дума не *захотѣла бы,* и ее нельзя за это *винить*. А исключить и перемѣнить тѣ статьи, которыя давали администраціи возможность «избирательныхъ плутень», что было настоятельно нужно и важно, и что было вполнѣ *возможно* провести даже въ 3-ей Думѣ — этихъ *мелочей* оппозиція не хотѣла. Итакъ «тактика», а не Основные Законы помѣшали намъ въ избирательный законъ внести улучшенія.

Другой примѣръ. Мы жаловались на бюджетныя правила, которыя будто бы нарушали *права* народнаго представительства. Но большинство статей, противъ которыхъ возра-

женія были возможны, не были забронированы Основными Законами; законопроектъ объ ихъ измѣненіи былъ въ 3-ю Думу внесенъ кадетскою фракціей и сама Дума съ нимъ *не* согласилась. Я постараюсь потомъ доказать, что не согласилась резонно, ибо многіе изъ ненавистныхъ намъ бюджетныхъ правилъ были только предусмотрительной оцѣнкой дѣйствительности. Забронированіе Основныхъ Законовъ избавляло насъ отъ напрасной потери времени на безцѣльные, чисто доктринальные споры.

Критики утверждали, что вопреки Манифесту въ нѣкоторыхъ отрасляхъ Верховная власть могла законодательствовать помимо народнаго представительства. Они особенно настаивали на ст. 96 и 97, на такъ называемомъ военномъ законодательствѣ. Это правда. Правда и то, что самъ Манифестъ 17 октября никакихъ исключеній не предусматривалъ и потому объемъ его въ этомъ пунктѣ былъ дѣйствительно *сужень*. Но важно не точное соотвѣтствіе конституціи Манифесту, который еще не былъ закономъ; важна желательность и допустимость этихъ ограниченій.

Военныя ограниченія были не единственными; были и другія. Ст. 65 и 68 устанавливали особый порядокъ для Церковнаго Управленія, ст. 21 и 175 для Учрежденія Императорской Фамиліи. Никому не приходило въ голову однако отстаивать и въ этихъ областяхъ полноту правъ народнаго представительства. Всѣ бы были удивлены, если бы Думѣ, какъ Англійскому Парламенту, предложили на утвержденіе церковный молитвенникъ. Поэтому не самый принципъ изъятія нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ (ибо церковь не была отдѣлена отъ государства), а только примѣненіе этого изъятія къ *военнымъ* вопросамъ вызвало негодованіе.

Дѣлая это изъятіе, авторы Основныхъ Законовъ, повидимому, дѣйствительно больше всего руководились мыслью установить исключительную зависимость войска отъ Государя. Когда правый М. Г. Акимовъ возражалъ противъ титула «неограниченный», онъ призналъ, что «Совѣтъ Мини-

стровъ искалъ *другихъ* способовъ кромѣ словъ, чтобы оградить права Государя». «Войско Ваша опора, говорилъ онъ простодушно, и если въ Основныхъ Законахъ не сказать про него ничего, наше положеніе будетъ *безвыходно*». Въ эпоху конфликта о Штатахъ Морского Генеральнаго Штаба помню разговоръ съ Витте, который велъ кампанію противъ Столыпина. Витте увѣрялъ, между прочимъ, будто самъ онъ этого конфликта не хотѣлъ; онъ предупредилъ П. А. Столыпина, что его законопроектъ противорѣчитъ статьѣ 97-ой и вводитъ вмѣшательство Думы въ область, въ которую она сознательно не допускалась. Но потому ли, что Столыпинъ Витте не переносилъ, изъ упрямства или изъ самоувѣренности, онъ пошелъ на проломъ и потерпѣлъ пораженіе. Витте мнѣ тогда говорилъ, что правительство хотѣло сознательно, чтобы войско зависѣло исключительно отъ Государя, было всѣмъ обязано только ему и могло бы не знать ничего о Государственной Думѣ. Такимъ образомъ цѣль допущеннаго для военныхъ законовъ изъятія подтверждаетъ подозрѣнія нашей общественности.

Но важна не цѣль, какую авторы конституціи преслѣдовали; важно то, что Основные Законы дали этому вопросу рѣшеніе правильное. Если думать не только о томъ, какъ увеличить права Думы или Монарха за счетъ другъ друга, а о пользѣ арміи, Россіи и самой конституціи, то область военнаго законодательства дѣйствительно должна быть изъята изъ компетенціи Думы.

Войско своеобразная часть государства; для демократіи оно всегда инородное тѣло, пережитокъ чего-то стараго и опаснаго. На войско всегда опирается власть противъ народа; оно же можетъ дать чрезмѣрную силу популярнымъ военнымъ вождямъ. Этого нельзя уничтожить. Поэтому свободолюбцы принципіально не любятъ постояннаго войска и принуждены быть «пацифистами». Одно не идетъ безъ другого. Можно понять утопистовъ, которые проповѣдуютъ разоруженіе, признаютъ самоопредѣленіе народностей, вплоть до отдѣленія, предвидятъ разрѣшеніе споровъ между

государствами путемъ арбитража. Такіе люди послѣдовательны, когда вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ и войско. Но, если стоять на почвѣ реальной дѣйствительности, признавать себя обязаннымъ охранять интересы данной страны и терпѣть необходимость военной силы, то ее нельзя подчинять *общимъ* законамъ. Она съ ними несовмѣстима. Понятіе войска отрицаетъ принципы свободы, равенства, самоуправленія, замѣняя ихъ понятіями іерархіи и дисциплины. Потому войска нормально отстраняются отъ политической жизни, не участвуютъ въ выборахъ, должны стоять внѣ партійныхъ дѣленій. Надо или отказаться отъ существованія войска или строить его на особыхъ началахъ. Безумно желать превратить всю страну въ казарму, какъ объ этомъ мечталъ Николай I, но также безумно примѣнять къ войскамъ принципы равенства и свободы. Эти принципы уничтожатъ войско, какъ его уничтожила февральская революція со своими комитетами, комиссарами, судомъ присяжныхъ и добровольною дисциплиною. Устроеніе войска поэтому не можетъ быть дѣломъ народнаго представительства. Представительство есть самоуправленіе; оно пишетъ законы, по которымъ само будетъ жить, въ этомъ его raison d'être и его оправданіе. Оно не можетъ писать законовъ для міра военнаго, который его не выбираетъ, и составлять нормы, которыхъ на себѣ не будетъ испытывать. Если для войска нужны особые законы, то необходимъ для нихъ и особый порядокъ законодательства, соотвѣтствующій духу военнаго міра. Конечно, если бы наше представительство было политически зрѣлымъ и атмосфера была бы нормальна, предоставленіе этихъ вопросовъ общему порядку законодательства могло бы не стать роковымъ. Тогда представительство добровольно могло бы подчинять свое рѣшеніе авторитету *военныхъ вождей*. Но ожидать подобнаго самоограниченія отъ Государственной Думы въ тогдашнемъ ея настроеніи было нельзя. Естественнымъ выходомъ изъ этого тупика было созданіе *особаго порядка* военнаго законодательства. Только это могло спасти

войско отъ разложенія, конституціонный строй отъ конфликтовъ, а Россію отъ потери своей военной силы. Конечно, благодаря этому, войско оставалось главной опорой существующей власти. Но иначе и не должно было быть. Войско не можетъ одновременно быть защитой страны и не быть опорой правительства. Либо нужно отказаться отъ войска, чѣмъ бы это ни грозило для государства, или войско должно подчиняться не партійнымъ вождямъ, не демагогамъ, а только законной власти страны. А кто могъ быть главой войска въ Россіи, кромѣ ея исторической власти? Не говорю про настроеніе самого войска, про его традиціи, которыя были еще дѣйствительной силой и бороться съ которыми безъ нужды было безумiемъ; я говорю только про естественный порядокъ въ странѣ, въ которой историческая власть не была сметена, осталась во главѣ государства и *сама* дала конституцію. Можно было съ этимъ не помириться, продолжать работать на революцію. Но для тѣхъ, кто желалъ конституціонной монархіи, нельзя было подчинять судьбу войска политическимъ комбинаціямъ Думы. Съ другой стороны было бы ошибочно думать, что Основные Законы лишили Думу всякаго вліянія на войско. У нея въ рукахъ оставалось бюджетное право, ассигновки на войско, а слѣдовательно право контроля за тѣмъ, на что деньги употреблялись. Популярность, которую получила Дума въ войскахъ во время несчастій войны, показала, какъ и при 97 статьѣ можно было привлечь къ себѣ расположеніе и довѣріе войска. Но общій порядокъ законодательства для всякихъ военныхъ законовъ, для судовъ, дисциплины, устройства кадровъ открылъ бы просторъ для опаснѣйшей демагогіи, которая унесла бы съ собой или войско или конституію. Можно бы привѣтствовать Основные Законы за то, что они насъ отъ этихъ соблазновъ избавили.

Самымъ характернымъ ослѣпленіемъ неопытнаго нашего общества было его отношеніе къ знаменитой 87-ой статьѣ Основныхъ Законовъ. Я говорю «знаменитой», такъ какъ кажется ее *одну* знало все образованное общество; ее на всѣ

лады осуждали. А трехдневный роспускъ Государственнаго Совѣта и Думы по этой статьѣ для проведенія закона о Сѣверо-Западномъ Земствѣ завершилъ ея печальную популярность. А однако же эта статья была нужна и полезна для насъ.

Опять-таки признаю, что первоначальной цѣлью этой статьи могло быть желаніе дать власти возможность издавать всякіе законы безъ Думы. Пренія въ Особомъ Совѣщаніи такое толкованіе подтверждаютъ. Статья была первоначально предложена въ совсѣмъ другомъ текстѣ. Авторомъ ея былъ самъ Витте. Онъ предложилъ дополнить Основные Законы такой новой статьей: «Государь Императоръ въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ издаетъ указы въ видахъ предотвращенія грозящей государственному порядку опасности; дѣйствія такихъ указовъ прекращаются немедленно, по минованію указанныхъ обстоятельствъ». «Эту статью, заявилъ Витте, я считаю необходимой». Предѣлъ «чрезвычайныхъ указовъ» не былъ ничѣмъ ограниченъ; Витте шелъ такъ далеко, что допускалъ и оправдывалъ этой статьей даже государственный переворотъ. «Во всѣхъ государствахъ, говорилъ онъ, бываютъ необходимы coup d'état; дай Богъ, чтобы намъ не пришлось этого пережить, но если придется, то лучше имѣть въ этомъ случаѣ возможность опереться на законъ; тогда можно было бы совершить не coup d'état, а произвести переворотъ на законномъ основаніи». Такая откровенная постановка вопроса погубила статью. Самъ государь ей сочувствовалъ. По крайней мѣрѣ, когда князь Оболенскій не безъ основанія замѣтилъ, что такая статья равносильна отмѣнѣ Государственнаго Совѣта и Думы, Государь ему возразилъ наивной или циничной репликой: «этого не можетъ быть, ибо мѣры, предусматриваемыя новой статьей, могутъ быть примѣнены лишь при обстоятельствахъ чрезвычайныхъ». Статью, конечно, поддержалъ П. Н. Дурново, объявивъ, что «положенія, въ которомъ въ настоящее время находится Россія, никогда нигдѣ не бывало» и что поэтому

эта статья должна примѣняться независимо отъ Положеній объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Но противъ статьи въ предложенномъ видѣ возстали не только бюрократы-законники, какъ графъ Паленъ, но даже правый М. Г. Акимовъ. Онъ правильно указалъ Государю на безсмысленность аргументаціи Витте; «во всемъ мірѣ, говорилъ онъ, нѣтъ такихъ законовъ, которые предусматривали бы государственный переворотъ... Если есть *сила,* можно совершить переворотъ и *безъ закона.* Если силы нѣтъ, то и съ закономъ переворота не сдѣлаешь». А. А. Сабуровъ пошелъ еще дальше. «Такое постановленіе, говорилъ онъ, возбудитъ недовѣріе не только къ правительству, но и къ Вамъ, Государь. Никто не повѣритъ, что Вы сами отказались отъ Вашихъ правъ; скажутъ, что Вы подготовили государственный переворотъ». Передъ этими доводами Государь уступилъ, тѣмъ болѣе, что недовѣрчиво относился къ тому, что исходило отъ Витте. Но во время преній графъ Паленъ мелькомъ сослался на то, что вмѣсто *этой* статьи надо было «примѣнить австрійскій законъ». Такъ и было поступлено; была введена 87-ая статья, соотвѣтствующая закону австрійскому.

Въ этой редакціи статья уже страшна не была. Нельзя было отрицать и ея необходимости. Потребность въ законодательныхъ мѣрахъ могла явиться во время думскихъ перерывовъ. Россія слишкомъ велика, чтобы было легко собрать Думу на экстроординарную сессію, а съ другой стороны нельзя было заставлять правительство бездѣйствовать или власть превышать. Это была бы наклонная плоскость. Было разумно дать законный исходъ для такихъ исключительныхъ положеній. Статья 87-ая этимъ требованіямъ удовлетворяла. Надъ пользованіемъ ею стоялъ очень реальный думскій контроль. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ начала ближайшей сессіи мѣра или сама собой отмѣнялась или должна была быть внесена на одобреніе Думы; если Дума ее

ютвергала, дѣйствіе ея прекращалось немедленно, не выжидая вотума Государственнаго Совѣта *).

Я не отрицаю, что къ этой статьѣ стали прибѣгать слишкомъ часто. Она предполагалась какъ *исключеніе*, а на дѣлѣ сдѣлалась «бытовымъ явленіемъ». Наша общественность была этимъ возмущена и не замѣчала, что подобное злоупотребленіе этой статьеи было часто полезно и кромѣ того бывало вызвано Думой. А главное, менѣе всего этой статьей можно было пользоваться *противъ Государственной Думы. Такой* случай былъ только одинъ, и онъ показалъ наоборотъ силу Думы.

Это произошло съ Министерствомъ Здоровья. Правительство знало, что Дума не сочувствовала созданію этого Министерства; во время каникулъ оно его провело въ порядкѣ 87-ой статьи. Это было *типичнымъ злоупотребленіемъ*. Но что изъ него могло выйти? Соотвѣтствующій законъ пришлось все-таки въ Думу внести; всѣ ухищренія, уговоры, просьбы, указанія на «fait accompli» не помогли. Дума рѣшила своимъ правомъ veto воспользоваться. Былъ назначенъ день засѣданія, когда новсиспеченное министерство было бы уничтожено вотумомъ Думы, къ великому кон-

---

*) Ст. 87. — Во время прекращенія занятій Государственной Думы, если чрезычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, Совѣтъ Министровъ представляетъ о ней Государю Императору непосредственно. Мѣра эта не можетъ, однако, вносить измѣненій ни въ Основные Государственные Законы, ни въ учрежденія Государственнаго Совѣта или Государственной Думы, ни въ постановленія о выборахъ въ Совѣтъ или въ Думу. Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ Министромъ или Главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ, или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ.

фузу правительства. Оно это поняло и взяло законопроектъ свой обратно. Этимъ министерство здоровья уничтожалось. Правда мы узнали потомъ, такъ какъ все это произошло за день до революціи, что Министерство Здоровья все-таки хотѣло инымъ, безстыднымъ путемъ себя отстоять. Мы съ Аджемовымъ, въ качествѣ комиссаровъ Временнаго Комитета Государственной Думы, нашли на столѣ у Министра Юстиціи неоткрытый пакетъ, въ которомъ Министръ Здоровья старался его убѣдить, будто взятіе назадъ законопроекта не равносильно его отклоненію и что поэтому его министерство должно быть признано существующимъ. Циничность этого толкованія была настолько ясна, что самъ Министръ Г. Е. Рейнъ не рѣшился бы его предложить, если бы не чувствовалъ въ воздухѣ грозящаго переворота. Онъ могъ разсчитывать лишь на него. Но вмѣсто переворота пришла Революція. Въ нормальное же время попытка провести неугодный Думѣ законопроектъ этимъ способомъ была бы предпріятіемъ безнадежнымъ; за Думой оставалось послѣднее слово и съ этимъ правительству приходилось считаться.

Но не это несомнѣнное злоупотребленіе доставило 87-ой статьѣ ея одіозную популярность. Она прославилась на всю Россію, когда Столыпинъ провелъ по ней законъ о Юго-Западномъ земствѣ, распустивъ спеціально для этого на три дня оба законодательныхъ учрежденія. Конечно это тоже было злоупотребленіемъ, еще болѣе очевиднымъ. Но злоупотребленіе въ данномъ случаѣ было направлено не противъ Думы, а только противъ Государственнаго Совѣта; мало того, только въ такой формѣ эта статья и могла быть съ успѣхомъ использована. Права Думы затронуты не были; Дума этотъ законъ приняла и Столыпинъ провелъ его въ редакціи Думы. Если бы и Дума была противъ законопроекта, онъ не могъ бы *эту мѣру* принять. Пусть онъ распустилъ бы Думу на каникулы раньше, чѣмъ полагалось. Но, хотя нѣсколько позже, все равно день бы при-

шелъ, когда законопроектъ пришлось бы въ Думу внести и Дума поступила бы съ нимъ, какъ съ Министерствомъ Здоровья. Если этого не случилось, то только потому, что большинство Думы по существу было *за* этотъ законъ. Она не захотѣла изъ одного принципа угодный для нея законъ отвергать. Но и этого опыта довести до конца не пришлось; Столыпинъ былъ убитъ раньше, чѣмъ законъ могъ быть внесенъ. А когда онъ былъ внесенъ, то Дума его не стала разсматривать и тѣмъ оставила въ силѣ. Обиженнымъ оказался лишь Государственный Совѣтъ.

Но злоупотребленіе этой статьей критики видѣли не въ этихъ исключительныхъ случаяхъ, а въ повседневной обыденной жизни. Правительство пользовалось ею слишкомъ часто и не въ тѣхъ «чрезвычайныхъ обстоятельствахъ», о которыхъ говоритъ ея текстъ. Это правильно, но этотъ пріемъ оказался полезнымъ. Онъ далъ выходъ изъ тупика; въ жизни оказались непредвидѣнныя «чрезвычайныя обстоятельства»: а именно, неумѣнье Думы поспѣвать за текущимъ законодательствомъ.

Опытъ показалъ, что въ Думу вносилось больше законопроектовъ, чѣмъ Дума могла разсмотрѣть; образовались залежи неразсмотрѣнныхъ дѣлъ и все увеличивались. Въ этомъ была вина и самой конституціи, ея излишней централизаціи, ибо значительная часть дѣлъ, которыя въ Думу вносились, могли бы разрѣшаться мѣстными установленіями. Вина была и въ ненормальныхъ отношеніяхъ Думы и власти, при которыхъ Дума не соглашалась ограничиваться общими нормами, предоставивъ правительству опредѣлять декретами подробности закона. Но къ этому присоединялась и медлительность Думы. Наши комиссіи были черезчуръ многолюдны, потому что всякая партія хотѣла быть въ комиссіи пропорціонально представлена. Работа въ нихъ шла очень плохо; посѣщались они неаккуратно. Кромѣ докладчика обыкновенно никто дѣла не зналъ. Это не мѣшало случайно завернувшимъ въ засѣданіе депутатамъ

вносить экспромптомъ поправки, произносить длинныя рѣчи и мѣшать тѣмъ, кто работалъ. Большинство законопроектовъ застревало въ самихъ комиссіяхъ. Еще хуже дѣло шло въ общихъ собраніяхъ. Если мелкіе законопроекты, которые Н. А. Хомяковъ картинно называлъ вермишелью, проходили безъ преній и безъ вниманія, цѣлыми пачками, подъ виртуознымъ предсѣдательствомъ князя Волконскаго, то мало-мальски серьезные занимали безконечно много времени безъ всякой пользы, при полномъ равнодушіи Думы. Дума еще не научилась законодательствовать; она тонула въ собственномъ многословіи. Она сдѣлалась законодательной пробкой. Статья 87-ая и дала ей самой неожиданный и спасительный выходъ. Во время вакантовъ неразсмотрѣнные ею спѣшные законопроекты и стали проводиться въ этомъ порядкѣ.

Нарушало ли это права Государственной Думы? Кто страдалъ отъ этого? Вѣдь проведенные такъ законы отъ контроля Думы не уходили. Болѣе того: правительство могло проводить такъ *только тѣ мѣры*, противъ которыхъ оно принципіальныхъ возраженій *не ждало*. Практика это доказала достаточно ясно. Когда послѣ роспуска I-ой Государственной Думы Столыпинъ провелъ по 87-ой статьѣ массу законопроектовъ и внесъ ихъ во II-ую Думу, то эта лѣвая, почти революціонная Дума, рѣшившись сразу отмѣнить все, что изъ этихъ законовъ ей не понравилось, нашла не болѣе трехъ или четырехъ, которые она *отмѣнила*. Всѣ остальные она оставила въ силѣ. Правда среди тѣхъ, которыхъ она не тронула, былъ и аграрный законъ 9-го ноября, которому она не сочувствовала, но отмѣнить который все-таки не рѣшилась, боясь быть на этомъ распущенной. Но это только потверждаетъ то, что я говорилъ. Права Думы были такъ велики, что законодательствовать помимо нея можно было только тогда, когда она по какой либо причинѣ этому не хотѣла противиться: дѣло Думы было смотрѣть, стоило ли ей идти на конфликтъ изъ-за закона аграрнаго?

Но права отвергнуть этотъ законъ она не лишилась. И когда мы видимъ, что въ опытныхъ демократіяхъ признаютъ необходимымъ давать правительству экстраординарныя законодательныя полномочія, вводятъ институты decrets lois, чтобы упростить законодательную процедуру, избавиться отъ парламентской демагогіи, то надо признать, что наши Основные Законы раньше другихъ указали остроумный и правильный способъ дать нашей Думѣ возможность не потонуть среди парламентской волокиты.

Нельзя безъ улыбки надъ нашей наивностью и непрактичностью воспоминать и наше возмущеніе противъ стѣсненій въ области бюджетныхъ правъ Думы. Можно сдѣлать теперь одно любопытное наблюденіе; то, что мы въ нашихъ бюджетныхъ правилахъ осуждали, то сейчасъ стараются ввести въ парламентскихъ странахъ, чтобы ограничить анархію, которую народное представительство вводитъ въ бюджетъ. Подумать, что мы жаловались даже на то, что ст. 114 Основныхъ Законовъ намъ запрещала исключать или сокращать платежи по государственнымъ займамъ и другимъ принятымъ Россіею на себя обязательствамъ! Не характерно ли, что и въ этой статьѣ мы усматривали *ограниченіе правъ* Государственной Думы!

Какъ я уже указывалъ выше, Дума сдѣлала попытку въ порядкѣ думской иниціативы «исправить» бюджетныя правила и для этого прежде всего отмѣнить статью 9 этихъ Правилъ о «легальныхъ титулахъ». Какъ извѣстно, ст. 9 запрещала Думѣ въ порядкѣ бюджетномъ вычеркивать расходъ основанный на *легальномъ* титулѣ, напр. на законѣ, на штатахъ и т. п. — пока не будетъ въ законномъ порядкѣ измѣненъ или отмѣненъ самый титулъ. Такой запретъ былъ бы излишенъ въ парламентѣ, въ которомъ достаточно развито чувство законности, гдѣ парламентъ не считаетъ себя выше закона и не будетъ своей односторонней волей вы-

черкивать кредиты, основанные на неотмѣненномъ законѣ. Наше представительство съ *такой* стороны себя зарекомендовать не успѣло. Напротивъ, во 2-ой Государственной Думѣ, когда въ нее впервые былъ внесенъ бюджетный проектъ, было немедленно сдѣлано предложеніе отвергнуть его цѣликомъ, не передавая даже въ Комиссію для его разсмотрѣнія. Споръ объ этомъ предложеніи только на нѣсколько дней предварилъ аналогичный споръ о «континтентѣ». И оба негосударственныхъ, демагогическихъ предложенія были отвергнуты только ничтожнымъ числомъ голосовъ, да и то лишь благодаря поддержкѣ польскаго кола. Курьезно, что неожиданнымъ послѣдствіемъ этого эпизода было сокращеніе числа представителей Польши въ актѣ 3 іюня. Столыпинъ не могъ помириться, чтобы польское коло явилось арбитромъ, хотя именно его разумное голосованіе Думу спасло. Можно представить себѣ какую демагогію развили бы въ Думѣ, если бы ей было предоставлено право просто отказывать въ кредитахъ на существующія непопулярныя учрежденія! Какой былъ бы соблазнъ прекратить всякій расходъ на полицію, на тюрьмы, на земскихъ начальниковъ и т. д.! Какой былъ бы просторъ для демагоговъ, которые стали бы предлагать отказывать въ этихъ кредитахъ, не заботясь о томъ, что изъ этого выйдетъ и не стѣсняясь обвинять несогласныхъ, что они этимъ непопулярнымъ институтамъ сочувствуютъ. Когда въ маѣ 1916 года я былъ въ Думѣ докладчикомъ по крестьянскому закону 5 октября 1906 г., изданному въ порядкѣ 87 ст., то въ числѣ *поправокъ* къ закону было внесено предложеніе, «отмѣнить институтъ земскихъ начальниковъ». Авторы его не хотѣли понять, что нельзя отмѣнить институтъ, не замѣнивъ его новымъ, что нельзя по поводу «крестьянскаго закона» рѣшать вопросы, за предѣлы его выходящіе. Даже европейскія страны, болѣе насъ опытныя и культурныя, показали, какія опустошенія въ законномъ строѣ, какую анархію можно ввести въ «бюджетномъ порядкѣ», по поводу денежныхъ асси-

гнованій. Что бы было у насъ, при настроеніи 906 г. теперь уже нелегко представить себѣ! Бюджетныя правила спасали и порядокъ, и законность и достоинство Думы: они клали предѣлъ легкомысленнымъ импровизаціямъ. И никто не долженъ былъ бы такъ быть благодаренъ Основнымъ Законамъ, какъ кадеты, которые анархіи не хотѣли, но противиться *лѣвой демагогіи* не умѣли. Конституція спасала ихъ отъ искушенія.

Но самая плодотворная и интересная особенность нашихъ бюджетныхъ правилъ, которую теперь только собираются вводить въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, это былъ принципіальный, теоретически правильный и практически очень полезный подходъ къ вопросу о *бюджетныхъ конфликтахъ*. Въ этомъ отношеніи конституція Франціи могла бы поучиться у нашей.

Бюджетъ не обычное законодательство. Если нѣтъ согласія трехъ законодательныхъ органовъ, Думы, Совѣта и Государя на изданіе новаго закона, положеніе ясно; новаго закона не издаютъ и остается *прежній* порядокъ. Это можетъ быть несчастіе, но это не катастрофа, не безвыходное положеніе. Иное дѣло бюджетъ. Прежній бюджетъ по обычному представленію недѣйствителенъ; при несогласіи законодательныхъ факторовъ на новый законъ нѣтъ ничего, чтобы его замѣняло; нельзя ни взимать старыхъ налоговъ, ни дѣлать прежнихъ расходовъ. Жизнь страны замираетъ; но такъ какъ жизнь государства остановиться не можетъ, по знаменитому выраженію Бисмарка, сказаннаго въ эпоху прусскаго конфликта, то происходитъ рѣзкій конфликтъ представительства и правительства; конфликтъ приводитъ или къ революціи или къ государственному перевороту, т.-е. къ необходимости беззаконія. Авторы конституціи мудро предвидѣли эту возможность и указали на законный и разумный путь для выхода изъ затрудненія. Для этого къ бюджету былъ только примѣненъ порядокъ нормальнаго законодательства. Если нѣтъ согласія на *новый* законъ, то въ силѣ остается

старый. Если нѣтъ согласія на новую бюджетную статью, принимается цифра прошлаго бюджета или цифра наиболѣе къ ней приближающаяся. Таковъ общій принципъ. Онъ примѣняется и къ самому крайнему случаю, когда бюджетъ цѣликомъ отвергается. Тогда остается цѣликомъ старый бюджетъ. Любопытно, что текстъ статьи 116-ой Основныхъ Законовъ этой скандальной возможности какъ будто совсѣмъ не предвидѣлъ. Статья говорила лишь о случаѣ, когда бюджетъ не будетъ вотированъ къ *законному* сроку. Но литература истолковала, и была конечно права, что отверженіе бюджета есть только частный случай того же явленія; въ этомъ случаѣ страна безъ бюджета не остается, а принимается ipso jure прежній бюджетъ.

Вотъ тотъ порядокъ, который былъ установленъ бюджетными правилами и который пополнилъ пробѣлъ допущенный въ большинствѣ конституцій. Это возмущало нашу общественность, которая находила, что Дума оказалась въ области бюджета безсильна. Это очередное преувеличеніе. Въ заботахъ объ охраненіи полноты правъ представительства общественность забывала о государственныхъ нуждахъ. Вотируя противъ новаго закона, какъ и противъ новаго бюджета, Дума осуществляла то свое право безусловнаго вето, которое было ей обезпечено Манифестомъ. Оставался пока старый законъ и старый бюджетъ. Давалось время найти компромиссъ, не останавливая теченія государственной жизни. Я какъ-то говорилъ съ Витте объ этомъ. Я указалъ, что мы съ правительствомъ при этомъ порядкѣ только парализуемъ другъ друга. «Ни одно государство, отвѣтилъ онъ мнѣ, не можетъ существовать при неподвижномъ бюджетѣ. Расходы его постоянно растутъ. Борьбы, въ которой правительство въ теченіе ряда лѣтъ оставалось бы при прежнемъ бюджетѣ, оно выдержать не смогло бы.» Конфликтъ правительства съ Думой поэтому вовсе не разрѣшался въ пользу правительства. Но зато бюджетныя правила давали ему такую постановку, что эта борьба могла быть успѣшна

только при *упорствѣ* Государственной Думы, при *неизмѣнномъ сочувствіи* ей избирателей, которые въ случаѣ роспуска поддержали бы своихъ депутатовъ. Законъ мѣшалъ сдѣлать такимъ образомъ къ общему выводу. Съ момента изданія конституціи ни одинъ *новый* законъ, ни одинъ новый налогъ, ни одна *новая* трата не могли быть сдѣланы *безъ согласія Думы*. Ея право veto поэтому очень дѣйствительно и реально ограничивало волю Монарха, дѣлало его настоящимъ «конституціоннымъ» Монархомъ, превратило титулъ «Самодержца» въ исключительно «историческій» титулъ.

* *
*

Но этого отрицательнаго права для представительства было бы недостаточно. Въ состояніи, въ которомъ находилась Россія, нельзя было довольствоваться защитою «status quo». Нужны были тѣ реформы, которыя были формулированы и возвѣщены не только 17 октября, но еще и 12 декабря 1904 года. И Основные Законы (ст. 107) обезпечили за Государственной Думой право *законодательной инициативы* по всѣмъ предметамъ законодательства, за исключеніемъ Законовъ Основныхъ; о послѣднемъ я уже вскользъ говорилъ и возвращаться къ этому не буду. Дума поэтому имѣла не только право veto по всякимъ законодательнымъ предположеніямъ правительства, и безъ ея согласія ничего новаго сдѣлать было нельзя; она имѣла и право законодательной *инициативы*, которой тоже *никто* не могъ *помѣшать*.

Но право законодательной «инициативы» еще не все. Между инициативой и превращеніемъ думскаго проекта въ законъ стояли Государственный Совѣтъ и Государь, т.-е. два другихъ законодательныхъ фактора. И каждый порознь и

вмѣстѣ они имѣли то-же безусловное право veto противъ думской инициативы.

Въ этомъ и состояла основная идея конституціи 906 г. До нея вся *полнота* власти была въ правительственномъ аппаратѣ, возглавляемомъ Монархомъ; общество ничѣмъ его волѣ противостоять не могло. Конституціи 904 и 905 гг., сочиненныя обществомъ, передавали всю власть представительству, т.-е. обществу. Это было полнымъ народовластіемъ. Основные же законы 906 г. поставили прежнихъ враговъ въ одинаковое положеніе, надѣлили ихъ равными правами. Оба они могли другъ другу мѣшать; оба могли другъ противъ друга защищать status quo. Въ Россіи были тогда двѣ силы. Была историческая власть съ большимъ запасомъ знаній и опыта, но которая уже не могла править одна. Было общество, многое правильно понимавшее, полное хорошихъ намѣреній, но неумѣвшее управлять ничѣмъ, даже собою. Спасеніе Россіи было въ примиреніи и союзѣ этихъ двухъ силъ, въ ихъ совмѣстной и согласной работѣ. Конституція 1906 г. — и въ этомъ ея основная идея — не только давала возможность такой работы, но дѣлала *ее обязательной.* Идти впередъ, *мѣнять* можно было только при обоюдномъ согласіи. Соглашеніе между двумя политическими силами сдѣлано было необходимымъ *условіемъ* государственной жизни.

Это было ясно съ перваго взгляда. Менѣе ясно, что конституція 1906 г. не обрекала страну на застой. Она открывала путь для легальной и мирной борьбы власти и общества и въ этой борьбѣ конституція дала преимущество не власти, а *обществу.*

Чтобы это показать, я останусь все-таки въ рамкахъ конституціи, т.-е. Основныхъ Законовъ. Охотно признаю, что въ *общихъ* законахъ были нелѣпости, которыя думской инициативѣ мѣшали. Такъ ст. 57 Учрежд. Госуд. Думы постановляла, что если правительство *согласно* съ думской инициативой, то соотвѣтствующій законъ *оно само* выраба-

тываетъ; если же несогласно, то законъ все-таки вырабатывается, но уже *Думой*. Этой статьей конституціи собиралась не *ограничить* думскую иниціативу, а наоборотъ *усилить*. Но фактически правительство получило возможность, заявивъ *согласіе* съ Думой, бездѣйствіемъ мѣшать ей приводить свое рѣшеніе въ исполненіе. Возможность такого «недобросовѣстнаго» толкованія закона стала ясна тогда, когда Сенатъ призналъ незаконнымъ § 67 Наказа, который предоставлялъ Думѣ право параллельной работы съ правительствомъ надъ изготовленіемъ ея законопроектовъ. Но какъ такое толкованіе ни было цинично, эта статья 57 мѣшала намъ все-таки такъ мало, что мы не пытались измѣнить ее въ порядкѣ думской иниціативы, имѣя на это полное право. Я поэтому буду говорить только «о конституціи» — т.-е. о забронированныхъ *Основными Законами* ея принципахъ.

Здѣсь видимость говоритъ какъ будто противъ меня. Государь имѣлъ право безусловнаго veto противъ всякихъ законопроектовъ. Онъ имъ пользовался. Было нѣсколько случаевъ, когда законопроектъ принятый и Думой, и Совѣтомъ былъ все-таки отклоненъ Государемъ. Былъ знаменитый случай съ штатами Морского Генеральнаго Штаба, когда не только Дума и Совѣты законопроектъ приняли, но когда Столыпинъ подавалъ въ отставку въ случаѣ его неутвержденія Государемъ и когда Государь его все-таки не утвердилъ. Такимъ образомъ вето Монарха было безусловно. Конституція не давала средствъ «обойти» Высочайшую Волю. Это правда. Но за то она дала способы ее измѣнить, побудить Государя къ уступкѣ.

Случаи, когда Государь отклонялъ принятый Палатами законопроектъ, были до крайности рѣдки и всегда носили опредѣленный характеръ. Государь рѣшался это дѣлать тогда, когда эти законопроекты встрѣчали въ самихъ Палатахъ сильную оппозицію и проходили ничтожнымъ, чтобы не сказать случайнымъ большинствомъ голосовъ. Такъ бы-

ло съ «вѣроисповѣдными законами». А въ законѣ о штатахъ Генеральнаго Штаба, хотя Столыпинъ свой законъ и отстаивалъ, но всѣмъ было извѣстно, что отстаивалъ его изъ самолюбія, не желая признаться въ ошибкѣ; въ самомъ правительствѣ по этому закону единодушія не было. Сначала правительство просто не замѣтило, что ничтожнымъ по значенію законопроектомъ оно создаетъ прецедентъ, который ведетъ къ ограниченію Императорской прерогативы въ военномъ законодательствѣ. На это въ Государственномъ Совѣтѣ обратилъ вниманіе Витте и тогда непереносившій его Столыпинъ уперся. Маленькій законопроектъ получилъ громадное принципіальное значеніе для толкованія ст. 96 Основныхъ Законовъ. Съ точки зрѣнія формальной былъ правъ не Столыпинъ, а Витте; Столыпинъ понималъ это самъ, и потому несмотря на угрозу отставкой подчинился обидному лично для него рѣшенію Государя. Итакъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Государь какъ будто проявлялъ свою личную волю, онъ имѣлъ опору въ значительной части законодательныхъ учрежденій, притомъ въ той именно части, мнѣніемъ которой онъ дорожилъ. Это объясняло его рѣшимость какъ будто идти на конфликтъ; конфликта въ этихъ случаяхъ не ожидалось.

Но *внѣ* этихъ условій идти наперекоръ представительству для Государя было опасно; какъ на бумагѣ ни была велика его власть, всякій «конфликтъ» его престижъ уменьшалъ. Наши Государи общественнаго осужденія очень боялись; потому-то они до тѣхъ поръ и не позволяли ему выражаться. При обсужденіи Учрежденія о Думѣ въ Особыхъ Совѣщаніяхъ это было изложено съ полною ясностью. «Государю надо соглашаться съ Палатами, говорилъ А. А. Сабуровъ; иначе послѣдствія будутъ очень опасны. Каково будетъ положеніе Вашего Величества, если Дума вторично приметъ громаднымъ большинствомъ то, что было отклонено»? Это замѣчаніе справедливо, и исторія его подтверждаетъ. Воля одного человѣка можетъ противостоять

всей странѣ при Самодержавіи, при диктатурахъ, во всѣхъ случаяхъ, когда «представительства» нѣтъ, или когда оно обречено на безмолвіе. Тогда воля «главы» рѣшаетъ все безповоротно и окончательно и никакой критики на свои рѣшенія она не боится. Это могли бы установить и наши Основные Законы; но они установили совершенно обратное. Ст. 112 обезпечила за Думою право отвергнутый Государемъ законопроектъ вносить *вновь* на разсмотрѣніе Думы; она сдѣлала одну оговорку, чтобы это было *не въ ту же самую сессію*. Итакъ, несмотря на объявленную Высочайшую Волю, вопреки ей Дума могла хотя не въ ту же сессію, но въ томъ же составѣ предлагать и принимать тотъ же законъ, т.-е. вступать съ Государемъ въ конфликтъ, критиковать его волю, доказывать необходимость и пользу того, что *имъ* было отвергнуто. Этихъ опасныхъ для престижа Монарха преній нельзя было ни устранить, ни запретить для оглашенія. Все это было обезпечено за Думой Основными Законами (ст. 79) и ст. 43, 45 Учрежденія Государственной Думы. Такъ обезпечивалась подъ охраной закона длительная и открытая борьба представительства съ Верховной Властью. И тутъ могло быть одно изъ двухъ. Либо страна осталась бы равнодушна къ этой борьбѣ и тогда Дума, не видя опоры въ странѣ, отъ борьбы бы сама отказалась; такъ это случилось послѣ Выборгскаго воззванія и 3 іюня. Либо страна была бы съ представительствомъ, какъ это было въ эпоху войны, и тогда этотъ конфликтъ могъ бы стать роковымъ для Государя. Въ учрежденіяхъ есть своя логика. Можно сохранить Самодержавіе, представительство ограничить, запретить ему поднимать вопросы, о которыхъ уже высказалась Верховная Власть, наконецъ просто лишить Думу права иниціативы. Все это было возможно. Но допустивъ и узаконивъ то, что ввели наши Основные Законы, нельзя было остановить народныя пожеланія простымъ Императорскимъ *вето*. За страноіі и безъ Революціи оставалось *послѣднее* слово.

Это было такъ очевидно, что хулители нашей конституціи жаловались не столько на вето Монарха, сколько на 2-ую Палату. Они, конечно, были правы *по видимости.* Но и тутъ надо было смотрѣть нѣсколько глубже.

Въ кадетской партіи было много сторонниковъ однопалатной системы. Къ нимъ принадлежалъ и Милюковъ. Онъ находилъ, что учрежденіемъ 2-ой Палаты сила первой будетъ ослаблена. Конечно онъ въ этомъ былъ правъ. Но достоинство конституціи не только въ силѣ народнаго представительства. Его чрезмѣрная сила сама иногда можетъ стать очень опасна. На кадетскомъ Учредительномъ Съѣздѣ въ этомъ пунктѣ было разрѣшено разномысліе. Въ январѣ его запретили; но конечно, запретъ ничьихъ мнѣній не могъ измѣнить.

Я плохо понимаю, какъ послѣ европейскаго опыта можно отрицать принципіальную желательность 2-ой Палаты, хотя бы по причинамъ чисто *техническимъ.* Наглядѣвшись на то, какъ на практикѣ работаютъ представительства, убѣждаешься поневолѣ въ необходимости корректива для нижней Палаты, необходимости тѣмъ большей, чѣмъ она больше приближается къ четырехвосткѣ и чѣмъ *шире* права этой нижней Палаты. Законы, благодаря безконечнымъ поправкамъ, выходятъ изъ нея въ необработанномъ, чисто безграмотномъ видѣ, полные противорѣчій съ другими законами, носятъ отпечатокъ демагогіи и электоральныхъ заботъ. Вторая Палата необходима такъ же, какъ переписка для сложной бумаги; ее нельзя сразу писать на бѣло. И вторую Палату никогда не замѣнитъ система 2-хъ чтеній въ той же самой Палатѣ.

Но во второй Палатѣ есть и полезный политическій смыслъ. Она всегда предполагается, какъ бы ее ни построили, болѣе опытной, осторожной, словомъ консервативной. Недаромъ самый возрастъ для нея вездѣ повышается. Вторая Палата предназначена давать голосъ *элитѣ* страны, ея избранному меньшинству въ противовѣсъ ея массамъ. Вто-

рая Палата пережитокъ эпохи, когда управляло страной меньшинство. И чѣмъ демократичнѣе выборы нижней Палаты, тѣмъ *необходимѣе* для нея коррективъ. Большинство должно не заглушать меньшинство, а находить преемлемый для обѣихъ сторонъ компромиссъ.

Конечно сложный и трудный вопросъ, какъ разумнѣе построить вторую Палату, чтобы она, принося свою пользу, не превратилась бы въ источникъ вреда. Здѣсь надо примѣняться къ условіямъ каждой страны, отвѣта искать въ ея прошломъ. Составъ нашего Государственнаго Совѣта подвергся придирчивой критикѣ. Для людей, которые думали, что для Россіи годилась *одна* Палата избранная по 4-хвосткѣ, что такая Палата могла справиться съ управленіемъ Россіи, для нихъ нашъ Государственный Совѣтъ казался вызовомъ здравому смыслу, чѣмъ-то чудовищнымъ. Но это сужденіе слишкомъ упрощенно.

Какъ извѣстно, нашъ Государственный Совѣтъ состоялъ на половину изъ выбранныхъ членовъ и на половину изъ назначенныхъ Государемъ. Вѣрнѣе (ст. 100), число назначенныхъ не могло «превышать общаго числа членовъ по выборамъ». Оно, слѣдовательно, могло быть *меньше*. Основные Законы забронировали *максимумъ* назначенныхъ членовъ, не минимумъ.

Выбранные члены выбирались отъ привиллегированныхъ группъ — отъ элиты. Духовенство, дворянство, а дальше губернскія земства, Университеты, организованная буржуазія: все это представители *верхняго* слоя, меньшинства населенія, а не массъ. Но *три послѣднія группы* во время «Освободительнаго Движенія» шли вмѣстѣ съ *нимъ*. Законъ такимъ образомъ обезпечивалъ представительство не столько сторонникамъ власти, сколько той соціальной верхушкѣ, которая безъ этого была бы потоплена въ демократической Думѣ. Государственный Совѣтъ такъ составленный былъ бы, конечно, тормазомъ для соціальныхъ демократическихъ

увлеченій; но нельзя сказать, чтобы онъ былъ всегда послушной поддержкой *правительства*.

Главные нападки на Государственный Совѣтъ направлялись естественно противъ его *назначенныхъ* членовъ Ихъ по настоящему нельзя считать «представительствомъ»; съ этой точки зрѣнія присутствіе ихъ аномалія. Но вопросъ о нихъ представляется болѣе сложнымъ, чѣмъ кажется.

Едва ли въ интересахъ государства было бы не только разумно, но просто в*озможно* обойтись безъ *назначенныхъ* членовъ. Политическая неподготовленность нашей общественности, ея нетерпимость, раздѣленіе на «мы» и «они» этого требовало. Въ 1906 г. слуги стараго режима были не только внушительной политической силой; у нихъ *однихъ* былъ государственный опытъ и школа. Многіе изъ нихъ по своему удѣльному вѣсу значили въ государственномъ дѣлѣ неизмѣримо больше, чѣмъ любимцы нашей общественности. А между тѣмъ у нихъ не было шансовъ быть выбранными; ихъ прошлое клало на нихъ клеймо въ глазахъ демократическихъ избирателей. Устранить ихъ вовсе отъ участія въ законодательной дѣятельности было бы вандализмомъ, государственнымъ мотовствомъ. Это было возможно только при Революціи, при пришествіи новыхъ людей, какъ въ 1917 г. Но поскольку хотѣли не Революціи, а превращенія Самодержавія въ конституціонную монархію, опытныхъ и знающихъ государственныхъ людей надо было сохранить и использовать. И характерно, что въ число такихъ назначенныхъ членовъ попадали не только люди реакціи — а такіе люди, какъ Витте, Таганцевъ, Кони, — и много другихъ. Это одно показывало истинный смыслъ и цѣль этого назначенія.

Но какъ бы то ни было, Государственный Совѣтъ все же могъ быть тормазомъ для думской инищіативы и для думскихъ поправокъ и имъ дѣйствительно былъ. Онъ прикрывалъ собой конфликтъ Монарха и Думы, одіумъ его бралъ на себя. Въ этомъ и было одно изъ его назна-

ченій. Но эту роль прикрытія онъ *долго* исполнить *не могъ*. Безъ поддержки Государя Государственный Совѣтъ былъ безсиленъ, какъ была безсильна Дума безъ поддержки страны. И именно потому, что всѣ это знали, при долгомъ конфликтѣ ударъ, направленный на Государственный Совѣтъ, попадалъ въ Государя. Государственный Совѣтъ былъ хорошимъ щитомъ, чтобы единичную стрѣлу отразить; онъ не годился, чтобы остановить и задержать серьезное *теченіе* въ обществѣ. Поскольку Дума дѣйствительно отражала настроеніе общества, Государь не могъ не понимать, что укрываться за Государственный Совѣтъ онъ не можетъ; ибо конституція давала ему достаточно средствъ, чтобы на Совѣтъ повліять.

Простѣйшимъ средствомъ, подсказаннымъ самой конституціей, было примѣненіе ст. 112 Основ. Зак. Законопроекты, возникшіе по иниціативѣ Думы или Совѣта и «отклоненные однимъ изъ сихъ установленій, могутъ быть вносимы на законодательное разсмотрѣніе въ теченіе той же сессіи, если послѣдуетъ Высочайшее на то повелѣніе». Если бы Государственный Совѣтъ отклонилъ думскій законъ, и по спеціальному повелѣнію Государя онъ былъ бы въ ту-же сессію снова внесенъ, это показало бы, что Государь *хочетъ* закона, и противиться ему значило бы идти противъ воли Государя. Для Думы это было не страшно, но для Совѣта опасно. Ибо это было не единственнымъ средствомъ. Другія были сильнѣе.

Каждое 1-ое января Государь могъ измѣнить составъ назначенныхъ членовъ Совѣта. Правда былъ споръ, насколько это законно, но правительство этотъ обычай установило и ни одна партія не могла бы противъ него возражать. М. В. Родзянко разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Архивъ Русской Революціи, XVII т., 73 стр.), что 22 декабря 1913 г. на едва ли искреннее замѣчаніе Государя, будто онъ не можетъ вліять на совѣсть назначенныхъ имъ членовъ Совѣта, онъ отвѣтилъ ему: «въ Вашихъ рукахъ списокъ назна-

ченныхъ членовъ Совѣта; измѣните этотъ списокъ, назначьте болѣе либеральныхъ съ Вами согласныхъ». Послѣ такого совѣта Дума теряла право негодовать, когда 1 января 1917 г. Государь по такому совѣту и поступилъ, сознательно идя на роковой для Россіи конфликтъ. А разъ существовала возможность такой операціи, прибѣгать къ ней и не пришлось бы. Она бы висѣла Дамокловымъ мечемъ надъ тѣми изъ назначенныхъ Государемъ членовъ Совѣта, которые рѣшили бы стать въ оппозицію къ Государю.

Но самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, гдѣ Основные Законы давали Думѣ явное преимущество передъ 2-ой Палатой, была 87 статья. Какъ это ни удивительно, никто объ этомъ не говорилъ и какъ будто этого не замѣчалъ, считая 87 ст. ограниченіемъ правъ именно Думы. Между тѣмъ при согласіи Государя и Думы Государственный Совѣтъ по конституціи былъ совершенно безсиленъ. Предположимъ, что какой-нибудь дорогой Государственной Думѣ законопроектъ былъ бы Государственнымъ Совѣтомъ отвергнутъ. Въ перерывѣ между двумя сессіями Государь проводитъ его по 87 ст., а по созывѣ Палаты немедленно вноситъ его на разсмотрѣніе Думы. Стоитъ Думѣ воспользоваться своимъ неотъемлемымъ правомъ и на повѣстку этого законопроекта *не ставитъ*, чтобы онъ оставался въ силѣ вопреки Государственному Совѣту. До него онъ никогда не дойдетъ, а пока будетъ *дѣйствителенъ*. Въ Думѣ бывало много законопроектовъ, которые свыше 10 лѣтъ не разсматривались. Я самъ въ маѣ 1916 г. докладывалъ одинъ изъ такихъ законопроектовъ, о крестьянскомъ равноправіи, введенный въ силу 5 октября 1906 г. и дотолѣ Думою не разсмотрѣнный.

А въ то же время ничего подобнаго устроить противъ Думы было нельзя. По ст. 110 законы вносятся въ Думу, а въ Государственный Совѣтъ поступаютъ *только послѣ* разсмотрѣнія въ ней. Поэтому, если Дума *противъ* закона, она его тотчасъ отвергнетъ и дѣйствіе его прекратится; а

Государственный Совѣтъ долженъ ждать, пока Дума удосужится его разсмотрѣть. Потому-то обойти Думу съ закономъ о Министерствѣ Здоровья такимъ путемъ не удалось.

И нужно признать, что съ закономъ о Юго-Западномъ Земствѣ Столыпинъ изъ самолюбія или горячности, но самъ не сумѣлъ воспользоваться тѣмъ, что давала ему конституція. Если бы вмѣсто того, чтобы демонстративно «нажимать» на законъ, роспускать на 3 дня Думу, онъ бы дождался каникулъ, *сговорился бы съ Думой* и законъ провелъ бы лѣтомъ, *по этой статьѣ* — все бы обошлось благополучно и былъ бы созданъ поучительный прецедентъ. Но Столыпинъ зарвался и не позаботился сговориться съ Думой; тогда Дума приняла его мѣру, какъ вызовъ себя, какъ ударъ по *конституціи;* ея предсѣдатель А. И. Гучковъ демонстративно подалъ въ отставку. Но странная роль нѣкоторыхъ партій была во время запроса! Оппозиція голосовала *противъ* закона о Юго-Западномъ земствѣ и естественно не хотѣла его экстраординарнаго проведенія. Ея возраженія и нападки на самовластіе Столыпина, на злоупотребленія конституціей, можно было понять. Она была въ своей роли. Но когда на Столыпина напало октябристское большинство, въ угоду которому Столыпинъ внесъ законъ именно въ редакціи Думы и этимъ далъ Думѣ надъ Государственнымъ Совѣтомъ побѣду, то что было причиной октябристскихъ нападокъ: педантическая ли преданность буквѣ закона, или непониманіе того, что Дума дѣлала? И пожалуй, П. А. Столыпинъ въ своей рѣчи былъ правъ, когда намекалъ, «что 14 марта (роспускъ Думы и Совѣта) случилось нѣчто не нарушившее, а укрѣпившее права молодого русскаго представительства». Это глубокое и положительное значеніе прецедента было замаскировано отъ всѣхъ, и отъ самой Думы тѣмъ, что въ этомъ Столыпинъ не смѣлъ открыто признаться. А намекъ его не былъ понятъ.

Вотъ почему хотя Дума и Совѣтъ по конституціи имѣли въ законодательствѣ одинаковыя права, на дѣлѣ по са-

мой же конституціи Дума была *сильнѣе* Совѣта. Совѣтъ могъ законъ *задержать*. Но пока общественное мнѣніе оставалось съ Думой, и было достаточно упорно, чтобы ее въ борьбѣ поддерживать, конфликтъ Думы съ Совѣтомъ превратился бы въ тотъ опасный конфликтъ страны съ Государемъ, передъ которымъ Государь, если не хотѣлъ Революціи, долженъ бы былъ уступить; а тогда и Совѣтъ уступилъ бы. Безусловное право его *вето* фактически превращалось въ суспензивное и потому не страшное *вето*. Такова въ области *законодательства* была конституція.

* *
*

Но конституція прошла бы мимо самаго главнаго, если бы измѣнила только процедуру законодательства, оставивъ по старому «управленіе». И въ наше до-реформенное время законы были лучше ихъ примѣненія. Зло стараго режима лежало гораздо болѣе въ управленіи; въ немъ ярко проявлялось безсиліе закона и неогражденность законнаго права. Поэтому *подлинные* зищитники стараго, какъ Горемыкинъ, старались по крайней мѣрѣ удержать въ своихъ рукахъ управленіе и для этого утверждали, что Манифестъ 17 октября обѣщалъ только новый порядокъ законодательства. «Вѣдѣнію новыхъ установленій, говорилъ на совѣщаніи Горемыкинъ, не подлежитъ область государственнаго управленія». Если бы такое пониманіе было правильно, то нашъ строй, конечно, могъ бы быть названъ лже-конституціей. Но это было бы искаженіемъ самого Манифеста. И Особое Совѣщаніе послѣ долгихъ споровъ стало на иную позицію. Схватки двухъ точекъ зрѣнія сосредоточились около 11-ой статьи конституціи. Она устанавливала, что государь Императоръ въ порядкѣ верховнаго управленія издаетъ указы «въ соотвѣтствіи съ законами». Споръ былъ объ этихъ словахъ, которые ограничивали Самодержавіе уже въ

области управленія. Спорящіе опять избѣгали ставить вопросъ со всей его ясностью, т. е. *долженъ* ли Монархъ сообразоваться съ законами? Они говорили о «чрезвычайныхъ обстоятельствахъ», о «force majeure» и т. д. Витте опять защищалъ полноту власти Монарха и предлагалъ *исключить* оговорку о «соотвѣтствіи законамъ». Либеральные бюрократы, Фришъ, Икскуль, Сольскій ему возражали. Въ результатѣ статья была принята съ *оговоркой*. По статьѣ 11-ой принципіально власть управленія была оставлена всецѣло за Государемъ; онъ не дѣлилъ ее съ представительствомъ. Но статья 11-ая позволяла ему управлять только «въ соотвѣтствіи съ законами» (не подымаю вопроса о диспансіи въ 23-й статьѣ Основныхъ Законовъ; теоретически спорное оно во многихъ конституціяхъ существуетъ). Благодаря этимъ словамъ былъ установленъ принципъ о подзаконности *всего* управленія, въ томъ числѣ и *верховнаго*. Эта капитальная оговорка еще разъ доказала, что прежняго Самодержавія болѣе нѣтъ.

Какъ ни важно провозглашеніе принципа, онъ рискналъ бы остаться мертвой буквой, если бы представительство не имѣло права наблюдать за его исполненіемъ. Именно это право было обѣщано Манифестомъ и теперь закрѣплено ст. 108 Основныхъ Законовъ; ею Думѣ предоставлялось «право запроса».

Хулители конституціи возмущались постановкой этого права; склонны были его считать фикціей. Конечно, немедленныя послѣдствія запроса были неощутительны. Иначе и быть не могло, разъ конституція была дуалистической, а не парламентарной, и министерство передъ Думой отвѣтственно не было. Запросъ не могъ свергнуть Министра, который отвѣтственъ былъ передъ однимъ Государемъ. Только парламентаризмъ даетъ представительству реальную власть въ управленіи. Но конституція не обязана быть непремѣнно парламентарной и наша Дума благодаря запросу получила не фиктивное, а очень реальное право.

Правда, Учрежденіе о Думѣ устанавливало для запроса совершенно ненужную и нелѣпую санкцію. Она была изложена въ слѣдующихъ словахъ ст. 60 Учрежденія о Думѣ: «Если, говорила эта статья, Государственная Дума большинствомъ двухъ третей ея членовъ не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ Монарха на запросъ, то дѣло представляется Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта на Высочайшее благовоззрѣніе».

Этотъ дикій и неконституціонный порядокъ *не примѣнялся ни разу*. Кто его выдумалъ — неизвѣстно. Онъ былъ проектированъ для Булыгинской Думы и оттуда перенесенъ въ Учрежденіе 20 февраля. Онъ остался въ немъ какъ архаическій пережитокъ. Достаточно напомнить, что по статьѣ 60 про дѣло, возникшее въ Думѣ, докладывалъ Государю предсѣдатель Государственнаго *Совѣта*, а не *Думы*. Этотъ порядокъ былъ опасенъ и политически, ибо вмѣшивалъ въ споръ самого Государя. Всѣ понимали безсмысленность такой процедуры и ни разу къ ней не прибѣгли. За нее къ стыду своему сталъ Сенатъ. Когда въ Думскомъ Наказѣ было постановлено, что для примѣненія этой статьи надо внести въ Думу особое предложеніе, Сенатъ нашелъ это незаконнымъ. Статья 60-ая, по его мнѣнію, не право, а *обязанность Думы* и потому должна примѣняться *автоматически*. Это возраженіе показало, какъ низко могъ пасть Сенатъ, когда вмѣсто охраны закона, занимался политикой. Подобное право Думы очевидно не могло *автоматически* примѣняться; никто кромѣ самой Думы не могъ признать неудовлетворительнымъ объясненія Министра; было необходимо, чтобы Дума вынесла объ этомъ *спеціальное постановленіе*. Но на этомъ не стоитъ настаивать; 60-ая статья не только не примѣнялась ни разу; никто никогда ее не *предлагалъ* примѣнить. Дума ограничивалась формулой перехода, которая практическихъ послѣдствій въ не парламентской конституціи имѣть не могла.

Было много другихъ справедливыхъ возраженій про-

тивъ постановки «запроса», но имъ мѣсто скорѣе въ спеціальномъ журналѣ, чѣмъ здѣсь. Такъ право запроса ограничивалось лицами, подчиненными Сенату; онъ могъ быть предъявленъ только о «незаконномѣрности» дѣйствій; требовалось непремѣнно 30 подписей и т. д. Практика показала, что ни одно изъ этихъ ограниченій ничему не мѣшало. Запросъ часто касался дѣйствій формально *законныхъ*, и о лицахъ *неподчиненныхъ* Сенату. Таковы запросы 1-й Думы о смертной казни на томъ основаніи, что они противорѣчили Думскому адресу; запросъ 3-й Государственной Думы о Финляндскихъ дѣлахъ, и о введеніи Юго-Западнаго земства которые касались дѣйствій Совѣта Министровъ не подчиненнаго Сенату. Съ этими ограниченіями никто не считался, ибо они запросу и его значенію помѣшать не могли. Надо только уяснить, что сила запроса была не въ санкціи Думы, не въ томъ, что она скажетъ; при отсутствіи парламентаризма она своимъ вотумомъ не могла Министра свалить; иногда она его укрѣпляла. Была не безъ горькаго основанія шутка, что у насъ парламентаризмъ существуетъ, но только на выворотъ; довѣріе Думы Министра компрометируетъ, а недовѣріе укрѣпляетъ. Смыслъ запроса былъ въ томъ, что Дума получала законное, конституціонное право дѣйствія властей обличать, осуждать, оглашать и требовать Министровъ къ отвѣту. Всякій запросъ, даже отвергнутый Думой, даже укрѣпившій Министра былъ опасенъ ему, если правда была за запросомъ если въ немъ не было неправды, преувеличенія, тенденціозности. Оттого Министры *боялись* запросовъ.

И я скажу тоже, что говорилъ про законодательство. Абсолютизмъ, диктатура не мирятся съ правомъ ихъ публичнаго обличенія и осужденія. Чтобы существовать и дѣйствовать, они должны ихъ запрещать; такъ было при нашемъ Самодержавіи, такъ стало теперь въ Италіи, Германіи, Совѣтской Россіи. Такъ будетъ вездѣ, гдѣ установится *диктатура*. И когда Основные Законы 1906 г. не только объ-

явили Монархію «ограниченной», но и обезпечили представительству право предлагать новые законы и обличать управленіе, они установили для конституціи твердое основаніе и открыли для Россіи новую эру. Она и началась съ фактическимъ созывомъ 1-й Государственной Думы.

Глава XXV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Для тѣхъ, кто жилъ въ старое время, конституція 1906 г. осуществила гораздо болѣе того, о чемъ они въ юные годы мечтали. Въ 1881 г. одно предложеніе о введеніи въ Государственный Совѣтъ нѣсколькихъ представителей земствъ называлось уже «конституціей»; за него слетѣли сподвижники Лорисъ-Меликова. Въ 1894 году заявленіе о желательности для Государя услыхать голосъ земствъ по вопросамъ, которые касались *всего* государства, показалось Никола «безсмысленными мечтаніями». Когда «Освободительное Движеніе» становилось сильнѣе, а престижъ Самодержавія падалъ, когда отовсюду стали требовать «*представительства*», власть все-таки упиралась; въ послѣднюю минуту она его или вычеркивала, какъ въ Указѣ 12 декабря 1904 г. или вводила только «при неприкосновенности Самодержавія», какъ въ Булыгинской Думѣ. Было чудомъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого была объявлена *настоящая конституція* и власть Самодержца сдѣлалась *ограниченной по закону*. Люди, которыхъ воспитывали въ убѣжденіи, что Россія отъ неограниченнаго Самодержавія неотдѣлима, *дожили* до того, что слово «Самодержецъ» стало историческимъ титуломъ, а терминъ «неограниченный» былъ вычеркнутъ, какъ неотвѣчающій существу нашего строя. Съ этихъ поръ Россія стала конституціонной страной; представительство сдѣлалось неотъемлемымъ фак-

тромъ государственной жизни. Россія могла развиваться только по линіи соглашенія между исторической властью и обществомъ. Безъ ихъ согласія ничего измѣнить было нельзя. А настойчивость общества, поддержка представительства широкимъ общественнымъ мнѣніемъ, давали ему и *юридическій* перевѣсъ надъ исторической властью. Такова мысль Основныхъ Законовъ 1906 года.

Въ этихъ Законахъ были неудачныя частности, которыя легко было исправить. Но вѣрна была основная идея, на которой была построена конституція. Она настолько соотвѣтствовала задачѣ момента. что если бы ее съ этой цѣлью придумала бюрократія, это былъ бы рѣдкій памятникъ ея политической мудрости. Этому трудно повѣрить. Такая мудрость не вязалась съ упрямствомъ, съ которымъ бюрократія до тѣхъ поръ отстаивала свои ненужныя привилегіи. Конституція образовалась на равнодѣйствующей двухъ противоположныхъ тенденцій, явилась результатомъ уступки старыхъ традицій запросамъ общественности. *Объективная необходимость* указала линію, гдѣ должно было быть примиреніе. *Она* создала базу для основъ конституціи, которую формулировали опытныя руки бюрократовъ-законниковъ. Судя по преніямъ «Совѣщанія» можно думать, что ея авторы сами не сознавали, насколько удачно они разрѣшили проблему.

Строй 1906 г. *не* предназначался быть окончательнымъ; но онъ былъ тѣмъ, что было нужно въ *это переходное* время. Россіи была нужна глубокая реформа, раскрѣпощеніе общества, обезпеченіе правъ человѣческой личности. Этого не понимали «историческая власть» и классы, на которые она спиралась. Они оберегали сословность, обособленность и неравноправность крестьянъ; выше личныхъ правъ ставили «Высочайшую волю». Съ 80-хъ годовъ они этимъ шли наперекоръ развитію жизненныхъ силъ. Общественность видѣла, гдѣ зло и гдѣ выходъ, но не понимала, какой *осторожности* требуетъ разрѣшеніе этой задачи; она забыла, что

прочна только нормальная эволюція, а не политическое землетрясеніе. Если бы дать волю общественности Революція была неизбѣжна. Было правильной мыслью соединить историческую власть съ русской общественностью и дать имъ возможность идти впередъ *только* по дорогѣ *соглашенія* между ними, т. е. по дорогѣ *взаимныхъ уступокъ*.

Въ этомъ и была идея конституціи 1906 года. Она была настолько правильна, что несмотря на всѣ противодѣйствія результатъ этого скоро сказался. Тѣ, кто пережилъ это время, видѣли, какъ конституція стала воспитывать и власть и самое общество. Можно только *дивиться* успѣху, если вспомнить, что конституція просуществовала нормально всего 8 лѣтъ (войну нельзя относить къ нормальному времени). За этотъ 8-лѣтній періодъ Россія стала экономически подниматься, общество политически образовываться. Появились бюрократы новой формаціи, понявшіе пользу сотрудничества Государственной Думы, и наши «политики» научилась дѣлать общее дѣло съ правительствомъ. И это въ то время, когда въ передовой части «общественности» борьба съ «властью» оставалась главнымъ двигателемъ, какъ будто интересы Россіи были *въ борьбѣ*, а не въ совмѣстной работѣ обоихъ противниковъ надъ преобразованіемъ русскаго государства. Сколько это отняло и времени и силъ отъ нужной и полезной работы! И все-таки, не смотря на это, совмѣстное участіе власти и общества въ управленіи государствомъ, оказалось для тѣхъ и для другихъ незамѣнимою школою, а для Россіи началомъ ея «*возрожденія*».

Если бы вмѣсто «борьбы» до полной побѣды общественность устремила бы свою энергію на окончаніе реформъ 60-хъ годовъ, на полное освобожденіе крестьянъ, на завершеніе земской реформы и мѣстный судъ, т. е. на все то, что было начато и неокончено, что исказила реакція 80-хъ годовъ, что съ Самодержавіемъ казалось несовмѣстимымъ, а при конституціи дѣлалось очень простымъ, если бы вниманіе либеральныхъ политиковъ сосредоточилось не на борь-

бѣ, а на *этой* работѣ, то по мѣрѣ проведенія и усвоенія всѣхъ этихъ реформъ, конституція 906 г. стала бы «самотекомъ» видоизмѣняться, соотвѣтственно пройденной политической школѣ. Пришло бы безъ всякихъ сенсацій — и расширеніе избирательныхъ правъ, и увеличеніе компетенціи Думы и политическая зависимость отъ нея Министерства. Это было бы не «побѣдой надъ врагомъ», а понятнымъ для всѣхъ «усовершенствованіемъ» государственнаго аппарата, приспособленіемъ его къ стоявшимъ передъ нимъ цѣлямъ. Это былъ бы тотъ путь естественной *эволюціи* государства, которымъ Россіи идти не пришлось.

Въ этомъ вина общественности, пожалуй, больше, чѣмъ власти. Представители общественности, увѣренные, что они все сами умѣютъ, что страну *они* представляютъ, что она вѣритъ *имъ*, убѣжденные, что управлять страной очень легко, что только бездарность нашей бюрократіи не давала проявиться всѣмъ талантамъ русскаго общества, неустанно себя въ своей прессѣ рекламировавшіе, и кончившіе тѣмъ, что повѣрили сами тому, что о себѣ говорили, самовлюбленные и непогрѣшимые, не хотѣли унизиться до *совмѣстной* работы съ прежнею властью; они соглашались быть только хозяевами. Они ими и стали въ 1917 году на горе себѣ и Россіи.

Міровой кризисъ, который мы теперь наблюдаемъ, оттѣняетъ величину того зла, которое политика послѣднихъ десятилѣтій причинила Россіи. Для Россіи современный тупикъ насталъ бы нескоро. Она имѣла преимущество своей общей отсталости. Въ ней не было ни безземелія, ни перенаселенности, ни чрезмѣрной индустріализаціи, ни безработицы, ни другихъ оборотныхъ сторонъ экономической свободы. Она была такъ велика, и въ ней было столько богатствъ, что она могла въ другихъ не нуждаться. Она была сама *Лигой Націй*. Ей незачѣмъ было искать новыхъ путей; для нея было достаточно дороги, по которой давно шла европейская демократія. Боязнь, что русскій народъ духовно опу-

стится, если будетъ подражать европейской погонѣ за матеріальными благами, была преждевременна; въ отсталой и бѣдной Россіи былъ такой громадный запасъ идеализма и мистики, что она не скоро сдала бы эти позиціи «мѣщанской идеологіи».

Если бы Россія съ злополучныхъ 80-хъ годовъ развивалась нормальнымъ путемъ, она могла бы еще долго остаться внѣ мірового кризиса, и была бы сейчасъ самой свободной страной, сохранившей культъ тѣхъ началъ, которыя уже успѣли пріѣсться въ Европѣ.

Было ли съ этимъ опоздано въ 1906 г.? Тогда только 8 лѣтъ отдѣляли насъ отъ Великой Войны, которая ускорила и міровой кризисъ, и русскій развалъ. Никто рѣшить этого вопроса не сможетъ, и намъ утѣшительнѣй думать, что въ томъ, что случилось, *не мы* виноваты. Но дѣло не въ томъ, что Россіи мы спасти не смогли бы, а въ томъ, что *мы* ее *не спасали*, а сами *губили*.. Докторъ, который вмѣсто лѣкарства даетъ смертельные яды больному, не можетъ считать себя правымъ оттого, что болѣзнь *все равно* была неизлѣчима. Если не мы *убили* больного, то мы *помогли* его добивать. Конечно, для упадка Россіи Александръ III и его совѣтники сдѣлали больше, чѣмъ «общественность» нашего времени. Нельзя говорить объ отвѣтственности отдѣльныхъ людей. Ихъ вина и ошибки только потому имѣли значеніе, что ихъ поддерживало русское общество, что оно покидало тѣхъ, кто этихъ ошибокъ *не дѣлалъ*. Наши «вожди» были щепками, которыхъ стихія несла. Настроеніе общества опредѣлялось нашей исторіей; оно было расплатой за успѣхи и заслуги нашей исторической власти. Со времени Петра власть была много выше общества и народа и вела ихъ къ ихъ же благу насиліемъ. Успѣхи власти, за которые ей должна была быть благодарна Россія, были народу непонятны и чужды. И въ отношеніи его къ исторической власти существовали долго только двѣ крайности: раболѣпное послушаніе или тайное сопротивленіе. Понятіе *согласія* и *со-*

трудничества съ властью было обществу незнакомо. Исторія вырабатывала два крайнихъ типа общественныхъ дѣятелей — «прислужниковъ» и «бунтовщиковъ». Независимыхъ, самостоятельныхъ, но лойяльныхъ по отношенію къ власти людей жизнь не воспитывала.

Все это, по извѣстному афоризму Токвиля, обнаружилось всего рѣзче тогда, когда нашъ дурной государственный строй сталъ исправляться и когда согласіе власти съ общественностью было сдѣлано *основой* новыхъ порядковъ. Вмѣсто разумнаго общества, которое помогло бы успокоить Россію, власть передъ собой увидала людей, которые «съ легкимъ сердцемъ» вели страну къ революціи. Ихъ «боевые лозунги», проекты ихъ «конституцій», ихъ «Учредительное Собраніе», ихъ совѣты бороться съ революціей полной капитуляціей передъ нею — были Немезидою власти. Вмѣсто полезныхъ сотрудниковъ она встрѣтила враговъ, которые продолжали ее добивать. И если въ 1906 г. мы избѣжали того, что случилось черезъ 11 лѣтъ, то только потому, что власть была еще достаточно сильна, чтобы съ революціей справиться безъ помощи общества. Это дало Россіи еще разъ шансъ на спасеніе. Но за 8 лѣтъ до войны ни одной минуты терять болѣе было нельзя; а мы ихъ продолжали терять до *послѣдняго часа*.

А вѣдь въ обоихъ лагеряхъ были люди, которые положеніе понимали. Но благодаря *этому* они теряли вліяніе въ своей же средѣ. Такимъ былъ П. А. Столыпинъ, и *его* среда его отвергла и задушила. Таковы были тѣ немногіе люди среди нашей либеральной общественности, которые подъ снисходительными насмѣшками новыхъ «властителей думъ», какъ *отсталые* сходили съ политической сцены. Общество за *ними* не шло.

Въ этомъ была трагедія и руководящей *кадетской* партіи. Она была признанной представительницей русскаго либерализма; она одна не боялась глубокихъ реформъ и въ то же время революціи не призывала. *Это* въ ней цѣнилъ обы-

ватель, когда въ 1906 году отдавалъ ей на выборахъ свои голоса. И однако эта партія, которая больше всѣхъ имѣла заслугъ въ *завоеваніи* конституціи, которая ее добилась въ формѣ, которая обезпечивала именно ей преобладающую роль въ преобразованіи Россіи, эта партія «конституціонной монархіи» на дѣлѣ сдѣлала все, чтобы *помѣшать* ея укрѣпленію. Партія на себѣ отразила перевѣсъ бунтовщичедѣ ея самой испытанные земскіе дѣятели отступили передъ теоретиками-интеллигентами съ ихъ книжными построеніями и съ ихъ жаждой «борьбы до полной побѣды». Партія безсознательно вела къ революціи, отъ которой сама *отрекалась*, скихъ настроеній надъ государственнымъ разумомъ. Въ сре- и губила конституцію, въ которой было спасеніе и ея самой, и Россіи.

Вспоминая примѣры вліянія этого *общаго* настроенія, я часто думаю объ хорошемъ русскомъ человѣкѣ, который былъ этимъ загубленъ, о кн. Г. Е. Львовѣ. Какъ эта революціонная волна выносила его на для него *неподходящія* роли! Самъ онъ былъ убѣжденнымъ *практическимъ земцемъ*; онъ боролся съ Самодержавіемъ, какъ боролись *старые* земцы, не тѣмъ, что его отрицалъ или ему старался мѣшать, но тѣмъ, что, какъ земецъ, укрѣплялъ и расширялъ земское дѣло. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ человѣкомъ типа Шипова. Во время японской войны онъ не былъ «тыловымъ пораженцемъ», а уѣхалъ на Дальній Востокъ, чтобы во главѣ земскихъ отрядовъ помогать общему дѣлу войны. Но когда онъ вернулся съ Востока, «Освободительное движеніе» съ новыми лозунгами и новыми людьми уже владѣло политической сценой. Львовъ не пошелъ противъ общаго настроенія; для этого онъ былъ слишкомъ мирнымъ и уступчивымъ человѣкомъ. Онъ тоже *подчинился* новой формаціи. Хотя Шиповъ назвалъ его Витте какъ кандидата въ Министры, онъ самъ повезъ вмѣстѣ съ Кокошкинымъ къ Витте нелѣпый *ультиматумъ* отъ бюро земскихъ съѣздовъ. На ноябрьскомъ съѣздѣ 905 г. онъ голосовалъ съ большинствомъ. Но раздѣ-

лялъ ли онъ «политику» кадетской партіи? Было общеизвѣстно и на себя обратило вниманіе, что Выборгскаго воззванія онъ *не* подписалъ. Но этого мало. Изъ книги Т. И. Полнера я узналъ подробность, которую раньше не зналъ. У одного знакомаго Львовъ нашелъ увеличенную фотографію 1-ой Государственной Думы. Онъ спросилъ: «почему-же именно первой»?

«Для меня она внѣ сравненія; негодующая, горячая, искренняя, молодая. Это — какъ первая любовь...

«Кн. Львовъ покачалъ головой.

«Ну уже не знаю... А по мнѣ не оправдала возлагавшихся ожиданій. Не сумѣла примѣниться къ моменту и къ правительству, не сумѣла работать вмѣстѣ. Въ концѣ концовъ разошлась, ничего не сдѣлавъ».

— «Развѣ можно работать съ Министерствомъ Горемыкина»?

— «*Работать можно всегда* — была бы охота. Да тогда большинству было не до того».

(Т. Полнеръ, Жизненный путь кн. Львова, стр. 158).

Вотъ это и было идеологіей *либеральныхъ практиковъ: работать можно всегда.* Работой воспитывается и создается общественность. «Освободительное же Движеніе» вмѣсто работы рекомендовало «бойкотъ и забастовку». Идеологію Львова интересно сопоставить съ идеологіей вождя кадетской партіи, П. Н. Милюкова. Онъ находилъ, что ничего сдѣлать нельзя, пока не будутъ сняты три замка, которые мѣшаютъ работать; пока не будетъ уничтожена 2-ая Палата, не введена 4-хвостка, не установлена отвѣтственность министерствъ передъ Думой». Можно считать *спорнымъ*, вредны ли для Россіи были эти замки? Но мысль, что ихъ надо *сначала* снять, чтобы имѣть возможность работать, была та-же старая риторика Союза Союзовъ будто никому ничего нельзя дѣлать *до созыва Учредительнаго Собранія по 4-хвосткѣ.*

Политика кадетской партіи сама создавала условія, которыя ей *мѣшали* работать. Какимъ глубокимъ трагизмомъ

звучитъ разсказъ Винавера о какъ-то сказанныхъ ему Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ въ первые мѣсяцы революціи словахъ: «Мы съ Вами рождены быть парламентаріями, а судьба все ставитъ насъ въ условія, гдѣ борьба должна вестись *другими путями*. Такъ было всегда, въ 1905—1906 г.; такъ оно и теперь». Въ этихъ словахъ много вѣрнаго. И не только эти два выдающихся человѣка, которые могли быть превосходными парламентаріями, но большинство кадетскихъ лидеровъ для этихъ «другихъ путей» не годились. Внѣ парламента, внѣ конституціоннаго строя они *все* теряли, какъ это показалъ 1917 г. Но сознавая это, они все-таки не замѣчали, что *сами* подготовляли обстановку для этихъ «другихъ путей». Когда тотъ же самый Кокошкинъ въ 1905 году торжествовалъ, что бюро Земскихъ Съѣздовъ отказало въ поддержкѣ Витте—онъ наносилъ ударъ не Витте, а парламенту и себѣ самому. А послѣ объявленія конституціи? Почему и тогда, въ 1906 г., онъ находилъ, что борьба *должна* была вестись *другими* путями? Почему кадеты *тогда* не попробовали своего искусства въ *примѣненіи* конституціи 906 года? Почему они не хотѣли согласиться, что революція для нихъ опаснѣе правительства и продолжали шутить съ Ахеронтомъ? Отталкивая соглашеніе съ властью, они тѣмъ самымъ шли въ услуженіе къ Ахеронту. Но кто же былъ виноватъ въ этомъ выборѣ?

Въ этомъ былъ весь парадоксъ, что подготовляя пути революціи, т. е. «другіе пути», они за это все же винили ту власть, которую сами отталкивали. Въ своей знаменитой привѣтственной рѣчи Государственной Думѣ С. А. Муромцевъ говорилъ не только о «полномъ осуществленіи правъ вытекающихъ изъ «природы» народнаго представительства», но и «подобающемъ уваженіи къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха». Это было прекрасно. Однако, когда Монархъ эти прерогативы использовалъ, и распустилъ Государственную Думу, что было его неотъемлемымъ правомъ, С. А. Муромцевъ, вопреки своимъ убѣжденіямъ, Выборгское

воззваніе все-таки *подписалъ*. Сколь многіе изъ тѣхъ, кто его подписалъ, открыто признавали это ненужной нелѣпостью! Но наслѣдіе прошлаго ихъ крѣпко держало.

При такомъ отношеніи общества къ новообъявленной конституціи удивительно ли, что историческая власть, которая ее октроировала, стала склонна въ этомъ раскаиваться? Если кадеты на апрѣльскомъ съѣздѣ показали младенчество, занявъ непримиримую позицію къ конституціи, то вѣдь и самъ Государь опубликовалъ ее безъ радости, съ затаенной досадой противъ своего же правительства. Разъ онъ вообще только *противъ воли* рѣшилъ стать конституціоннымъ Монархомъ, онъ въ этой досадѣ на нихъ былъ правъ. Конституція, ими выработанная, лишила его *Самодержавія*. Никакія льстивыя и успокоительныя слова не могли измѣнить этого факта. Самодержавіе уже не было «тѣмъ, чѣмъ было прежде» — какъ это онъ загадочно заявилъ какой-то депутаціи.

Но не только тѣ, которые конституціи не хотѣли и принимали ее съ скрежетомъ зубовнымъ, но даже тѣ, которые поняли ея необходимость и убѣдили Государя ее октроировать, не могли не чувствовать безпокойства. «Конституцію» они отстаивали въ предположеніи, что ей можно *предотвратить* Революцію, что «конституціоналисты» — не «революціонеры», что конституція *укрѣпитъ* власть конституціоннаго Государя, какъ все это не разъ совершенно искренно говорилось отъ имени Освободительнаго Движенія; а на дѣлѣ оказывалось, что «лойяльные конституціоналисты» миѣъ, которыхъ нигдѣ не видать, что конституціонная выбранная страной партія — кадеты, ведетъ къ «революціи». Немудрено, что и въ лагерѣ власти стали думать не о сотрудничествѣ, а о борьбѣ, и какъ въ лагерѣ общественности признавали необходимость революціи, такъ въ лагерѣ власти стали раздумывать о «государственномъ переворотѣ».

Такъ сба эти противоположныхъ настроенія питали и укрѣпляли другъ друга, и мѣшали той совмѣстной работѣ

на благо Россіи, для которой была создана конституція, и тому преобразованію Россіи, необходимость котораго уже никѣмъ, кромѣ зубровъ, не отрицалась. И можетъ показаться скорѣй удивительнымъ, какъ при этихъ условіяхъ могла устоять конституція и не только устоять, но и принести за короткое время несомнѣнную пользу. Но это только показываетъ, что законы общественной природы сильнѣе людского сознанія. Люди, которые могли бы и должны бы были использовать конституцію, вводить ее въ жизнь и стать творцами новой Россіи — отъ этого *уклонились*. Жизнь на ихъ мѣсто выдвинула *другихъ* людей и *другія* партіи, у которыхъ для этого не было этихъ данныхъ, но которые эту задачу все же исполнили. Не кадеты, которые въ I-й Государственной Думѣ рисковали надолго провалить конституцію, а тѣ, кто ее не хотѣлъ, но съ ней примирился, различнаго рода ralliés и изъ общества и изъ бюрократіи, даже тѣ, кто съ ней раньше боролся, работники *послѣдняго* часа, явились создателями новыхъ порядковъ. Укрѣпленіе конституціи шло зигзагами, съ отступленіями, съ массой ложныхъ шаговъ, иногда роковыхъ — какъ напримѣръ русская націоналистическая политика, но все-таки шло. Кадетамъ оставалась лишь «благодарная роль оппозиціи». И поэтому эти 8 лѣтъ конституціонной работы не дали всѣхъ результатовъ. Они позволили Россіи выдержать три года войны, но не дали ей довести войну до конца.

Но и это уже было чудесно. И это чудо могло совершиться потому, что у конституціи былъ могучій защитникъ. Россія не вся заключалась въ той нашей культурной общественности, которая съ большой самоувѣренностью присвоила себѣ право говорить именемъ всѣхъ, и въ 1917 г. съ такимъ легкомысліемъ вообразила, что «прошлая общественная и политическая дѣятельность членовъ Временнаго Правительства обезпечила имъ довѣріе страны». (Воззваніе Временнаго Правительства). Кромѣ нея былъ еще обыватель, который въ 1906 г. поддержалъ кадетскую партію, ко-

тда она указывала ему на возможность спасенія мирнымъ легальнымъ путемъ, который не пошелъ за ней, когда она преподнесла ему нелѣпые совѣты изъ Выборга; это тотъ же обыватель, который опять пошелъ за кадетской партіей, когда во время войны онъ увидѣлъ, что она была *за Россію*. Кромѣ обывателя были и тѣ широкія массы, которыя всегда опора всякой, даже плохой существующей власти, пока она отъ себя не отрекается. Когда историческая власть, хотя **contre coeur** дала конституцію, не только ее не отмѣнила, но даже *явно* не нарушила, инерція массы пошла на защиту *новаго* строя. Только когда тяжесть войны и безуміе власти въ ея послѣдніе годы и мѣсяцы оттолкнули страну и отъ власти и отъ конституціи, и когда власть при первыхъ признакахъ неудовольствія бросила все и ушла, только тогда въ порывѣ отчаянія, за которое она теперь платится, страна поступила какъ испуганный пассажиръ, который переставъ вѣрить шоферу, на всемъ ходу прыгаетъ изъ автомобиля.

Это стоитъ за предѣлами настоящихъ воспоминаній. Они доведены до новой главы русской исторіи, до конституціонной Монархіи, т. е. до преобразованной «обновленной Россіи». Эта глава исторіи начинается дѣятельностью любимой, прославленной и превознесенной первой Государственной Думы, той Думы «народнаго гнѣва», «народныхъ надеждъ», которой посвящено столько восторженныхъ книгъ и статей. Восхваленіе этой Думы и созданіе «легенды» объ ней одинъ изъ пріемовъ, которыми побѣжденные *мстятъ* своимъ побѣдителямъ. Но теперь это ненужно: пора признаться, что эта Дума при всѣхъ личныхъ качествахъ и достоинствахъ ея членовъ была яркимъ образчикомъ нашей политической неумѣлости. Укрѣпленію конституціоннаго строя она не помогла, а мѣшала въ то время, когда всякая «потеря времени» была поистинѣ «смерти подобна». И она *приблизила* насъ къ заключительной катастрофѣ.

В. Маклаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

Реакція.

Глава I.

Юность моего поколѣнія.

I.—Переживанія моего поколѣнія. Отъ «эпохи безвременья» до «мірового кризиса». Творческое Самодержавіе 60-хъ годовъ. II. — Упадокъ Самодержавія въ 80-хъ годахъ. Характеръ реакціи въ обществѣ и въ правительствѣ. Причины правительственной реакціи. Ея безнадежность. 5

Глава II.

Старшіе.

Жизнь въ 80-хъ годахъ. Пережитки до-реформенныхъ нравовъ. Типы уходящей эпохи. Отношеніе общества къ Самодержавію. 29

Глава III.

Студенчество моего времени.

Вліяніе Толстовской гимназіи, Университетскаго Устава 84 года и общественныхъ настроеній. Брызгаловскіе безпорядки и ихъ характеръ. Послѣдствія ихъ для Московскаго Университета. Настроеніе студенческой молодежи. Оживленіе въ ней.... 69

Глава IV.

Новыя теченія въ студенчествѣ.

I. — Парижская Студенческая Ассоціація. Установленіе связи съ нею. Безпорядки 1890 года. Международный студенческій Съѣздъ въ Монпелье. Участіе въ немъ русскаго делегата. II.—Легализаторское теченіе. Оркестръ и Хоръ. Концертъ въ пользу

голодающихъ 91 года. Нападки на легализаторское теченіе справа и слѣва. Первое появленіе въ студенчествѣ марксистовъ.... 93

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Оживленіе Россіи.

Глава V.

Начало оживленія въ общественномъ настроеніи.

Голодъ 91 года и его вліяніе на общественную жизнь. Новое царствованіе. Надежды и разочарованія. Новая идеологія въ обществѣ. 127

Глава VI.

Освободительное Движеніе.

I. — Его особенность. Земцы и интеллигенція. Ихъ соотношеніе. Сдача позицій земцами интеллигенціи. II. — «Программа» Освободительнаго Движенія. Ея сдвигъ влѣво. III. — «Тактика» освободительнаго движенія. Расхожденіе со старымъ либерализмомъ. Вліяніе новой тактики на адвокатуру и другія профессіи.. 139

Глава VII.

Отпечатокъ освободительнаго движенія на психологіи общественности.

I. — Деформація стараго либерализма. Ставка на Ахеронтъ. Политическій терроръ и соглашеніе съ нимъ. II. — Волненія учащейся молодежи какъ факторъ освободительнаго движенія. III.— Рабочій вопросъ и отношеніе къ нему освободительнаго движенія. IV. — Аграрный вопросъ и демагогія. 174

Глава VIII.

Національная проблема въ «освободительномъ движеніи».

I. — Національный вопросъ въ старой и новой Россіи. II.— Японская война и пораженчество. Двойственная роль Освободительнаго Движенія. 222

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Уступки Самодержавія и его паденіе.

Глава IX.

Витте какъ идеологъ либеральнаго Самодержавія.

Политическая позиція Витте. Витте и либерализмъ. Витте и земство. Витте и Самодержавіе. Витте при Николаѣ II. Витте и крестьянскій вопросъ. 247

Глава X.

Попытка крестьянской реформы.

I. — Сипягинъ и образованіе Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Разногласіе Сипягина и Витте по вопросу объ участіи земства. II. — Смерть Сипягина и его замѣна В. К. Плеве. Политическая позиція Плеве. III. — Организація и настроенія земской Россіи. Бесѣда и Земское Объединеніе. 278

Глава XI.

Общественность, Витте и Плеве.

I. — Откликъ земцевъ на призывъ Витте, какъ Предсѣдателя Особаго Совѣщанія. Совѣщаніе Земскаго Объединенія у Д. Н. Шипова, въ маѣ 1902 года. Его программа. Расправа Плеве съ участниками этого Совѣщанія. II. — Работа въ сельско-хозяйственныхъ Комитетахъ. Звенигородскій Уѣздный Комитетъ. III.— Побѣда Плеве надъ Витте и надъ Особымъ Совѣщаніемъ. Агрессивная политика Плеве и ея результаты. Убійство Плеве. 300

Глава XII.

«Весна» Святополкъ-Мирскаго. Попытка «либеральнаго Самодержавія».

I. — Святополкъ-Мірскій. Его примирительный курсъ и отношеніе къ нему Освободительнаго Движенія. Ставка Святополкъ-Мирскаго на либеральное земство. Ноябрьскій Земскій

Съѣздъ 1904 года. II. — Выступленіе интеллигенціи. Банкетная кампанія. Соглашеніе съ революціонными партіями. III. — Результатъ ноябрьскаго земскаго съѣзда. Указъ 12 декабря 1904 г. Возвращеніе къ идеѣ либеральнаго Самодержавія и возвѣщеніе глубокихъ реформъ. Правительственное Сообщеніе того же числа, противорѣчащее духу Указа. IV.—Отвѣтъ лойяльной общественности на правительственное сообщеніе. Отвѣтъ Ахеронта. 320

Глава XIII.

Попытка Самодержавія спасти себя совѣщательнымъ представительствомъ.

Акты 18 февраля: Манифестъ, Рескриптъ и Указъ. Послѣдствія Указа. Организація Общества. Профессіональные Союзы для политическихъ цѣлей. Адвокатскій Съѣздъ и Союзъ. Крестьянскій Союзъ. 355

Глава XIV.

Агонія Самодержавія.

I. — Притязанія организованной интеллигенціи. Ея оппозиція земцамъ. Отступленіе земства передъ напоромъ интеллигенціи. Февральскій и апрѣльскій земскіе съѣзды. Расколъ въ передовой земской средѣ. II. — Майскій «коалиціонный» земскій съѣздъ. Общее постановленіе. Петергофскій пріемъ Государемъ. Іюльскій Земскій Съѣздъ. Земскій проектъ конституціи. Сліяніе земцевъ конституціоналистовъ съ Союзомъ Союзовъ..... 369

Глава XV.

Капитуляція Самодержавія.

Манифестъ о Булыгинской Думѣ. Сентябрьскій Земскій Съѣздъ. Объявленіе Университетской автономіи. Ея неудача. Всеобщая забастовка. Учредительный Съѣздъ кадетской партіи. Объявленіе конституціи 390

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

„Первая Революція".

Глава XVI.

Манифестъ 17 октября.

«Увѣнчаніе зданія» или «начало Революціи». Аттака Революціи на Манифестъ. Борьба власти противъ Революціи. Двухсмысленная позиція либеральной общественности. Колебанія власти. Принятіе вызова и разгромъ Революціи. 403

Глава XVII.

Попытка власти сговориться съ общественностью.

Попытка власти найти опору въ земской средѣ. Бесѣда Витте съ Д. Н. Шиповымъ. Пріѣздъ делегаціи отъ бюро земскихъ съѣздовъ. Его ультиматумъ. Переговоры Витте съ отдѣльными общественными дѣятелями. Бесѣда Витте съ Милюковымъ по разсказу послѣдняго. Разочарованіе Витте въ общественности. 430

Глава XVIII.

Земскій Съѣздъ ноября 1905 г.

Земцы какъ опора конституціоннаго порядка въ Россіи. Постепенный захватъ земства интеллигенціей. Расхожденіе между Земскими Съѣздами и земствами. Земскій Съѣздъ ноября 1905 г. Земская формула замѣнившая Учредительное Собраніе. Отказъ земствъ въ поддержкѣ Витте. Земское меньшинство. Депутація Земскаго Съѣзда къ Витте. Разрывъ Витте съ земцами..... 452

Глава XIX.

Образованіе политическихъ партій въ Россіи.

Политическія партіи послѣ 1905 года. Исключительная роль к. д. партіи. Ея образованіе въ эпоху освободительной борьбы. Отпечатокъ положенный на нее этимъ происхожденіемъ. Учредительный Съѣздъ партіи въ октябрѣ 1905 г. Несоотвѣтствіе между составомъ и программой партіи и той исторической ролью, которая на ея долю выпала. 473

Глава XX.

Основной порокъ к. д. партіи.

I. — Колебаніе между двухъ противоположныхъ идеологій. II. — Первые мѣсяцы партіи. Двусмысленность партійныхъ постановленій. III. — Январскій Съѣздъ партіи какъ символъ. .. 482

Глава XXI.

Достоинства и заслуги к. д. партіи.

Причины успѣха партіи въ массахъ. Программа и тактика. Митинги и избирательная кампанія. Заслуги партіи передъ конституціей. Побѣда на выборахъ. 508

Глава XXII.

Легенда о кадетскомъ противодѣйствіи займу.

I. — Возрожденіе въ эмиграціи этой легенды въ новыхъ варіантахъ. Что дѣйствительно было. То, чего не было. II. — Возвращеніе въ Москву. Уступка кадетами одного депутатскаго мѣста отъ Москвы рабочему кандидату. 525

Глава XXIII.

Апрѣльскій Кадетскій Съѣздъ

Ослѣпленіе кадетъ своею побѣдой. Ихъ неосвѣдомленность. Заблужденіе относительно отставки министерства Витте и неопубликованія Основныхъ Законовъ. Двусмысленная программа партіи для Думы. Опубликованіе Основныхъ Законовъ и отношеніе къ нимъ партіи. 542

Глава XXIV.

«Лжеконституція».

I. — Отношеніе общественности къ Основнымъ Законамъ 1906 г. Идея этихъ законовъ. Несправедливость нападокъ на нихъ. Военное законодательство. 87 статья. Бюджетныя правила.

II. — Думская инициатива въ области законодательства. Мѣры легальной борьбы противъ несогласія Монарха или Верхней Палаты. III. — Роль Думы въ области управленія..... 555

Глава XXV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ. 598